

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)

Учебно-научный центр изучения
этнополитических и этнокультурных процессов

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И МИРЕ

*Материалы
Международной научно-практической
конференции*

6 декабря 2019 г.

Москва
2020

УДК 342.725 (042.3)

ББК 81.2

Я41

Ответственный редактор

М.А. Омаров

*доктор политических наук, профессор,
директор Учебно-научного центра изучения
этнополитических и этнокультурных процессов РГГУ*

Рецензент

Н.М. Мухарямов

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авксентьев В.А.</i> Риски обострения языковой проблемы на Северном Кавказе	9
<i>Багомедов М.Р.</i> Языковое пространство полиэтнического региона: проблемы сохранения и изучения языков народов Дагестана	22
<i>Боргоякова Т.Г.</i> Языковая политика в республиках Тыва и Хакасия в условиях асимметричного билингвизма	31
<i>Власова Т.А.</i> Этнокультурные туристические программы в условиях региональной политики (на примере Удмуртской Республики)	38
<i>Габдрафиков И.М.</i> Этнокультурный компонент в сфере школьного образования: опыт Республики Башкортостан	53
<i>Галлямов Р.Р.</i> Двуязычие как способ оптимизации этноязыковых проблем в российских республиках: тенденции развития (на примере Республики Башкортостан)	59
<i>Гунжитова Г.-Х.Ц.</i> Языковая ситуация и языковая политика в Республике Бурятия: вызовы и тенденции	68
<i>Edleise Mendes</i> Trends and issues on multilingualism: UNESCO chair on language policies for multilingualism	75
<i>Иванова Н.И.</i> Динамика языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) в 2007–2016 гг.: этносоциопсихолингвистический подход	80
<i>Иванова С.Ю.</i> Интегративная миссия русского языка на Северном Кавказе	88
<i>Исмагилова А.Р., Солнышкина М.И., Гафиятова Э.В., Казачкова М.Б.</i> Языковая норма в эргономиконе г. Казани	94

<i>Макарова А.С.</i> Особенности речетворчества в православных медиатекстах	100
<i>Минеева З.И.</i> Многоязычие Карелии	107
<i>Перотто М.</i> Языковая политика по защите миноритарных языков в Европе и в Италии: проблемы, проекты, решения	115
<i>Savchenko A.V.</i> The phenomenon of Russian-Ukrainian bilingualism and multicodeality as a language portrait of modern Ukrainian language situation	127
<i>Фролова Е.В., Хайруллина А.И.</i> Программно-целевой подход в реализации языковой политики в Республике Татарстан	138
<i>Хайруллина Р.Х.</i> Филологическое образование в Башкортостане: традиции и инновации	146
<i>Храмова Е.В.</i> Языковой конфликт сквозь призму исследовательского мониторинга социальной напряженности в Республике Татарстан	152
<i>Щербаков А.В.</i> Модели образовательной языковой политики в многонациональном государстве	158
<i>Януш О.Б.</i> Роль медиа в сохранении языков меньшинств	164
<i>Мурсалиев Араз Огтай оглы</i> Государственный язык как одна из фундаментальных основ национальной и гражданской идентичности	171
<i>Сафин Ф.Г.</i> Языковая политика в контексте этноязыковой ситуации в республиках Урало-Поволжья	175
<i>Фаткуллина Ф.Г.</i> Лингвокультура как фактор формирования языковой личности педагога	192

CONTENT

<i>Avksent`ev V.A.</i> Risks of aggravation of language problem in the North Caucasus	9
<i>Bagomedov M.R.</i> The language space of the multi-ethnic region: the problems of preserving and learning the languages of the peoples of Dagestan	22
<i>Borgoyakova T.G.</i> Language policy in the republics of Tyva and Hakasia in the conditions of asymmetrical bilingualism	31
<i>Vlasova T.A.</i> Ethnocultural tourism programmes under regional policy (in the example of the Udmurt Republic)	38
<i>Gabdrafikov I.M.</i> Ethnocultural component in schooling: the experience of the Republic of Bashkortostan	53
<i>Gallyamov R.R.</i> Bilingualism as a way to optimize ethnolanguage problems in Russian republics: development trends (on the example of the Republic of Bashkortostan)	59
<i>Gunzhitova G.-H.Tc.</i> Language situation and language policy in the Republic of Buryatia: challenges and trends	68
<i>Edleise Mendes</i> Trends and issues on multilingualism: UNESCO chair on language policies for multilingualism	75
<i>Ivanova N.I.</i> Dynamics of the language situation in the Republic of Sakha (Yakutia) in 2007–2016: ethnosociopsycholinguistic approach	80
<i>Ivanova S.Yu.</i> Integrative mission of the Russian language in the North Caucasus	89
<i>Ismagilova A.R., Solnyshkina M.I., Gafiyatova E.V., Kazachkova M.B.</i> Language norm in the ergonomics of Kazan	94

<i>Makarova A.S.</i>	
Features of speech-making in Orthodox media texts	100
<i>Mineeva Z.I.</i>	
Karelia's multilingualism	107
<i>Perotto M.</i>	
Minority Language policy in Europe and in Italy: problems, plans and solutions	115
<i>Savchenko A.V.</i>	
The phenomenon of Russian-Ukrainian bilingualism and multicode- lity as a language portrait of modern Ukrainian language situation	127
<i>Frolova H.V., Hairullina A.I.</i>	
A program-targeted approach to the implementation of language policy in the Republic of Tatarstan	138
<i>Hairullina R.Kh.</i>	
Philological education in Bashkortostan: traditions and innovations	146
<i>Khramova E.V.</i>	
Language conflict through the prism of research monitoring of social tensions in the Republic of Tatarstan	152
<i>Shcherbakov A.V.</i>	
Models of educational language policy in a multinational state	158
<i>Yanush O.B.</i>	
The role of mass media in preserving minority languages	164
<i>Mursaliev Araz Ogtay oghly</i>	
The state language as one of the basics of national and civic identity	171
<i>Safin F.G.</i>	
Language policy in the context of an ethnic language situation in the republics of the Ural-Volga region	175
<i>Fatkullina F.G.</i>	
Lingoculture as a factor in the formation of the teacher's linguistic personality	192

Риски обострения языковой проблемы на Северном Кавказе

В.А. Авксентьев

доктор философских наук, профессор

*Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр РАН»,
Ростов-на-Дону, Россия, avksentiev@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируются роль и место языковой проблемы в контексте этнополитических процессов на Северном Кавказе. Вопросы изучения русского и родных языков исследуются с учетом изменений в Законе РФ «Об образовании», а также обострения языковой проблемы в масштабах России. На Северном Кавказе отсутствуют предпосылки для эволюции языковых проблем в открытые конфликты, однако эти проблемы являются одним из направлений концентрации рисков этнополитической стабильности. Объективные обстоятельства стимулируют хорошее владение русским языком, который выступает в регионе не только в качестве государственного, но и в качестве языка межнационального общения. С учетом миграционного потенциала региона русский язык выступает в качестве важного инструмента в конкуренции на рынке труда. Эта ситуация воспринимается национальной интеллигенцией и национальными активистами как угроза не только развитию, но и существованию родных языков. Риски этнополитической стабильности на Северном Кавказе со стороны языковой проблемы заключаются в ее возможной политизации и использовании этническими антрепренерами. В условиях «общества риска» на Северном Кавказе власти, национальная интеллигенция и общественные деятели оказались в ситуации классического для рискологии выбора: приходится выбирать не достижение «лучшего», а предотвращение «наихудшего». Назревшее улучшение преподавания родных языков не должно сопровождаться ухудшением владения русским языком, в противном случае молодое поколение может оказаться в невыгодном положении на рынке труда, что вызовет чувство депривации. Кроме пока не достигнутого баланса в изучении русского и родных языков увлечение «языковой проблемой» в образовании может иметь в качестве побочного эффекта ухудшение качества преподавания естественнонаучных дисциплин, непосредственно связанных с развитием современных технологий и производств.

Ключевые слова: этнополитические процессы, этнополитические риски, языковая проблема, Северный Кавказ

Risks of aggravation of language problem in the North Caucasus

Victor A. Avksent'ev

*Dr. of Sci. (Philosophy), Professor
Federal Research Center "Southern Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences",
Rostov-on-Don, Russia, avksentiev@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes the role and place of the language problem in the context of ethnopolitical processes in the North Caucasus. The issues of learning Russian and native languages are being investigated in view of changes in the Russian Education Act, as well as the aggravation of the language problem in Russia. In the North Caucasus, there are no prerequisites for the evolution of language problems into open conflicts, but these problems are one of the areas of concentration of risks to ethnopolitical stability. Objective circumstances stimulate good proficiency in the Russian language, which acts in the region not only as a state language, but also as a language of inter-ethnic communication. Given the region's migration potential, the Russian language acts as an important tool in competition in the labour market. This situation is perceived by the national intelligentsia and national activists as a threat not only to development, but also to the existence of native languages. The risks of ethnopolitical stability in the North Caucasus from the language problem lie in its possible politicization and use by ethnic entrepreneurs. In the context of the "risk society" in the North Caucasus, the authorities, the national intelligentsia and public figures found themselves in a situation of classic choice for risk-taking: it is necessary to choose not the achievement of the "best" but the prevention of the "worst". The overdue improvement in the teaching of native languages should not be accompanied by a deterioration in Russian language proficiency, otherwise the younger generation may be disadvantaged in the labour market, which will cause a sense of deprivation. In addition to the still unachieved balance in the study of Russian and native languages, the fascination with the «language problem» in education may have as a side effect the deterioration of the quality of teaching natural sciences, directly related to the development of modern technologies and productions.

Keywords: ethnopolitical processes, ethnopolitical risks, language problem, North Caucasus

1. К постановке проблемы

В России языковая проблема вылилась в последние годы в проблему номер один в межэтнических отношениях и существенно влияет на общую социально-политическую обстановку, например, в республиках Поволжья [Рустам Минниханов 2017]. Точку зрения по проблеме неоднократно высказывал Президент России В.В. Путин. Внесены изменения в федеральное законодательство, обеспечивающие возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации. При этом предусматривается изучение русского языка не только как государственного, но и как родного.

В научной литературе отмечается, что языковые конфликты не относятся к числу тех, которые могут превратиться в тяжелые конфликты, но могут повлиять на расстановку политических сил и поэтому активно используются этническими антрепренерами [Laitin 2000, p. 564]. Языковые конфликты чаще возникают тогда, когда государственными властями осуществляется исключение всех языков, кроме одного, из политического обихода, что приводит к обидам и в конечном итоге к конфликтам и насилию, причем это происходит независимо от благоприятного или неблагоприятного положения значительных слоев населения государства [Varennes 1997].

В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. делается осторожный, но четкий перевод этничности из сферы групповых прав в сферу самоопределения человека. Осуществлена корректировка приоритетов в пользу интегративных трендов, укрепления единства россиян, «сохранения самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)». Сохранение языкового и культурного многообразия России также обозначено в качестве приоритета, но второго в перечне приоритетов государственной национальной политики [Указ Президента Российской Федерации 2012]. Эти корректировки целей и приоритетов давно назрели и обусловлены явным уклоном национальной политики в России в первой четверти XXI в., после распада СССР, в сторону развития этнических культур и языков.

Далеко не все эти изменения находят поддержку среди гуманитарной интеллигенции республик, лидеров национальных движений. Концепт российской нации, ставший базовым в современной российской этнополитике, хотя и включен в официальный политический дискурс, не всегда воспринимается общественным сознанием. Сформировавшаяся общероссийская государственная идентичность основывается на факте гражданства, а не на

восприятию жителей страны как сограждан, как народа. Формирование российской гражданской и цивилизационной идентичности остается в стадии постановки задач. Предоставление возможности самоопределения в области образования также встретило неоднозначную реакцию.

Вопросы языковой политики в России имеют существенные региональные и субрегиональные особенности, которые должны быть учтены при анализе проблем, напряжений и конфликтов.

2. Методология исследования

Языковые проблемы на Северном Кавказе должны быть рассмотрены в двух аспектах. Первый – обострение языковой проблемы в масштабах России, что находит отголосок в северокавказских обществах. Второй – общая стабилизация этнополитических процессов в Северо-Кавказском регионе, в результате чего изменилась иерархия проблем в межнациональных отношениях. Ранее встречавшиеся и даже расхожие оценки ситуации на Северном Кавказе как затяжного регионального кризиса, а самого региона как региона конфликта более не могут считаться соответствующими современным реалиям. Наиболее адекватным будет определение региональной ситуации на Северном Кавказе как *общества риска* [см.: Авксентьев, Гриценко 2018].

Из многообразного теоретического наследия социологии риска (Н. Луман, Э. Гидденс, У. Бек) для анализируемой проблемы наиболее ценным является положение Н. Лумана о том, что риск является «обратной стороной нормальной формы» [Luhmann 1993, р. VIII–IX]. Согласно классикам рискологии, современное общество есть общество двойственности [Bauman 1998]. На первый план выходит двойственность любого принятого решения, сопряженность любого блага с возможно еще большим ущербом. Социальный проект современного общества приобретает отчетливо негативный и защитный характер – не достижение «хорошего», а предотвращение «наихудшего» [Beck 1992, pp. 12–13, 49–56]. В этом контексте необходимо уделить особое внимание долговременным и ситуативным рискам этнополитической стабильности, постоянно возникающим рискогенным ситуациям, которые, хотя и не всегда эволюционируют в этнополитические конфликты, но подчеркивают ситуацию неопределенности и обратимости позитивных трендов.

Проблемы и напряжения, чреватые конфликтами, предполагают обращение к конфликтологическому анализу. Языковая проблематика в региональном контексте наиболее адекватно анали-

зируется в рамках концепта конфликта идентичностей [Rothman 1997], а также концепции политизации этничности [Weber, Hiers, Flesken 2016].

Трактовка языковой проблематики в современной России как конфликта идентичностей позволяет понять заявления и действия сторон как основанные на восприятии сложившейся ситуации в качестве угрозы идентичности. Более того, современная конфликтология все более склонна рассматривать идентичность в качестве основного слоя всех конфликтов, которые являются более или менее заметными [Rothman, Alberstein 2013]. В этом контексте важно определить, каким образом сложившиеся отношения воспринимаются как угроза идентичности, и признать правомерность заявленных требований. Это является ключевым для начала диалога и конструктивного решения проблем.

Эвристически ценным является анализ рассматриваемой проблематики в рамках концепции политизации этничности. В зарубежной, особенно американо-британской, научной литературе проблемы, связанные с этничностью, ее политизацией и деполитизацией, как правило, анализируются в конструктивистском ключе. Согласно данной методологической установке, «этнические свойства представляют собой некий поддающийся организации сырой материал, которому можно придать смысл разнообразными способами» [Гринфельд 2008, с. 18]. Язык как один из признаков этничности как раз является таким «сырым материалом», который можно использовать для достижения разнообразных политических и неполитических целей.

Сами по себе язык, языковое многообразие, как и этничность и этническое многообразие, не являются ни причиной, ни источником конфликтов. Однако языковая проблематика, будучи понятной большинству людей, представляет собой подходящий ресурс для этнического антрепренерства и политизации этничности. Последняя, в свою очередь, уже является источником напряжений и конфликтов. Конструирование этничности этническими антрепренерами является, согласно Р. Брубейкеру, основой политизации этничности. По его мнению, этничность является способом восприятия, интерпретации и представления социального мира. Р. Брубейкер делает важное замечание: критиковать этнических антрепренеров было бы своеобразной категориальной ошибкой: ведь именно в «овеществлении этнических групп» и заключается «бизнес» на ниве этнополитики [Брубейкер 2012, с. 28, с. 42]. Важно уточнить, что под этническими антрепренерами недостаточно понимать только «дельцов от этнополитики», получающих политические дивиденды от мобилизации этнической принадлежности. Это явление гораздо шире: для многих,

особенно представителей гуманитарной интеллигенции, общественных деятелей, этничность является средством самоутверждения и самореализации, условием востребованности, что нередко более важно, чем политическая выгода. Языковая проблематика, активно вовлеченная в общественно-политический дискурс, «этнизует» общество, удерживает этничность в качестве одного из ключевых факторов общественной жизни.

3. Результаты и обсуждение

Обострение языковой проблемы в масштабах России не могло не отразиться на этнополитических процессах на Северном Кавказе. На Северном Кавказе языковая ситуация гораздо менее острая, чем в целом по России, и это обусловлено следующими факторами.

Во-первых, в регионе произошла стабилизация этнополитической обстановки. Хотя в настоящее время нет достаточных оснований, чтобы прогнозировать необратимый характер позитивных изменений, можно делать осторожные оптимистические прогнозы. Затяжной региональный этнополитический кризис завершился, он «распался» на отдельные этнополитические «узлы», проблемы и напряжения.

Во-вторых, в условиях текущего экономического кризиса внимание жителей региона переключилось на проблемы повседневного выживания, вытеснив другие вопросы на периферию общественного интереса. В 2018–2019 гг. замедлились позитивные тренды в социально-экономическом развитии. Три республики Северного Кавказа из шести заняли три последних места по индексу промышленного производства в 2018 г., показав снижение по этому показателю. Доля населения за чертой бедности превышает 20% в четырех из шести республик. Все республики Северного Кавказа занимают 6 из 8 позиций среди наиболее проблемных регионов с точки зрения занятости, при этом на середину 2019 г. имеется рост уровня безработицы в РСО-Алания и Республике Дагестан.

В-третьих, полиэтнический характер большинства субъектов Федерации на Северном Кавказе (из семи субъектов Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, только три имеют один титульный этнос) стимулирует владение языком межнационального общения. Русский язык в «составных» республиках выступает не только в качестве государственного языка, но и в качестве языка общения, в том числе между титульными этносами.

В-четвертых, развитие городской жизни: столицы «составных» республик постепенно становятся космополитичными городами с большой долей студенчества. В крупных вузах Северного Кавказа обучаются иностранные граждане, прежде всего из государств Южного Кавказа, Ирана, Ирака, Сирии. Учебная миграция будет нарастать, что является позитивным трендом и признаком стабилизации общественно-политической ситуации в регионе. Эти городские тренды также стимулируют хорошее владение русским языком, что снимает часть напряжения с языковой проблемы.

В-пятых, экономическая несамодостаточность субъектов Федерации на Северном Кавказе порождает миграционные процессы, в которых республики региона выступают в качестве территорий-доноров. Так, миграционная убыль населения только Дагестана составляет 11–13 тыс. человек ежегодно, за первые 15 лет текущего столетия в результате миграционного обмена Республика Дагестан потеряла 160,9 тыс. человек [Газиева 2016]. Русский язык в этих условиях является важным условием конкурентоспособности на рынке труда. Многие молодые люди ориентированы на получение образования и реализацию своих жизненных стратегий за пределами республик. В ходе многочисленных дискуссий на Северном Кавказе о преподавании родных языков эксперты и общественные деятели отмечают недостаточную мотивацию учащихся и родителей к изучению родных языков [см., напр.: В Махачкале обсудили вопросы 2019]. Директор Института истории и археологии при Северо-Осетинском университете Р. Бзаров считает, что большой угрозы родному языку в республике нет, но и позитивная динамика незаметна, и связывает это не с законом о языках, а с отношением общества к изучению языков [Ученые с Кавказа оценили поступок коллеги 2019].

В-шестых, сформировавшиеся обширные северокавказские диаспоры, с которыми жители республик поддерживают тесные семейные связи, в том числе экономические, также стимулируют хорошее знание русского языка.

В-седьмых, медийное пространство как основная платформа общения молодого поколения требует знания русского (и английского) языка.

Таким образом, хорошее владение русским языком стимулируется повседневными обстоятельствами жизни в Северо-Кавказском регионе, не требует «внешнего побуждения» со стороны государства, что снижает остроту языковой проблематики.

Поддержанию стабильности в языковой сфере способствует и то, что во всех республиках большое внимание уделяется как улучшению преподавания русского языка, так и сохранению

и развитию национальных языков и культур, сформирована нормативно-правовая база. Сохранение родных языков рассматривается в республиках региона как важнейшее условие сохранения этнической идентичности. Проводятся праздники родного языка, дни языка и письменности, различные конкурсы, например конкурс «Учитель родного языка». Медленно, но все же улучшается ситуация с квалификацией преподавателей.

Тем не менее проблемы языковой политики, не являясь непосредственным источником конфликтов, переместились в число рискогенных, причем их рискогенность в последние годы возрастает. Объясняется это следующими факторами.

Первое. Те причины и условия, которые обеспечивают потребность в хорошем владении русским языком, воспринимаются национальной интеллигенцией и национальными активистами как угроза статусу родных языков и даже их дальнейшему существованию. Тематика «угасания» родных языков популярна в блогах и комментариях к публикациям в интернет-СМИ [см., напр.: В Северной Осетии 2017].

Второе. В контексте «общества риска», которое, как мы отметили выше, наиболее адекватно описывает современную региональную ситуацию на Северном Кавказе, особое внимание необходимо уделять двойственности любого принятого решения, сопряженности позитивных и негативных результатов и определению их «веса». После обострения языковой проблематики в Поволжье в области языковой политики такие решения были приняты. Они оказали двойственное воздействие на общественное мнение в Северо-Кавказском регионе, на позицию гуманитарной интеллигенции.

Пик острых общественных дискуссий в республиках Северного Кавказа пришелся на период, непосредственно предшествующий принятию поправок к Федеральному закону «Об образовании», которые были утверждены Госдумой РФ 25 июля 2018 г. Дискуссии показали практические сложности в преподавании родных языков в соответствии с новыми положениями закона «Об образовании» [см., напр.: Хатукаева 2018], а также расхождения в оценках ситуации как со стороны чиновников, делающих акцент на большом объеме проделанной работы и работы, которую предстоит проделать, так и общественных деятелей, представителей гуманитарной интеллигенции, прогнозирующих если не языковую катастрофу, то сокращение сфер родных языков до семейного круга. «Ни в обществе, ни в семье не прививается трепетное отношение к родному языку», – отмечает главный научный сотрудник Дагестанского научного центра РАН М. Магомедов [Родной язык 2019]. Некоторое совпадение позиций

чиновничества и представителей общественности и гуманитарной интеллигенции наблюдается в Северной Осетии, в которой под эгидой ЮНЕСКО внедряется билингвальная система образования.

После окончательного принятия поправок к закону «Об образовании», а также публикации 19.06.2018 г. разъясняющего материала Государственной Думы РФ к проекту закона [Шесть вопросов про законопроект 2018] острота дискуссий в регионе снизилась и изменилась их повестка. Свободный выбор в качестве обязательного учебного предмета того или иного языка народов России потребовал разъяснительной работы, а также решения многих практических вопросов, связанных с образовательным процессом.

Третье. Дискуссии и конфликты вокруг изучения родных языков в республиках Поволжья повысили статус этнополитической проблематики и стали важным элементом современного дискурса в области этнополитики. Самосожжение удмуртского ученого А. Разина перед зданием госсовета Удмуртии в сентябре 2019 г. имело заметный резонанс в республиках Северного Кавказа [Ученые с Кавказа оценили поступок коллеги 2019]. Дискуссии об изучении родных языков способствуют дальнейшей политизации этничности, включены в дискурс этнической безопасности. Согласно интерактивному «Атласу языков мира, находящихся в опасности» [Interactive Atlas...], 11 титульных северокавказских языков (включая пять языков народов Дагестана, за исключением даргинского) относятся к категории уязвимых (vulnerable). Хотя эта категория является наименее угрожающей из пяти используемых в классификации, к ней относятся языки всех титульных этносов региона. Осетинский язык, также находящийся в категории уязвимых, отмечен как «оживленный» (revitalized). Ногайский язык отнесен к более проблемной категории – «определенно под угрозой исчезновения» (definitely endangered). Еще более сложным является положение нетитульных языков, особенно языков малочисленных народов Дагестана.

Четвертое. Снижение остроты этнополитической проблематики (из политической жизни региона практически исчез этносепаратизм, стали менее отчетливыми этнические компоненты борьбы за власть) повысило значимость «более спокойных» этнокультурных проблем, в том числе языковых. Родной язык рассматривается как основа сохранения этноса, как основа этнической идентичности.

Само по себе стремление сохранять и развивать родной язык является естественным и позитивным стремлением носителей языка и приобрело глобальный характер. Не случайно ООН

объявила 2019 г. Международным годом языков коренных народов. Это стремление не выступает в качестве конфликтогенного фактора. Потенциальная конфликтогенность языковой проблемы на Северном Кавказе концентрируется на двух направлениях.

Первая – дальнейшая политизация языковой проблемы и, как следствие, новый виток политизации этничности. Общественные деятели, представители гуманитарной интеллигенции постоянно выдвигают требования к властям; роль языковой проблемы в политизации этничности в большинстве республик (кроме Дагестана) даже выше, чем земельного вопроса. Политизированная этничность – это уже серьезный конфликтогенный фактор. Потенциальная конфликтогенность языковой проблемы заключается также в том, что она понятна и доступна каждому жителю Северного Кавказа, как носителю титульных языков, так и русским и русскоязычным гражданам.

Второй вектор конфликтогенности – возможное ухудшение знания русского языка прежде всего вследствие выезда большей части русского и русскоязычного населения. Оценки владения русским языком различны: от утверждений о том, что «сегодня мы теряем Кавказ в плане русского языка» [Как вернуть русский язык 2015], до утверждений, что «в целом жители Северного Кавказа прекрасно владеют русским языком» [Северный Кавказ прекрасно владеет русским языком 2018]. Учитывая, что значительная часть молодого поколения будет искать работу за пределами республик, служить в армии, возможное ухудшение знания русского языка понизит конкурентные возможности молодых людей, вызовет чувство депривации, что, как следствие, может привести к радикализации настроений. Гуманитарная интеллигенция рассматривает родной язык как ценность, как хранителя и транслятора этнической идентичности, но язык в современном мире – еще и инструмент в борьбе «за место под солнцем», за место на рынке труда.

4. Выводы

Таким образом, достаточно острая языковая проблема на Северном Кавказе имеет не актуальный, а потенциальный, отсроченный конфликтогенный характер, который может реализоваться через несколько опосредующих звеньев. Объективные обстоятельства стимулируют хорошее владение русским языком, который выступает в регионе не только в качестве государственного, но и в качестве языка межнационального общения в полиэтничном регионе. Эта ситуация воспринимается национальной интеллигенцией и национальными активистами как угроза не

только развитию, но и существованию родных языков. Риски этнополитической стабильности на Северном Кавказе со стороны языковой проблемы заключаются в ее возможной политизации и использовании этническими антрепренерами как наиболее понятной большинству населения. В условиях «общества риска» на Северном Кавказе власти, национальной интеллигенции и общественным деятелям необходимо пройти «между Сциллой и Харибдой» в решении языковой проблемы: безусловно назревшее улучшение преподавания родных языков не должно сопровождаться ухудшением владения русским языком, в противном случае молодое поколение может оказаться в невыгодном положении на рынке труда за пределами своего региона, что вызовет чувство депривации и рост радикальных настроений. В регионе сложилась классическая для рискологии ситуация: приходится выбирать не достижение «хорошего», а предотвращение «наихудшего». Кроме пока не достигнутого баланса в изучении русского и родных языков увлечение «языковой проблемой» в образовании может иметь в качестве побочного эффекта ухудшение качества преподавания естественнонаучных дисциплин, непосредственно связанных с развитием современных технологий и производств.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гранта проекта АААА-А19-119011190170-5.

Литература

- Авксентьев, Гриценко 2018 – *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 81–91.
- Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп: Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- В Махачкале обсудили вопросы 2019 – В Махачкале обсудили вопросы сохранения национальных языков Дагестана // ГТРК Дагестан, 14.02.2019. Режим доступа: <http://gtrkdagestan.ru/news/V-Mahachkale-obsudili-voprosy-sohraneniya-naczionalnyh-yazykov-Dagestana>.
- В Северной Осетии 2017 – В Северной Осетии лишь 10–20% владеет родным языком // АланияИнформ, 14.10.2017. Режим доступа: <http://osinform.org/62981-v-severnoy-osetii-lish-10-20-vladeet-rodnyim-yazykom.html>.
- Газиева 2016 – *Газиева Л.Г.* Миграционные процессы в Республике Дагестан // Актуальные проблемы социально-трудовых отношений: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием,

- посвященной 85-летию образования Дагестанского государственного университета. Изд-во: ООО «Апробация», 2016. С. 97–99.
- Гринфельд 2008 – *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности: Пер. с англ. – М.: ПЕР СЭ, 2008.
- Как вернуть русский язык 2015 – Как вернуть русский язык на Северный Кавказ? // Кавполит, 21.07.2015. Режим доступа: http://kavpolit.com/articles/kak_vernut_russkij_jazyk_na_severnoy_kavkaz-18485.
- Родной язык – Родной язык. Как сохранить национальную идентичность // Рамблер, 12.07.2019. Режим доступа: https://news.rambler.ru/education/42491184/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
- Рустам Минниханов 2017 – Рустам Минниханов: «Ну как может быть государственный язык добровольным?» // Реальное время, 26.10.2017. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/80054-v-gossovete-tatarstana-obsudili-yazykovoy-konflikt>.
- Северный Кавказ прекрасно владеет русским языком 2018 – Северный Кавказ прекрасно владеет русским языком // Вестник Кавказа, 23.03.2018. Режим доступа: <https://vestikavkaza.ru/news/Severnoy-Kavkaz-prekrasno-vladeet-russkim-yazykom.html>.
- Указ Президента Российской Федерации 2012 – Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Президент России. Официальный сайт. Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7A0VG3j.pdf>.
- Ученые с Кавказа оценили поступок коллеги 2019 – Ученые с Кавказа оценили поступок коллеги из Ижевска в борьбе за родной язык // Кавказский узел, 21.09.2019. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/340409>
- Хатукаева 2018 – *Хатукаева И.* Изучать язык обязательно, но только добровольно // Газета «Черновик», 18.06.2018. Режим доступа: <https://chernovik.net/content/obshchestvo/izuchat-yazyk-obyazatelno-no-tolko-dobrovolno>
- Шесть вопросов про законопроект 2018 – Шесть вопросов про законопроект об изучении национальных языков // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт, 19.06.2018. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/27352>
- Bauman 1998 – *Bauman, Z.* 1998. Globalization. The Human Consequences, Polity Press, Cambridge.
- Beck 1992 – *Beck, U.* 1992. Risk Society. Toward a New Modernity. SAGE, London.
- Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. Режим доступа: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>
- Laitin 2000 – Laitin, D. 2000 Language Conflict and Violence: The Straw that Strengthens the Camel's Back. National Research Council. 2000 // Stern P. & Druckman D., eds. International Conflict Resolution after the Cold War, The National Academies Press, Washington, DC, pp. 531–568.

- Luhmann 1993 – *Luhmann, N.* 1993. Risk: A Sociological Theory, Walter de Gruyter, Inc., N.Y.
- Rothman 1997 – *Rothman, J.* 1997. Resolving Identity-Based Conflict in Nations, Organizations, and Communities, Jossey-Bass Publishers, San Francisco.
- Rothman, Alberstein 2013 – *Rothman, J., Alberstein, M.* 2013. Individuals, Groups and Intergroups: Theorizing About the Role of Identity in Conflict and its Creative Engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution, (June 3, 2013). Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2273330>
- Varenes 1997 – *Varenes F. de,* 1997. Ethnic Conflicts and Language in Eastern European and Central Asian States: Can Human Rights Help Prevent Them? // International Journal on Minority and Group Rights. Vol. 5, No. 2 (1997), pp. 135–174.
- Weber, Hiers, Flesken 2016 – *Weber, A., Hiers, W., Flesken* 2016. A. Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective, Palgrave Macmillan, N.Y.

Языковое пространство полиэтнического региона:
проблемы сохранения
и изучения языков народов Дагестана

М.Р. Багомедов

*доктор филологических наук, профессор
Дагестанский государственный университет, Махачкала,
Россия, b_musa@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы сохранения и изучения языков, функционирующих на территории одного из уникальных регионов мира – полиэтнического Дагестана. Автором делается попытка отметить существующие на сегодня проблемы при изучении языков народов Дагестана в образовательных учреждениях республики. Предлагаются конкретные пути решения существующих проблем с целью сохранения и развития дагестанских языков.

Ключевые слова: Дагестан, языки народов Дагестана, родной язык, сохранение языков

The language space of the multi-ethnic region:
the problems of preserving and learning
the languages of the peoples of Dagestan

Musa R. Bagomedov

*Dr. of Sci. (Philology), professor Dagestan State University,
Mahachkala, Russia, b_musa@mail.ru*

Abstract. The article discusses the problems of preserving and learning languages that operate in one of the unique regions of the world – multi-ethnic Dagestan. The author makes an attempt to note the current problems in the study of the languages of the peoples of Dagestan in educational institutions of the republic. Specific proposals are proposed to address existing problems, as well as to preserve and develop Dagestanian languages.

Keywords: Dagestan, languages of the peoples of Dagestan, native language, preservation of languages

Каждый народ являет собой неповторимую культуру, историю, традиции, образ жизни. И, несомненно, язык. Сбереечь его для будущих поколений – сегодня очень важная и невероят-

но трудная задача. Общеизвестно, что судьба каждого народа органически сплетена с судьбой его языка. История знает многочисленные примеры того, как с исчезновением языка исчезает и народ. Хранить родной язык может только его носитель. Для сохранения родных языков эксперты ООН предлагают использовать их в школьном образовании в сочетании с официальным языком. Одним из лидеров такого подхода к обучению является Индия, где на разных уровнях школьного образования используется почти 80 языков.

На сегодняшний день, по оценкам специалистов, в мире существует около 7 тыс. языков. Но лишь несколько сотен из них в полной мере используются в образовании и государственной жизни, и менее ста – в мире цифровых технологий. По мнению ряда ученых, более 2500 языков могут исчезнуть с лица земли и подобная ситуация требует принятия мер по охране многоязычия, таких, как разработка последовательных региональных и национальных стратегий в области языков, направленных на их полноценное и равномерное использование во всех сферах жизни общества.

Время лозунгов (о значении родного языка и т. д.) прошло. Пришло время конкретных действий, систематической и целенаправленной работы. Реалии не очень-то радуют.

Согласно данным социолингвистического обследования, проведенного в Дагестане¹, более 75% из 3 тыс. старшеклассников городских школ признали, что не читают и не пишут на родном языке, а около 90% не слушают национальные радиопередачи. Если учесть, что в городах проживает более 60% дагестанского населения (на 2019 г. 70% учащихся школ республики – это учащиеся городских школ), то можно представить себе, какая реальная угроза потери этноязыкового лица нависла над народами Дагестана.

В Республике Дагестан эту работу надо строить с особой тщательностью и дотошностью, так как этот регион отличается многогранностью в культурно-языковом аспекте.

С точки зрения этнокультурного и языкового многообразия, сложности как историко-генетических, так и современных этнополитических проблем Дагестан является уникальным регионом не только России, но и всего мира.

Приведем небольшую справку. Порой мы забываем о простых хрестоматийных фактах и понятиях. Но они очень важны. В около 1600 населенных пунктах республики проживает более 3 млн человек. Это одна из самых многонациональных республик Российской Федерации: представлены более ста народностей.

¹ Борис Атаев. Ежедневник «Новое Дело» (Дагестан). Вып. № 7 (891) http://www.ndelo.ru/one_stat_print.php?id=251

Языки народов, проживающих в Дагестане «компактно, принадлежат к трем языковым семьям (всего 28 языков): I) кавказской (23): из них – а) дагестанские языки (22): даргинский (1); лакский (1); аваро-андо-цезские языки (14): аварский (1), андийские (8): андийский, ахвахский, багвалинский, ботлихский, годоберинский, каратинский, тиндинский, чамалинский; цезские (5): бежтинский, гинухский, гунзибский, цезский, хваршинский; лезгинские (6): лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский; б) нахские (1): чеченский (аккинский диалект); II) тюркской (3): кумыкский, ногайский, азербайджанский; III) индоевропейской (2): русский, татский».

Межнациональное общение осуществляется на русском языке. Четырнадцать языков являются письменными.

Филологов (специалистов по-иностранному, русскому и родным языкам) традиционно готовят в двух вузах (Дагестанский государственный университет и Дагестанский государственный педагогический университет) и в педагогических колледжах республики. О статусе данных языков и целесообразности их изучения говорят многие, но в определении их приоритетности мнения разнятся.

О важности и необходимости изучения иностранного языка все знают. Русский язык – это государственный язык (см. ст. 68 Конституции Российской Федерации: «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации») и язык межнационального общения в Дагестане. Можно с уверенностью сказать, что русский язык для дагестанцев нужен как воздух, без знания русского языка в республике невозможно полноценно жить и работать. Как образно сказал один аксакал, «русский язык – это язык хлеба» (на одном из дагестанских языков – даргинском языке – «*Урус мез къацла мез сари*»). Просто, но емко сказано.

Больше всего споров, разночтений и проблем имеется в деле изучения родного языка – государственных языков Республики Дагестан (см. ст. 11 Конституции Республики Дагестан: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана. В Республике Дагестан гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития»).

На языках народов Дагестана издается художественная, научная, учебная и другая литература, выходят районные и респуб-

ликанские газеты, литературно-художественные и общественно-политические и детские журналы, ведутся радио- и телепередачи, работают театры. Родные языки изучают в школах, педагогических колледжах и высших учебных заведениях республики (Дагестанский государственный университет и Дагестанский государственный педагогический университет).

При составлении программ и учебников по родной литературе учитываются особенности Дагестана как полиэтнического региона: количество выделяемого времени на изучение родной литературы в 5–9-х классах составляет 75%, а литературы народов Дагестана – 25%; в 10–11-х классах на изучение литературы народов Дагестана выделяется 75%; родной литературы – 25%.

Для достижения определенных успехов в деле изучения родного языка в образовательных учреждениях необходимо создать самые обычные, «рядовые» условия: достойное и уважительное место среди других дисциплин; поддержку администрации школы; наличие предметного кабинета; обеспечение необходимой учебно-методической литературой; подготовку квалифицированных специалистов; разъяснительную работу с общественностью; тесное сотрудничество со средствами массовой информации.

Похвально, что отдельные федеральные структуры не только интересуются, но и занимаются проблемами языков и литератур всех народов России. Например, центр стал инициатором издания трех антологий современной литературы народов России: поэзии, прозы и детской литературы. Они изданы при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 гг). «Антология современной поэзии народов России», объединившая 229 поэтов XX–XXI вв., пишущих на 57 языках народов России (в том числе и на дагестанских языках), стала Книгой года.

Определенная работа по повышению статуса родных языков, усилению интереса молодежи к родным языкам, росту качества их знаний проводится в высших учебных заведениях республики. Победители и призеры республиканских олимпиад по родным языкам и литературам без дополнительных экзаменов принимаются на русско-дагестанское отделение филологического факультета Дагестанского государственного университета (при наличии ЕГЭ по русскому языку и литературе), решением ученого совета университета студентам этого отделения выплачивается еще одна дополнительная стипендия.

В высших учебных заведениях Дагестана, в частности в Дагестанском государственном университете, созданы условия для изучения и подготовки специалистов по 11 языкам народов

Дагестана (аварскому, даргинскому, кумыкскому, лезгинскому, табасаранскому, лакскому, ногайскому, азербайджанскому, агульскому, рутульскому, цахурскому). Правда, в последние годы из-за отсутствия абитуриентов прием осуществляется только по шести первым вышеперечисленным языкам. С каждым годом набор становится меньше. В этом году на дневное бюджетное отделение русско-дагестанского отделения филологического факультета университета поступили всего 39 студентов. В чем же причина? На наш взгляд, в следующем:

1. Низкий престиж профессии учителя.
2. Отсутствие востребованности в кадрах. В конце прошлого – начале нынешнего столетия подготовили много специалистов по языкам и литературам народов Дагестана. По информации представителя Министерства образования и науки Республики Дагестан, число вакансий учителей родного языка в республике в 2019 г. составляет 17 мест.
3. В последнее время наблюдается сокращение количества часов по родному языку и литературе в образовательных учреждениях, соответственно уменьшается и нагрузка учителей.
4. Для поступления на русско-дагестанское отделение филологического факультета университета кроме русского языка необходимо сдать и ЕГЭ по литературе. Это один из трудных экзаменов. Мало выпускников выбирают его и плохо сдают.
5. В 2019/2020 уч. г. на русско-дагестанском отделении филфака ДГУ обучается 153 студента (дневное бюджетное отделение): аварская группа – 49, даргинская – 31, кумыкская – 18, лакская – 18, лезгинская – 16, табасаранская – 21. По курсам: 1-й курс – 37 студентов, 2-й курс – 41, 3-й курс – 34, 4-й курс – 41 студент. На заочное отделение уже третий год прием осуществляется только на платное отделение.

Преподаватели двух кафедр – дагестанских языков и литератур народов Дагестана – не только обучают студентов родному языку и литературе, но и участвуют практически во всех республиканских мероприятиях: в конкурсах «Лучший учитель родного языка», «Лучший кабинет родного языка», «Лучший чтец стихов дагестанских авторов на родном языке», олимпиадах и др.

В Дагестанском государственном университете функционируют Центр изучения родного языка и Центр исследования литератур народов Дагестана, которые организывают различные мероприятия, в том числе Всероссийскую и Международную научные конференции.

Даггосуниверситет не раз становился площадкой для подготовки и проведения республиканского тотального диктанта на родном языке. И в этом году по запросу Министерства по нацио-

нальной политике и делам религий Республики Дагестан кафедрой дагестанских языков подготовлен материал для проведения диктанта на 14 языках народов Дагестана.

В ДГУ функционируют учебные кабинеты по родному языку, работают студенческие научные и литературные кружки по родным языкам. Студенты выезжают в дагестанские аулы на фольклорные и диалектологические практики, где собирают богатый языковой и фольклорный материал. Педагогическую практику по родному языку и литературе проходят в сельских школах. Проводятся олимпиады по родному языку и литературе «Абитуриент ДГУ».

Частыми гостями студентов-филологов являются писатели, журналисты и ученые. В 2018 г. в рамках XXXII Международного литературного фестиваля им. Р. Гамзатова «Дни белых журавлей», который проходит под эгидой ЮНЕСКО, состоялась встреча российских и зарубежных писателей с преподавателями и студентами филологического факультета Даггосуниверситета.

Для проведения мастер-классов к студентам приглашаются учителя родного языка – победители республиканского конкурса «Лучший учитель родного языка».

Художественные произведения студентов и преподавателей ДГУ на языках народов Дагестана были опубликованы в сборнике «Души прекрасные порывы».

В редакциях изданий, выходящих на языках народов Дагестана, в основном работают выпускники русско-дагестанского отделения. Практику по литературному редактированию и переводу студенты проходят в редакциях республиканских газет и журналов, выходящих на языках народов Дагестана. В ходе практики публикуются материалы в данных изданиях. Лучших из них приглашают работать в газеты, отдельные – совмещают учебу и работу в газете.

Широко и на достаточно хорошем уровне проводят в ДГУ Международный день родного языка (21 февраля) и День дагестанской культуры и языков (21 октября) с привлечением учащихся, учителей родного языка, ученых, писателей, журналистов, артистов театра и других, где звучат стихи и песни на всех литературных языках народов Дагестана.

Невозможно в одной статье сказать обо всем, что делается в университете по изучению и популяризации родного языка в республике. Более подробную информацию сможете получить на сайте Дагестанского государственного университета (странички кафедр дагестанских языков и литератур народов Дагестана).

Язык существует до тех пор, пока выполняет какие-то определенные функции. Порой, не вдумываясь в эту общеизвестную

аксиому, вольно или невольно лишаем языки этих функций: например, в ряде школ учителям родного языка не разрешают составлять календарно-тематические планы, рабочие программы и заполнять журнал по дисциплинам «Родной язык» и «Родная литература» на родном языке.

Обучение на родном языке в начальном звене школы сегодня сведено на нет, так как переводные учебники по математике и окружающему миру уже не издаются.

На наш взгляд, проводимая в республике работа всеми заинтересованными лицами и организациями должна служить одной цели – сохранению, развитию и изучению на должном уровне всех языков и литератур народов Дагестана. Для чего считаем необходимым:

1. Ускорить принятие закона о языках народов Республики Дагестан. Это не панацея, но ряд вопросов решил бы.
2. Своевременно и в достаточном количестве издавать учебники по родным языкам и литературам для образовательных учреждений.
3. Возобновить серию «Школьная библиотека» (при функционировании Дагестанского учебно-педагогического издательства такая серия выходила), где будут издаваться лучшие образцы художественной литературы дагестанских классиков и современных писателей.
4. Приступить к систематическому изданию методической литературы из серии «В помощь учителю родного языка».
5. Создать наглядные пособия по родному языку для начальных и старших классов школ Республики Дагестан.
6. Начать выпуск ежегодника (ежегодного журнала) «Родной язык» на языках народов Дагестана, в том числе и на русском языке, где будут публиковаться материалы по проблемам изучения родного языка и литературы в школах, педагогических колледжах и высших учебных заведениях Республики Дагестан, в том числе методический и другой материал. Такой опыт имеется на кафедре дагестанских языков ДГУ, где в издательском кафедрой ежегоднике «Вопросы кавказского языкознания и тюркологии» публикуются материалы в том числе и на языках народов Дагестана.
7. Перевести на языки народов Дагестана более десяти полнометражных художественных фильмов, мультфильмов и спектаклей для детей (поставленных в Кукольном театре) народного писателя Дагестана и киносценариста Ахмедхана Абу-Бакара, чьи произведения в свое время были переведены на 68 языков народов мира, с целью их демонстрации в образовательных учреждениях республики. Это будет хорошим

- пособием не только для учащихся, но для студентов вузов республики.
8. Подготовить и издать на языках народов Дагестана, в том числе и на русском языке, книги о лучших учителях (мастерах педагогического труда) родного языка Республики Дагестан.
 9. Рекомендовать редакциям литературно-художественных и общественно-политических журналов, а также республиканских газет, выходящих на языках народов Дагестана, вести рубрику «Учителю родного языка и литературы» для целенаправленной и систематической публикации материалов по проблемам изучения данных дисциплин в образовательных учреждениях Республики Дагестан и методических работ.
 10. Рекомендовать телеканалам РГВК, ГТРК, ННТ систематически вести тематические телепередачи по проблемам изучения языков народов Дагестана с привлечением учителей родного языка, специалистов Дагестанского института развития образования, Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А.А. Тахо-Годи, Дагестанского государственного университета, Дагестанского государственного педагогического университета, Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
 11. Создать видеoarхив мастер-классов учителей – участников республиканского конкурса «Лучший учитель родного языка» для их практического использования в образовательных учреждениях республики (в школах, педагогических колледжах, на филологических факультетах ДГУ и ДГПУ, курсах повышения квалификации учителей родного языка в Дагестанском институте развития образования).
 12. Подготовить и издать на языках народов Дагестана, в том числе и на русском языке, справочник «Писатели Дагестана»
 13. Создать базу данных учителей родного языка школ, преподавателей родного языка педагогических колледжей и вузов Дагестана, а в перспективе – Российской Федерации.
 14. Организовать подписку республиканских газет и журналов, выходящих на языках народов Дагестана, студентам русско-дагестанского отделения филфака ДГУ и факультета дагестанской филологии ДГПУ, а также передавать художественные книги дагестанских писателей на всех языках, издаваемых Дагестанским книжным издательством, или заключить какое-то соглашение между вышеназванными учреждениями. Как преподаватель родного языка на занятиях по курсу «Современный даргинский язык» пользуюсь республиканской газетой «Замана» («Время»), журналами на даргинском

языке «Лачин» («Соколёнок»), «Гьалмагъдеш» («Дружба»), «Дагъиста хьунул адам» («Женщина Дагестана») – для студентов это хороший практический материал. Это и есть забота о будущих поколениях и конкретное дело в сохранении родного языка.

15. С целью обсуждения наболевших проблем и обозначения совместных действий для решения насущных задач в деле изучения родного языка и литературы в образовательных учреждениях с привлечением образовательных, научных и иных заинтересованных учреждений раз в два года проводить республиканский (и Всероссийский – с участием представителей всех субъектов Российской Федерации) форум.

Говоря о языках, великий поэт Расул Гамзатов сказал: «Для меня языки народов – как звезды на небе. Я не хотел бы, чтобы все звезды слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют и звезды. Пусть у каждого человека будет своя “звезда”». К сказанному хотелось бы добавить следующее: Сегодня на языковом небосклоне Дагестана мерцают 28 звезд. Давая без всяких преград светиться каждой звезде, несомненно, мы проявляем глубокое уважение ко всем языкам и тем самым становимся обладателями главного ключа к сохранению всего мира.

Языковая политика
в республиках Тыва и Хакасия
в условиях асимметричного билингвизма

Т.Г. Боргоякова

*доктор филологических наук, профессор
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Абакан, Россия, tamarabee@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена динамике социолингвистических процессов в сибирских регионах РФ, где языковой сдвиг принимает необратимый характер даже в случае с языками коренных титульных народов национально-государственных образований – республик, на примере республик Тыва и Хакасия. Увеличение разрыва в 22% в доле тувинцев и хакасов, признававших язык своего народа родным в 1989 г., до 38,4% в доле владеющих родным языком в 2010 г., служит подтверждением корреляции языковой лояльности не только с демографической мощностью языков, но и с уровнем языковой ассимиляции на период запуска новых принципов языковой политики в начале 90-х гг. прошлого столетия. Выявленная динамика языковой лояльности двух соседних коренных народов Южной Сибири служит своеобразным прогнозом витальности их языков в XXI в., подтверждая закономерность корреляции между уровнем языкового сдвига и соответствующим снижением языковой лояльности.

Негативное влияние на языковое поведение носителей государственных титульных языков республик оказывает сохранение функциональной асимметрии контактирующих языков, не способствующее формированию активного контактного билингвизма с использованием литературных форм его компонентов. Существенные преимущества в компактном проживании носителей тувинского языка в сельской местности, в демографической и коммуникативной мощности тувинского языка в сравнении с хакасским пока еще не служат основой для анализа и проведения более активной региональной языковой политики, направленной на остановку процессов языковой ассимиляции, особенно в системе образования.

Ключевые слова: языковая политика, асимметричный билингвизм, языковое поведение, языковой сдвиг, тувинский язык, хакасский язык

Language policy in the republics of Tyva and Hakasia in the conditions of asymmetrical bilingualism

Tamara G. Borgoyakova

Dr. of Sci. (Philology), professor,

Khakass State University, Abakan, Russia

tamarabee@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the dynamics of sociolinguistic processes in the Siberian regions of the Russian Federation, where the language shift takes irreversible character even in the case of the languages of the indigenous titular peoples of national-state formations - republics, by example Tyva and Hakasia. The 22% increase in the proportion of Tuvins and Khakas who recognized their people's language as native in 1989 to 38.4% in the share of native speakers in 2010 confirms the correlation of language loyalty not only with the demographic power of languages, but also with level of linguistic assimilation at the time of the launch of new principles of language policy in the early 1990s. Revealed dynamics of language loyalty of the two neighboring indigenous peoples of Southern Siberia serves as a kind of prediction of the vitality of their languages in the 21st century, confirming the pattern of correlation between the level of language shift and the corresponding decline in language loyalty.

The negative impact on the language behavior of native title language speakers of the republics is the preservation of functional asymmetry of contact languages, which does not contribute to the formation of active contact bilingualism using literary forms of its components. Significant advantages in the compact residence of Native State speakers in rural areas, in the demographic and communicative power of the Tuva language, in comparison with the Khakassian language, do not yet serve as a basis for analysis and more active regional language policies aimed at stopping the processes of language assimilation, especially in the education system.

Keywords: language policy, asymmetric bilingualism, language behavior, language shift, Tuvins language, Khakas language

Общность семантической структуры терминов *языковая политика, языковое планирование* и *языковое строительство* связана с направленностью на изменение или сохранение функционального и статусного распределения языков в социуме того или иного государственного образования [Словарь социолингвистических терминов 2006]. В англоязычной научной литературе используется составной термин *language policy and planning* (LPP), подчеркивающий взаимосвязь его компонентов – языковой политики

и языкового планирования. Ключевые подходы в исследованиях LPP определяются конкуренцией двух идеологий. Первая связана с известной моделью «одного языка для государства», доминировавшей до середины прошлого века. Данная идеология способствовала ослаблению и ассимиляции многих языков и характеризует недемократический тип языковой политики. Вторая направлена на необходимость учета и поддержки ценности индивидуального и социального многоязычия [McCarty 2011]. Она получила признание и развитие в демократических странах, поддерживающих многообразие культурного и лингвистического наследия своих коренных народов.

В современных исследованиях языковой политики выделяются три аспекта: 1) практическая сторона языкового поведения сообщества; 2) его убеждения о правильном или желательном языковом поведении; 3) результативность мер субъектов языковой политики по влиянию на практику или убеждения сообщества [Spolsky 2017]. Данные аспекты включают основы обоих значений термина *языковая лояльность*: оценку членами языкового коллектива «коммуникативной пригодности и престижности» языка своего этноса и признания его родным, а также толерантность доминирующего этноса [Словарь социолингвистических терминов 2006: 261–262]. Важным результирующим дополнением служит оценка политики государства по отношению к языкам миноритарного этноса. В других определениях подчеркивается корреляция языковых убеждений и поведения носителей миноритарных языков: *pride in or preference for a particular language; continued use of a language because of this, especially within a culture where another language is dominant* – «гордость или предпочтение определенного языка; продолжающееся из-за этого использование языка, особенно в культуре, где доминирует другой язык» [English Dictionary 2019].

Для изучения языковой политики в республиках Тыва и Хакасия необходим учет их языкового законодательства, реального коммуникативного веса софункционирующих языков и особенностей развития языковой лояльности, определяющих особенности развития контактного билингвизма.

Актуальность исследования связана с необходимостью осмысления динамики социолингвистических процессов в сибирских регионах РФ, где языковой сдвиг принимает необратимый характер даже в случае с языками титульных народов национально-государственных образований – республик.

Цель данной работы заключается в проведении сравнительного анализа результатов языковой политики и особенностей софункционирования общегосударственного русского языка

и тувинского и хакасского языков, имеющих статус государственных в республиках Тыва и Хакасия.

Тыва и Хакасия – соседние тюркоязычные республики Южной Сибири, входящие в состав Сибирского федерального округа. Разница во времени их пребывания в составе России, которое исчисляется более чем тремя столетиями для Хакасии и 75 годами для Тувы, несомненно, оказало влияние на особенности современной билингвальной языковой ситуации. Более высокий функциональный вес тувинского языка по сравнению с хакасским языком определяется его демографической мощностью и уровнем языковой лояльности его носителей. Сравнительные данные по численности и доле исследуемых этносов в соответствующих республиках, а также по изменениям в их языковой лояльности представлены ниже в виде таблицы на основе последних трех переписей населения.

Таблица

Динамика численности
и языковой лояльности тувинцев и хакасов

	Тувинцы			Хакасы		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Этнос в составе России (тыс. чел)	206,2	243,4	263,9	79,0	76,0	73,0
Доля в республике (%)	64,3	77,0	82,0	11,1	12,0	12,1
Доля признавших родной язык или владеющих им (%)	98,6	99,7	96	76,7	69	58

Как следует из таблицы, за почти два последних десятилетия постсоветского периода в двух республиках произошли изменения противоположного характера – увеличение численности тувинцев на 57 тыс. и сокращение хакасов на 6 тыс. человек. Негативная динамика уровня языковой лояльности составила 18,7% у хакасов и 2,6% у тувинцев. Что касается соотношения доли титульных этносов в структуре населения республик, то наблюдается его рост почти на 18% в Республике Тыва (далее РТ) и на 1% в Республике Хакасия (далее РХ). Увеличение разрыва в 22% в доле тувинцев и хакасов, признававших язык своего народа родным в 1989 г., до 38,4% в доле владеющих родным языком в 2010 г., является, на наш взгляд, проявлением корреляции языковой лояльности не только с демографической мощностью языков, но и с уровнем языковой ассимиляции на период запуска новых

принципов языковой политики в начале 90-х гг. прошлого столетия. Выявленная динамика языковой лояльности двух соседних коренных народов Южной Сибири служит своеобразным прогнозом витальности их языков в XXI в., подтверждая закономерность корреляции между уровнем языкового сдвига и соответствующим снижением языковой лояльности.

Императив коммуникативного поведения тувинских и хакасских билингвов во многом определяется законодательным регулированием статуса и функционирования языков и эффективностью его применения в условиях, когда выработка языковой политики РФ «целиком передана от центра регионам». На региональном уровне она проводится по-разному, зачастую принимая «стихийный» характер, когда «проявляется местный национализм» или «излишняя русификация» [Алпатов 2015, с. 17; Головкин 2016, с. 10]. Языковое законодательство РТ и РХ, представленное в конституциях республик и законах о языках их народов, относится к «мягкому» типу с преобладанием декларативных положений и формулировок в части функционирования вторых государственных языков – тувинского и хакасского – в официальных сферах республик [см. об этом также: Бавуу-Сюрюн 2010]. Особенно показательным в этом плане является языковое законодательство РХ, в котором содержится минимум каких-либо положений облигаторного характера, направленных на укрепление софункционирования хакасского языка в коммуникативном пространстве региона [см. об этом подробнее в Боргоякова 2015; Боргоякова, Гусейнова 2017].

Развитие национально-русского билингвизма в двух республиках привело в обоих случаях к установлению билингвизма асимметричного типа, который развивается в результате «функционально неравноправных отношений» между различными контактными или софункционирующими языками [Словарь социолингвистических терминов 2006: 27]. Функциональное неравноправие заключается в преобладании или исключительном использовании только русского языка в сферах официальной коммуникации в обеих республиках. Некоторое исключение составляют сферы образования, СМИ и культуры, в которых у вторых государственных языков сохраняются свои «ниши» функционирования в разной степени дополнительности к русскому языку.

Специфика развития языковой ситуации и языкового поведения жителей в Республике Тыва связана с тем, что подавляющее большинство кожуунов являются мооязычными и роль языка первичной социализации детей и практически единственного средства коммуникации в сфере неофициального общения там

выполняет тувинский язык. Отсутствие живой практики коммуникации на русском языке приводит к слабому уровню владения им, которое не преодолевается в процессе обучения в школе. Это происходит при отсутствии продуманной и целенаправленной работы по развитию активного билингвизма. В такой ситуации трудно решаемой оказывается проблема качественного владения литературными нормами обоих языков, совершенно необходимого, когда речь идет о языках, обладающих государственным статусом.

Асимметричность контактного билингвизма в РХ усиливается разницей в языковом поведении носителей хакасского и русского языков, которая выражается в активном двуязычии первых, порой с переходом на русский язык в ущерб родному, и традиционном одноязычии доминантного русского населения, которое не владеет вторым государственным языком республики. Только продуманная языковая политика, направленная на уменьшение числа хакасов, переходящих в категорию монолингвов на доминантном языке, может снизить темпы происходящего языкового сдвига. Последствия функциональной и социально-ролевой асимметрии при взаимодействии государственных языков республик проявляются в уже утраченных возможностях или нежелании родителей передавать родной язык детям в семье. Сокращение количества детей, владеющих родным языком, стало одним из ключевых причин отнесения хакасского языка к группе языков в опасности в Атласе языков под угрозой исчезновения ЮНЕСКО (2010). Тувинский язык, которым еще владеет существенная часть детей на уровне родного и функционально первого, отнесен к группе уязвимых языков в связи с ограниченностью использования языка за пределами семьи и бытового общения.

Таким образом, функциональная асимметрия билингвизма в республиках Тыва и Хакасия способствует процессам языкового сдвига, что требует активного участия всех субъектов языковой политики в выработке стратегий и действенных механизмов его остановки через продвижение понимания преимуществ активного билингвизма для носителей как титульных языков, так и русского языка, а также внедрение инновационных практик языкового планирования и образования.

Литература

- Алпатов 2015 – *Алпатов В.М.* Языковая политика в XXI в. // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. С. 10–19.

- Бавуу-Сюрюн 2010 – *Бавуу-Сюрюн М.В.* Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. Режим доступа: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2158-bavuu-syuryun-mv.html (дата обращения 06.11.19).
- Боргоякова 2015 – *Боргоякова Т.Г.* Языковая политика в республиках Южной Сибири // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник». С. 118– 132.
- Боргоякова, Гусейнова 2017 – *Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В.* Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2017. – 136 с.
- Головко 2016 – *Головко Е.В.* Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2016. С. 9–12.
- Словарь социолингвистических терминов 2006 – Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
- McCarty 2011. – *McCarty T. L.* Introducing Ethnography and Language Policy, In *Ethnography and Language Policy* edited by T. L. McCarty. New York, Routledge, 2011. P. 1–28.
- English Dictionary 2019 – English Dictionary, Thesaurus and Grammar Help. Режим доступа: https://www.lexico.com/en/definition/language_loyalty.
- Spolsky 2017 – *Spolsky B.* Language Policy in Education: Practices, Ideology, and Management, In *Language Policy and Political Issues in Education* (3rd ed.), edited by T. L. McCarty & S. May, Cham, Switzerland, Springer, 2017. P. 3–16. Этнокультурные туристические программы в условиях региональной политики (на примере Удмуртской Республики).

Этнокультурные туристические программы в условиях региональной политики (на примере Удмуртской Республики)

Т.А. Власова

*кандидат философских наук, доцент
Удмуртский государственный университет,
Ижевск, Россия, tavlasova@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ основных направлений развития внутрирегионального туризма в Удмуртской Республике. Элементы этнической и локальной культуры выступают «точками притяжения» как для жителей региона, так и для приезжих. Цель настоящей статьи – выявление основных тенденций реализации региональной политики в отношении туризма. Эмпирическая база исследования опирается на материалы экспертных интервью с директорами туристических фирм и специалистов по социальному проектированию и результаты анкетного опроса (N188). Было выявлено, что в рамках региональной политики делается ставка на развитие этнокультурных программ, которые фокусируются на репрезентации уникальности региона. В настоящее время простой демонстрации этнической специфики недостаточно. Интерес туристов к этнокультурным программам снизился в последние два-три года из-за однообразия их содержания. Необходима комплексная работа по реорганизации программ, связанных с историей и культурой народов, живущих в Удмуртской Республике, с привлечением органов власти муниципального и регионального значения. Результаты анкетного опроса показывают, что респонденты считают этнокультурные программы важным элементом туристического имиджа региона. Поддержать интерес туристов к этнокультурным программам может появление проектов, рассчитанных на разные возрастные и профессиональные категории. Относительно невысокие доходы населения в республике ограничивают возможности курортного отдыха и поездки за рубеж. Поэтому путешествия по региону, как с просветительскими целями, так и в рамках организации семейного или корпоративного досуга, остаются востребованными.

Ключевые слова: региональная политика, туризм, этнокультурные программы, развитие региона

Ethnocultural tourism programmes
under regional policy
(in the example of the Udmurt Republic)

Tat'yana A. Vlasova

*Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor
Udmurt State University, Izhevsk, Russia, taclasova@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the main areas of development of intra-regional tourism in the Udmurt Republic. Elements of ethnic and local culture are “points of attraction” for both residents of the region and visitors. The purpose of this article is to identify the main trends in the implementation of regional tourism policy. The empirical basis of the study is based on expert interviews with the directors of travel firms and specialists in social design and the results of the questionnaire (N188). It was revealed that the framework of the regional policy is focused on the development of ethnocultural programs, which focuses on the representation of the uniqueness of the region. At present, a simple demonstration of ethnicity is not enough. The interest of tourists to ethnocultural programs has decreased in the last two or three years due to the monotony of their content. Comprehensive work is needed to reorganize programmes related to the history and culture of peoples living in the Udmurt Republic, involving municipal and regional authorities. The results of the questionnaire show that respondents consider ethnocultural programs an important element of the tourist image of the region. To support the interest of tourists to ethnocultural programs can the emergence of projects designed for different age and professional categories. Relatively low incomes of the population in the country limit the opportunities for resort holidays and trips abroad. Therefore, travel to the region, both for educational purposes, and within the organization of family or corporate leisure remain in demand.

Keywords: regional policy, tourism, ethnocultural programs, region development

Региональная политика в Удмуртской Республике основывается на представлении, что доходы от туристической отрасли станут альтернативной основой для социально-экономического благополучия села. Для развития аграрных предприятий необходимы значительные государственные и частные инвестиции, поэтому их развитие идет замедленными темпами. А туризм, как предполагается, может обеспечить относительно быстрый оборот средств. Ресурсом, обеспечивающим привлечение внимания туристов, часто становится этнокультурная специфика региона [Горлова, Бычкова, Костина 2013]. Так, в Удмуртской Республике

учреждения культуры используют удмуртский язык, удмуртский фольклор, кухню, обрядность в качестве составляющих элементов культурного капитала, конвертируемого в постоянный доход. Цель настоящей статьи – выявить особенности региональной политики в отношении этнокультурного туризма.

Главной проблемой формирования туристической отрасли региона стала рассогласованность деятельности учреждений культуры, разрабатывающих образовательные и развлекательные программы, туристических фирм, а также органов государственного и муниципального управления. Совместные мероприятия способствовали установлению сетей партнерства и координации. Результаты этого сотрудничества в настоящее время нуждаются в аналитическом обобщении.

Публикации, посвященные обобщению результатов реализации туристических и культурных проектов, описывают ситуацию в разных регионах [Молчанов 2016; Ковалева, Ульянов 2017]. Исследования туристических практик в Удмуртии тяготеют к описанию государственной политики в регионе [Баталова, Мерзлякова 2011; Грахов, Кислякова, Симакова 2013; Замостьянова, Кучинская, Рябая, 2018]. В настоящей статье представлены позиции непосредственных участников практик гостеприимства: туристов и представителей турфирм. С позиций конструктивистской теории П. Бурдьё, существует взаимосвязь между определенными социальными возможностями, которые реализуются в пространстве туристского социального взаимодействия, и экономическими благами, которые создаются на определенной территории, «социального капитала» [Бурдьё 2005, 19]. А. Мэтьюсон и Дж. Уолл подчеркивают значимость для туризма социального благополучия принимающей стороны и необходимость фокусироваться на анализе социально-экономического состояния туристических городов или регионов [Wall, Mathieson 2006]. Дж. Урри предположил, что понимание происходящих в «нормальном» обществе процессов возможно через изучение того, как социальные группы конструируют свои туристские взгляды. С этой позиции исследования туризма могут помочь выявить практики, принятые в обществе, но по каким-то причинам не очевидные. Для Урри туристский взгляд содержит субъективность в отношениях между туристами и местами, которые они посещают. В туризме отражается главенствующее значение визуальности в современной культуре, и желания посещать места и способы, которыми локации визуально нами оцениваются, являются не просто индивидуальными и автономными, а социально организованными. И именно поэтому изменения в туризме обязательно связаны с более широкими социальными преобразованиями в регионе,

особенно существенны трансформации культурных индустрий, поскольку разные социальные группы могут расходиться в представлениях, определяющих «правильные» формы туризма.

Методы и методология эмпирического исследования

В ходе исследования была проведена серия полуструктурированных глубинных интервью. Использование этого метода, во-первых, позволило выявить сформировавшиеся нарративы, в которых представлены обычные приемы работы в сфере культуры. В нарративной форме предъясняются установки, определяющие содержание и формы региональных туристических программ, а также доминирующие идеи и осознаваемые проблемы. Во-вторых, метод интервью обеспечивал сбор фактической информации. Значительная часть данных о локальном туризме не зафиксирована статистикой. В материалах интервью оказались представлены данные об организации внутрирегионального туристского и экскурсионного потока. Также информанты могли рассказать об особенностях проектной деятельности в регионе, которые также остаются имплицитным знанием.

С февраля по июнь 2018 г. было проведено шесть полуструктурированных интервью. Участие в исследовании принимали директора фирм, выполняющих функции туроператоров по региональным маршрутам. В рамках профессиональной деятельности у информантов формировались позиция по отношению к культурному наследию региона, представление о культуре края, о достопримечательностях и исторических событиях. Содержание этих разделяемых идей транслировалось как на потенциальных клиентов туристических фирм, так и внутри самого экспертного сообщества.

Для уточнения установок людей, принимающих участие в туристических практиках, в мае 2019 г. проводился онлайн-опрос. В исследовании приняли участие 188 человек. Использовалась стихийная выборка. Структура выборки отражает характеристики той части населения, которая наиболее активно включена в практики внутреннего туризма, – сотрудников социальных и образовательных учреждений.

Туристические маршруты в Удмуртской Республике

Материалы интервью позволяют описать ситуацию на туристическом рынке Удмуртской Республики. По данным Министерства экономики Удмуртской Республики, в Ижевске работают 172 туристические фирмы, среди которых 25 туроператоров [Список туроператоров 2018]. Большинство туристических фирм были организованы в первой половине 2000-х гг., когда поездки по региону и стране стали востребованы клиентами. Для настоящего исследования особый интерес представляют фирмы, имеющие статус туроператоров, так как они формируют пакет туристических услуг по внутрирегиональным маршрутам Удмуртии. Туроператоры также взаимодействуют с учреждениями культуры (музеи, усадьбы, дома ремесел), разрабатывающими содержание туристических программ. Информанты описывают особенности туристических поездок по объектам, расположенным в Удмуртии и в соседних регионах. Пакет туристических услуг обычно включает обеспечение транспортом, питание, страхование, сопровождение в поездке, культурную программу в месте прибытия.

Фактически фирма-туроператор способна организовать любой внутренний или выездной маршрут (Инт. 3)¹. Но на практике турфирмы, активно работающие на рынке, постепенно специализируются. Одни фирмы («Ариадна-тур», «МДС-тур», РЦТО УР) в большей степени ориентируются на маршруты по Удмуртии (Инт. 5). Как правило, почти все эти фирмы предлагают маршруты для школьников. Детские группы составляют 70–80% туристического потока внутри региона. На учителей и родителей рассчитаны рекламные буклеты, изданные по заказу турфирм, и контент сайтов и групп в социальных сетях. Хотя, как утверждают информанты, поездки детских групп в соседние регионы (в Пермский край, Самару, Казань, Екатеринбург) становятся более востребованными, чем маршруты по Удмуртии (Инт. 5).

В последние годы формируется еще одна целевая группа – люди старшего возраста. Финансовые возможности пенсионеров не позволяют им совершать поездки за пределы региона или за рубеж. Поездки внутри региона, во-первых, дешевле, а во-вторых, программа культурных учреждений разработана с учетом просветительских ценностей, близких людям старшего поколения, что вызывает у них эмоциональный отклик. Например, фирма «Индустрия путешествий» организует поездки для групп людей

¹ Здесь и далее даются ссылки на интервью директоров туристических фирм Ижевска (список интервью размещен в конце статьи).

с инвалидностью в сотрудничестве с региональными общественными объединениями инвалидов по слуху и зрению.

Существует категория туроператоров, специализирующихся на приеме туристов из других регионов. В этом случае в культурную программу бывают включены наиболее значимые туристические объекты: музеи Ижевска, Воткинска, Сарапула, зоопарк, цирк. За пределами популярных въездных маршрутов остаются учреждения культуры в сельской местности.

В условиях, когда не существует консультационных и методических центров для сотрудников учреждений культуры, которые реализуют туристические программы, именно представители турфирм берут на себя функции, связанные с поддержкой новых туристических программ. В рамках исследовательского проекта из разных источников была получена информация о том, что работники Министерства культуры Удмуртской Республики и специалисты по проектной деятельности направляют представителей учреждений культуры в турфирмы. Например, фирмы «Ариадна-тур» и «МДС-тур» ведут систематическую работу с сотрудниками сельских домов культуры. Они принимают участие в семинарах, мастер-классах, круглых столах и других публичных мероприятиях (Инт. 1,2). На таких мероприятиях для работников турфирм становится очевидно, что многие сотрудники домов культуры настроены на активную работу по приему туристов, стремятся к развитию, готовы осваивать новые формы деятельности (Инт. 2).

Однако в сельских учреждениях культуры проявляется тенденция копировать содержание и формы работы тех туристических центров, деятельность которых оказалась коммерчески успешной. Требуется экспертная оценка туристической привлекательности предполагаемого маршрута. Директора турфирм сами выезжают в районы республики. В ходе консультаций обсуждаются запросы туристов, бытовые аспекты обслуживания, сценарий предполагаемой культурной программы.

Мы проводим некую экспертизу с точки зрения туризма, с точки зрения возможности продажи этого продукта. И корректируем то, что мы видим, как нам кажется, что следует изменить с тем, чтобы это продавалось легче... Ну, вот, например, последовательность объектов, которые показывают. Как в любом, я не знаю, спектакле, это понятно, что должна быть завязка, развитие, кульминация некая. И на этих ярких чувствах мы должны уезжать домой. Порой делается наоборот (Инт. 2).

Информанты, которые вели регулярную консультационную деятельность, отмечали, что иногда организаторы культурной программы, особенно в сельской местности, не осознают степени привлекательности сельских объектов и практик для путешест-

венников. Отчужденным от сельского образа жизни горожанам интересны контакт с домашними животными, манипуляции с домашней утварью и русской печью (Инт. 6). Такого рода действия составляли в нарративе важную тему востребованности «интерактивных практик». В качестве интерактивных практик в интервью обозначались: участие в обрядовых и повседневных действиях; катание на санях, тюбингах, джипах; примерка одежды, сыроделание, работа на пасеке, изготовление сувениров (Инт. 1,2,4,6). По мнению информантов, взаимодействие людей друг с другом, а также с организаторами туристической программы позволяет туристам приобрести новый опыт и пережить эмоции, делающие путешествие запоминающимся.

Информанты утверждали, что именно контакт между учреждениями культуры и турфирмами способствует совершенствованию туристических программ (Инт. 2,3,6). С другой стороны, участники исследования отмечали проблемы, которые трудно решить даже совместными усилиями. Во-первых, своим существованием культурная программа обязана работнику-энтузиасту или команде энтузиастов. В сельской местности чаще всего отдельные сотрудники проявляют заинтересованность в проектной деятельности. В условиях ограниченных ресурсных возможностей, когда учреждения культуры испытывают сложности с поиском финансирования, с инертностью социального окружения, испытывают сопротивление бюрократических институтов, активность сотрудников уменьшается и туристические программы перестают существовать. Информанты приводили примеры неудавшихся проектов в Вавожском и Малопургинском районах (Инт. 2,4). Второй проблемой является проблема транспортного обеспечения турпоездок. В структуре расходов наибольшая доля затрат приходится на заказ экскурсионного автобуса. Некоторые туристические фирмы имеют собственные экскурсионные автобусы (Инт. 3). Они находятся в более выгодном положении.

Целый комплекс факторов влияет на востребованность этнической культуры в качестве объекта туристического интереса. Информанты высказывали общее мнение, что начальный этап развития регионального туризма сопровождался актуализацией этнической и локальной идентичности жителей Удмуртской Республики, поэтому этнокультурный материал был востребован как в городских музеях, так и в рамках сельского туризма, туристов привлекали обряды и мифологической картины мира древних удмуртов (Инт. 2). Однако при увеличении числа туристических маршрутов они оставались однообразны по содержанию. Поэтому в начале 2010-х гг. сформировался запрос на знакомство с феноменом культурного разнообразия. Если этническая куль-

тура удмуртов была представлена повсеместно, в том числе в музеях Ижевска, то образ жизни татар, бесермян, старообрядцев был сосредоточен вне города (Инт. 1,4). Кроме того, образ жизни этнических групп в сельской местности представлялся туристам аутентичным в отличие от «искусственных» музейных экспозиций (Инт. 3). Хотя основной поток туристов, который состоял преимущественно из школьников, направлялся в музеи Ижевска и пригородов. Такие маршруты дешевле благодаря экономии на оплате транспортных услуг (Инт. 3,4,5).

Тем не менее в последние годы локальные маршруты с этнокультурным содержанием стремительно теряли популярность из-за однообразия программ. Объем туристического потока сохранили те маршруты, которые предлагали дополнения к этническому содержанию программ, например экстремальную трассу для автомобилей-внедорожников, кулинарные мастер-классы, возможность принять участие в деревенских занятиях и т. д. (Инт. 2,4,6). В последнее время туристы стали больше интересоваться «новыми» направлениями: «варяжская дружина», питомник хаски, индустриальный туризм (Инт. 1,2,4,6). Эти маршруты специализируются на развлекательных и досуговых элементах туристического путешествия.

Часто власти видят решение в том, чтобы активизировать самостоятельную коммерческую деятельность учреждений культуры. Соответствующая установка отражается в реформах органов управления в туристической сфере. В 2018 г. полномочия управления туристической отрасли были переданы от Министерства культуры Удмуртской Республики Министерству экономики Удмуртской Республики. В 2017 г. была создана Корпорация развития Удмуртии, цели и задачи которой связаны с инвестированием, в том числе в социально-культурное развитие.

Наибольшую выгоду может принести открытие туристического маршрута. Но это требует развитой социально-экономической инфраструктуры (дороги, парковка, питание), чего не могут обеспечить ни сельские администрации, ни туристические фирмы. Директора турфирм поддерживали расширение предпринимательских возможностей в регионе, но считали, что по-прежнему не создана эффективная система управления отраслью (Инт. 3). Развитие деятельности в сфере туризма осложняется из-за отсутствия компетентных лиц или учреждений, которые могли бы консультировать и координировать все заинтересованные институты: учреждения культуры, туристические фирмы, общественные организации, потребителей туристических услуг.

Востребованность внутрирегиональных туристических маршрутов жителями Удмуртской Республики

В исследовании приняли участие 188 человек, среди которых 73,8% – женщины и 26,2% – мужчины. В выборке представлены преимущественно люди молодого и среднего возраста: 25,8% – до 25 лет, 22% – от 26 до 35 лет, 29% – от 36 до 45 лет. Значительно меньше в выборке представлены респонденты старше 45 лет: 14,5% – до 55 лет, 5,4% – от 56 до 65 лет, 3,2% старше 65 лет. Это распределение отражает структуру населения, вовлеченного в туристические практики: люди старшего возраста реже путешествуют. Преобладают респонденты с высшим образованием (69,7%). Они принимают участие в сетях коммуникации, где распространялась информация об исследовании. В меньшей пропорции представлены респонденты с неоконченным высшим (17,7%) и средним профессиональным (13,3%) образованием. Люди с общим средним образованием составили лишь 5,3% выборки.

Респонденты, составившие выборку, относятся к той части населения, которая активно посещает музеи и культурные мероприятия. Большинство респондентов часто ходят в музеи в своем городе: 21,3% – раз в год, 46,3% – чаще раза в год. Наибольшей популярностью пользуются музеи, связанные с самыми знаменитыми деятелями Удмуртии, М.Т. Калашниковым в г. Ижевске (70,2%) и П.И. Чайковским в Воткинске (62,2%). Эти же музеи респонденты рекомендовали бы посетить друзьям и знакомым, приехавшим в Удмуртию: 55,3% – Музей М.Т. Калашникова, 53,7% – Дом-музей П.И. Чайковского. Третью позицию занимает этнографический музей «Лудорвай»: 60,1% респондентов посещали его, 44,2% – рекомендовали бы посетить приезжим. Этнографическая экспозиция музея «Лудорвай», находящаяся за пределами города, оказывается более популярна, чем экспозиция расположенного в городе Национального музея им. К. Герда. Вероятно, причиной является фокусировка музея Лудорвай на этнографии, а также возможность не только ознакомиться с экспонатами музея, но и попробовать блюда удмуртской кухни, напитки. Национальный музей располагает большим количеством экспозиций: кроме этнографии есть выставки, посвященные природе, истории края, военным периодам истории, временные экспозиции. Это разнообразие материала требует нескольких посещений, но размывает впечатления посетителей. Несколько меньший поток посетителей в музеях, посвященных искусству: о том, что они посещали выставочный центр «Галерея», сообщили

48,4% респондентов. Рекомендовали бы его для посещения гостям 20,8%. Республиканский Музей изобразительных искусств посещали 45,2% респондентов, рекомендовали гостям – 23,9%. Экспозиции этих музеев рассматриваются в качестве предмета интереса ижевчан, а не приезжих. Вероятно, посетители учитывают содержание экспозиций этих музеев, где представлены сменяемые выставки, а не постоянная экспозиция. Наименее посещаемыми музеями оказались Музей Ижмаша (28,2%) и Музей Ижевска (27,1%). Содержание экспозиций этих музеев считается локальным, значимым только в узкоспециализированном контексте. Часть респондентов предпочли дать свои варианты ответа, они называли музеи в городах и поселках Удмуртской Республики: Музей Иднакар в Глазове, Музей истории Сибирского тракта в Игринском районе, Музей истории Среднего Прикамья и Дачу Башенина в Сарапуле, Усадьбу Тол Бабая в Шаркане.

В настоящее время востребованность этнокультурных программ снижается после всплеска интереса к этнокультурным программам в учреждениях культуры во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Сегодня многие программы и экспозиции характеризуются и посетителями, и сотрудниками туристических фирм как достаточно однообразные. Интерес к этнографическим вопросам сохраняется. Так, 58,2% респондентов считают, что для них был бы интересен материал о культуре и истории удмуртов, 47,3% – о национальной кухне удмуртов, 44,6% – о традиционных верованиях, 32,6% – о костюме народов Удмуртии. Причем представители этнических групп и удмуртов, и татар проявили больше интереса к различным проблемам этнографии, чем русские респонденты.

Среди ответов на открытую часть вопроса респонденты называли темы программ и экспозиций, которые могли бы их заинтересовать: особенности «национального характера», личные и семейные истории, народная музыка, традиционные знания, языковые вопросы. Были ответы, подчеркивающие необходимость представлять разные народы, живущие в Удмуртии, не только удмуртов.

Респондентам было предложено по шкале от 1 до 5 оценить значение информации о национальной культуре для разных категорий населения, которые являются наиболее активными посетителями музеев и других учреждений культуры. Большинство респондентов считали, что наибольшую важность эти знания имеют для работников сферы культуры: 59,6% выбрали оценку 5 баллов. Чуть меньше респондентов (52,7%) также высоко оценили необходимость знаний о национальной культуре для педагогов. Меньше тех, кто считал необходимыми эти знания для школь-

ников (39,9%) и студентов (33,9%), а также для людей старшего поколения (36%). Таким образом, респонденты при оценке ориентировались скорее на требования сферы занятости, нежели на возрастные категории.

Оживлению интереса к этнокультурным программам в учреждениях культуры может способствовать освоение новых форм работы с посетителями. Респонденты считают наиболее актуальными видами работы с посетителями мастер-классы (62,9%), интерактивные программы (58,6%), тематические занятия (51,6%), публичные лекции (49,5%) и фестивали (49,5%). Однако эти формы работы рассчитаны прежде всего на взрослых посетителей. Поэтому участники исследования реже выбирали квесты (45,2%), которые больше подходят для детской аудитории. Еще реже выбор падал на организацию календарных праздников (34,9%), очевидно потому, что этот формат подходит не для всех учреждений культуры. Лишь 25,8% сделали выбор в пользу круглых столов, вероятно, из-за академического характера этого мероприятия. В открытой части вопроса респонденты, давшие собственные ответы, указывали не столько на конкретный вид мероприятий, сколько на их характеристики (музыкальные, познавательные, эмоциональные).

Если мероприятия в музее разнообразны, посетители стремятся регулярно их посещать: 33,9% респондентов выразили заинтересованность в приобретении абонемента на несколько посещений одного музея, еще 31,1% готовы купить абонемент на лектории и мероприятия одного музея. С другой стороны, 44,6% респондентов не хотели бы приобретать абонемент на несколько посещений. Это скорее всего обусловлено тем, что коллекции в музеях республики редко меняются.

Тем не менее, даже учитывая организационные проблемы, с которыми сталкиваются учреждения культуры, большинство респондентов (91%) согласны с необходимостью инвестиций в развитие туризма в Удмуртской Республике. При этом 52,7% респондентов совершенно согласны, а 38,3% – в целом согласны с необходимостью таких инвестиций.

Респонденты, составившие выборку, редко совершали поездки на отдых: 39,9% никогда не были за границей и 22,3% были давно, 17,6% выезжают раз в год, а 9% – чаще. Более активно респонденты совершают поездки в крупные города России: раз в год в Москве и Санкт-Петербурге бывают 26,6% опрошенных, 15,4% – чаще. Никогда не были в столичных городах 22,3% респондентов, были давно – 17,7%. Вероятно, некоторая часть этих поездок являются деловыми. Что, в частности, подтверждается меньшим количеством поездок на российские курорты. 25% респондентов отдыхали

на российских курортах раз в год, 4,8% – чаще, тогда как 33% не отдыхали никогда и 20,7% – давно. Напротив, респонденты часто совершают поездки по республике. Чаще раза в год 52,1% респондентов ездили по Удмуртии и 43,6% – в города Удмуртской Республики. Большинство респондентов часто ходят в музеи в своем городе или селе: 21,3% раз в год, 46,3% – чаще раза в год.

Предпочтения в пользу путешествий по Удмуртии или в ближайшие регионы связаны с небольшой стоимостью и тем, что их можно организовать самостоятельно, не обращаясь в туристические фирмы. Так, путешествия по республике 80,3% респондентов организовали самостоятельно и лишь 7,5% обратились в туристические агентства. Тогда как путешествия за пределами Удмуртии самостоятельно организовали 59,6% респондентов, а 35,1% обратились в турфирмы.

Следует учитывать, что посещение музеев и участие в туристических программах и мероприятиях могут быть частью поездок, не связанных с отдыхом. В открытой части вопроса респонденты указывали, что они ходили в музеи и учреждения культуры, будучи в командировке. Бывает, что работодатели организуют поездки как в досуговых, так и в просветительских целях. Кроме того, педагоги бывают в поездках, сопровождая группу учеников. На тех, для кого туристический опыт совмещен с профессиональной деятельностью, приходится 5,9% ответов в настоящей выборке.

Главной проблемой, относящейся к путешествиям по Удмуртии, является плохое состояние дорог. Эту проблему отметили 73,1% респондентов. С транспортом связаны и другие проблемы, такие как недоступность туристических объектов (26,3%). Некоторые интересные маршруты требуют поездок продолжительностью 2–3 ч. В то же время туристические фирмы предпочитают формировать турпакет, предполагающий дорогу протяженностью не более 60 км. Более длительная поездка приводит к росту цены, что, в свою очередь, уменьшает количество туристов на этом маршруте. Еще 24,7% отметили проблему низкого качества автобусных перевозок. В этом случае речь идет о критике в адрес транспортных компаний. Их также часто слышат сотрудники турфирм от своих клиентов. Это жалобы на плохое техническое состояние автобуса, неисправность ремней безопасности и системы кондиционирования. Так, в интервью директора турфирм сообщали о жалобах туристов на грубость водителей.

Другой проблемой, которую отмечали респонденты, является однообразие культурных программ. В открытой части этого вопроса упоминался фактор низкой квалификации экскурсоводов и работников учреждений культуры. Некоторые респонденты, очевидно наиболее компетентные в сфере культурного менеджмента,

констатировали фактор изолированности региональных учреждений культуры, особенно сельских, от более открытого пространства профессиональных обменов. В одном из открытых ответов обсуждался феномен отсутствия «насмотренности», под которым подразумевалось отсутствие собственного опыта туристических поездок. Путешествия позволили бы сравнить региональные программы, реализующиеся в Удмуртии, с наиболее успешными образцами приема туристов. Для туристов, путешествующих самостоятельно, особенно вне крупных городов, сложность также заключается в отсутствии гостиниц и гостевых домов или низкое качество обслуживания в них. Это отметили 24,7% респондентов. Реже респонденты выбирали варианты ответов, которые фиксировали проблемы организации питания (16,1%) и бытовые проблемы (15,6%). Вероятно, решение этих проблем в большей степени зависит от усилий сотрудников и администрации учреждений культуры или организаторов программ. В этом секторе туристического обслуживания легче ориентироваться на замечания и предложения туристов. О том, что они не сталкивались с проблемами в ходе туристических поездок, заявили 13,4% респондентов.

В ходе поездок большинство туристов покупают сувенирную продукцию. Наиболее востребованы гастрономические сувениры (47,6%). Немного меньше респондентов приобретали полиграфическую продукцию (42,8%), которая, как правило, относительно недорогая. Реже респонденты покупали игрушки с национальной спецификой (32,1%). Наименьшую популярность имела кухонная утварь (17,6%). При этом 23,5% респондентов отметили, что не покупали сувениров.

Заключение

Представленное исследование позволяет описать особенности региональной политики в сфере туризма в Удмуртской Республике на микросоциологическом уровне. Обобщение данных на основе макросоциологических показателей опирается на подходы, которые делают акцент на объеме туристического потока. Смещение фокуса исследования в направлении конкретных туристических практик помогает точнее определить перспективы развития и имеющиеся ограничения.

Экспертная оценка, представленная в интервью с директорами туристических фирм и сотрудниками музеев, характеризует принципы организации туристических поездок для разных категорий населения. Выявлено, что туристические программы ори-

ентированы прежде всего на школьников. С одной стороны, это коммерчески обоснованно, но с другой – сужает потенциальную клиентскую базу внутреннего туризма, так как предлагает мало возможностей для семейных путешествий и поездок неорганизованных групп. Конфликт между принципом коммерческой окупаемости и социальным характером регионального туризма может быть разрешен только благодаря активному вовлечению муниципальных органов власти. В свою очередь муниципалитеты нуждаются в поддержке со стороны регионального правительства.

Результаты социологического опроса населения демонстрируют сохранение интереса к главным туристическим достопримечательностям Удмуртии. Этнокультурные программы имеют постоянную аудиторию даже на фоне спада интереса к этнической культуре. Респонденты выразили заинтересованность в таких формах работы, которые предполагают активное участие туристов в квестах, мастер-классах, фестивалях. Основные проблемы, связанные с поездками по Удмуртской Республике, имеют отношение к туристической инфраструктуре. Идеальной представляется ситуация, когда административные ресурсы будут направлены на решение инфраструктурных проблем (ремонт дорог, капитальное строительство), в то время как организация туристических поездок может опираться на рыночные формы организации.

Описание полевых данных директоров туристических фирм Ижевска

Интервью 1 – жен., 43 г., директор туристической фирмы Ижевска

Интервью 2 – жен., 64 г., директор туристической фирмы Ижевска

Интервью 3 – муж., 43 г., директор туристической фирмы Ижевска

Интервью 4 – муж., 45 лет, директор туристической фирмы Ижевска

Интервью 5 – жен., 44 г., директор туристической фирмы Ижевска

Интервью 6 – жен., 36 лет, директор туристической фирмы Ижевска

Интервью 7 – жен., 54 г., специалист по проектной деятельности регионального министерства.

Интервью 8 – жен., 63 г., директор музея

Литература

Баталова, Мерзлякова 2011 – *Баталова Л.В., Мерзлякова Г.В.* Становление и развитие органов управления отечественным туристско-экскурсионным делом (на примере Удмуртии) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики севера: вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государ-

- ственного университета. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2011. № 4. С. 354–361. Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2014_7/27.pdf
- Бурдые 2005 – *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология социального пространства. М.; Спб., 2005. С. 14–48.
- Горлова, Бычкова, Костина 2013 – *Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А.* Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия // Наследие веков. 2013. № 4. С. 17–23. Режим доступа: http://heritage-magazine.com/?page_id=6173
- Грахов, Кислякова, Симакова, 2017 – *Грахов В.П., Кислякова Ю.Г., Симакова У.Ф.* Развитие методики управления объектами культурно-исторического наследия (на примере Удмуртской Республики) // Вестник ИжГТУ им. М.Т. Калашникова. 2017. Т. 20. № 3. С. 86–90. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30005235>
- Замостьянова, Кучинская, Рябая, 2018 – *Замостьянова Т.В., Кучинская М.В., Рябая С.А.* Событийный туризм как эффективный инструмент развития туризма в регионе Российской Федерации (на примере Удмуртской Республики) // Материалы V Международной научно-практической конференции. / Под ред. Т.И. Рябовой. Брянск: Изд-во Брянского университета, 2018. С. 374–378. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35151400>
- Ковалева, Ульянов, 2017 – *Ковалева И.В., Ульянов М.Н.* Формирование туристическо-рекреационного кластера в системе диверсификации региональной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. Экономика и социальные науки. 2017. № 8 (154). С. 178–182. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29656382>
- Макканелл, 2016 – *Макканелл Д.* Турист. Новая теория праздного класса. М., 2016. 280 с.
- Молчанов, 2016 – *Молчанов И.Н.* Проблемы формирования и финансирования туристских кластеров в регионах России // Вестник Волгоградского университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2016. № 1 (34). С. 45–57. Режим доступа: <https://ges.jvolsu.com/index.php/ru/archive-ru/296-2012-15/regionalnaya-ekonomika-3/989-molchanov-i-n-problemy-formirovaniya-i-finansirovaniya-turistskikh-klasterov-v-regionakh-rossii>
- Список туроператоров 2018 – Список туроператоров по внутреннему и въездному туризму в Удмуртской Республике // Режим доступа: <http://economy.udmurt.ru/prioriteti/turizm/sum.php>
- Урри, 2012 – *Урри Дж.* Социология за пределами общества: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
- Wall and Mathieson 2006 – *Wall G., Mathieson A.* Tourism: Change, Impacts and Opportunities. Edinburgh: Pearson Education, 2006. 412 p.

Этнокультурный компонент в сфере школьного образования: опыт Республики Башкортостан

И.М. Габдрафиков

кандидат исторических наук

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра

Российской академии наук, Уфа, Россия

Аннотация. Проблема этнокультурного компонента, в том числе преподавание родных языков в общеобразовательных школах в российских республиках, остается одной из сложных на протяжении полутора десятков лет. С весны 2017 г. общественные дебаты вокруг проблемы обязательного преподавания этих языков вспыхнули с новой силой и стали одой из главных политических тем. В статье на примере Башкирии делается анализ языковой политики в школах республик Поволжья, управленческих решений и общественной реакции, дается экспертная оценка развития ситуации, в том числе с использованием данных собственных социологических опросов.

Ключевые слова: языковая политика, государственные языки, национальные языки, этнокультурное образование, этнокультурный компонент, школьное образование, национальная политика, межэтнические отношения

Ethnocultural component in schooling: the experience of the Republic of Bashkortostan

Il'dar M. Gabdrifikov

Cand. of Sci. (History)

Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev

of Ufim Federal Research Center of the Russian Academy

of Sciences, Ufa, Russia

Abstract. The problem of the ethnocultural component, among other things, the teaching of native languages in general education schools in the Russian republics remains one of the most difficult for a decade and a half. Since the spring of 2017, public debate over the issue of compulsory teaching of these languages has erupted with renewed vigor and has become one of

the main political themes. The article on the example of Bashkiria analyzes the language policy in schools of the Volga republics, management decisions and public reaction, gives an expert assessment of the development of the situation, which, in part, using the data of their own sociological surveys.

Keywords: language policy, state languages, national languages, ethnocultural education, ethnocultural component, schooling, national policy, inter-ethnic relations

Тема этнокультурного образования в школах, и особенно его языковой аспект, в многонациональном Башкортостане остается одной из сложных на протяжении последних двух десятков лет. В 2017 г. острые общественные дебаты вокруг проблемы обязательного преподавания башкирского языка как государственного в школах республики вспыхнули с новой силой и стали одой из главных тем [Габдрафиков 2017].

Весной 2017 г. проверки Рособнадзора в школах региона выявили ряд нарушений законодательных норм в использовании учебников и методических пособий, нормировании учебных процессов, а также несоответствия локальных актов некоторых школ нормам федерального и республиканского законодательства об образовании. 25 мая 2017 г. республиканская прокуратура вынесла представление на имя главы Башкортостана Рустэма Хамитова устранить выявленные в ходе проверки нарушения.

На специально созванном совещании в правительстве глава региона заявил, что потребности школьников в изучении родного языка в Башкирии должны быть удовлетворены в полной мере, но вместе с тем органы образования не должны нарушать федерального и республиканского законодательства [Прокуратура попросила Рустэма Хамитова 2017].

Между тем заявление Президента России В.В. Путина о недопустимости принудительного изучения неродных языков в школе, сделанное 20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле (цитата из выступления Президента РФ: «Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации»), легло на уже изрядно перегретую в Башкирии почву. Если родители русскоязычных школьников оживились, то активисты из числа башкирских общественных организаций оказались в роли обиженных.

После президентского совещания в Йошкар-Оле, уже в августе 2017 г., в СМИ появились сообщения о том, что Генеральная прокуратура России совместно с Рособнадзором начали проверку

соблюдения прав граждан на добровольное изучение национальных языков. На этом фоне Башкирия подошла к началу 2017/2018 уч. г.

Региональная власть оказалась в сложной ситуации. Любое ее решение могло вызывать недовольство либо одной, либо другой стороны. 14 сентября 2017 г. глава Башкирии подписал указ о мерах по развитию государственных языков республики «в целях сохранения родного языка народов региона, создания условий для свободного изучения государственных языков РБ, обеспечения эффективности и доступности системы изучения башкирского языка и языков народов РБ, совершенствования условий для развития кадрового и методического потенциала в этой сфере». Указом регламентировались создание Фонда по сохранению и развитию башкирского языка, а также предоставление грантов для проектов, направленных на сохранение, пропаганду и развитие государственных языков Башкирии и языков народов, проживающих в республике [Рустэм Хамитов подписал Указ 2017].

Однако уже в сентябре 2017 г. Всемирный Курултай башкир опубликовал обращение к народу Башкортостана, призвав сохранить мир и спокойствие в республике, не допустить межнациональной розни и проявить уважение к коренному народу и его языку. В сентябре–октябре 2017 г. в Уфе и г. Сибай (Зауралье) состоялись многочисленные митинги в защиту родного языка в республике. В республике были и другие формы протеста против отмены обязательного преподавания башкирского как государственного, в том числе в форме серии одиночных пикетов.

В ноябре 2017 г. прокуратура РБ на своем сайте опубликовала информацию о том, что проверка не выявила серьезных нарушений прав граждан на добровольное изучение языков народов России и башкирского государственного языка за исключением отдельных незначительных нарушений [Прокуратура не выявила нарушений 2017].

Данные этносоциологических опросов 2015–2017 гг., проведенных нами в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ)¹ по

¹ Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем (РНЦ) создан в соответствии с поручением Президента Российской Федерации (№ 3230 от 4 апреля 2012 г.) Минобрнауки России совместно с Российской академией наук на базе Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов» (EAWARN), который охватывает своей деятельностью Северо-Кавказский, Южный и Приволжский федеральные округа.

теме этнокультурного образования в учебных заведениях России, в том числе Башкортостана, свидетельствуют о том, что сами участники учебного процесса – опрошенные учащиеся, студенты, их родители, педагоги – по большинству заданных в ходе исследования вопросов проявили высокую степень позитивного отношения к этнокультурному образованию. И учащиеся, и родители особенно положительно воспринимают преподавание таких предметов, как история и география региона, история народов, его населяющих, и т. д. [Габдрафиков 2016а].

Полученные ответы в ходе опросов на такие вопросы, как отношение к мигрантам, совместное обучение с детьми мигрантов, о случаях дискриминации по языковому, этническому или религиозному признакам, о соотношении разных уровней идентичностей (очень высокий уровень общероссийского гражданского самосознания), у респондентов также свидетельствуют о благоприятной ситуации как в целом в межнациональных отношениях, так и в сфере этнокультурного образования в республике.

Современная практика показывает, что наибольшую общественную остроту в республике вызывают вопросы, связанные с преподаванием языка титульной группы. Однако сами участники учебного процесса – все опрашиваемые группы респондентов, – воспринимают сложившуюся в регионе систему преподавания национальных языков достаточно спокойно.

Данные на весну 2017 г.: только треть опрошенных старшеклассников и студентов заявили, что не хотят изучать башкирский язык, в их числе есть и башкиры (16%), и татары (19%). Среди русских нежелание обучаться башкирскому высказали менее половины (48%), а другая половина как раз желает изучать национальные языки, прежде всего башкирский, либо в ознакомительном варианте (32%), либо на продвинутом уровне (20%). Очевидно, что материалы научного мониторинга должны регулярно и своевременно доводиться не только до властей, но и до широкой общественности [Габдрафиков 2016б].

Таким образом, на политику и практику этнокультурного образования в Республике Башкортостан, на их качественный и количественный аспекты, безусловно, влияют специфика этнического, конфессионального состава ее населения, соотношение в их составе городских и сельских жителей. От многих других регионов России Башкирию отличает одна особенность, которая заключается в том, что в республике на протяжении длительного времени совместно проживают представители трех наиболее крупных этнических групп (русские, башкиры и татары), которые в совокупности составляют 90% от общей численности населения, а также уступающие им по численности

группы (марийцы, чувашы, мордва, удмурты, украинцы, белорусы, евреи и др.), которые в совокупности составляют 10% населения. Столица республики, ее крупнейший город Уфа, также имеет свою специфику в составе населения, отличную от этнического состава населения всей республики. Если в сельской местности демографическое большинство имеют башкиры и татары, то половину жителей Уфы составляют русские; титульная группа республики по численности заметно уступает не только русским, но и татарам.

В республике также есть районы с преобладающим чувашским и марийским населением, а также со значительной долей мордвы и удмуртов. Подобный этнодемографический расклад не может не влиять на отношение людей к этнокультурному образованию, в том числе его языковому аспекту. Поэтому, на наш взгляд, при разработке региональных программ в сфере школьного образования следует учитывать субрегиональный уровень, этноязыковые особенности его населения, что способствовало бы снятию напряженности.

Несмотря на то что власти Башкирии при решении проблемы языка в школе предлагают компромисс, проблема еще далека от своего окончательного решения. В республике проходят встречи с общественностью, круглые столы, в интернет-пространстве инициируются опросы, в школы вызываются родители и т. д.

Однако драматизировать ситуацию в республике не стоит, она в целом спокойная. Есть общественная активность (родительские комитеты, их действия и обращения в разные инстанции и пр.), но есть реакция властей, т. е. на уровне региона проходит установившийся диалог между властью и гражданским обществом. В 2018–2019 гг. острота дебатов существенно ослабла, а главное – власть слышит общественность. Однако это не означает, что языковая политика как федеральной, так и региональной власти близка к совершенству. Проблемы есть. Самое главное – сохранить естественное и открытое обсуждение проблем с участием представителей разных групп, принимать компромиссные решения с учетом интересов всех сторон. В этом и заключается качество управления.

Литература

Габдрафиков 2017 – *Габдрафиков И.М.* Республика Башкортостан. Факторы национальной политики и проблемы обязательного преподавания башкирского языка // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2017 г. / Отв. ред.

- В.В. Амелин, В.С. Воронцов – М.; Оренбург-Ижевск: Издательско-полиграфический комплекс ОГУ, 2017. С. 12–30.
- Прокуратура попросила Рустэма Хамитова 2017 – Прокуратура попросила Рустэма Хамитова разобраться с башкирским языком. Режим доступа: <http://ufa1.ru/text/news/311763870732288.html>
- Рустэм Хамитов подписал Указ 2017 – Рустэм Хамитов подписал Указ о мерах по развитию государственных языков Башкортостана и языков народов республики. Режим доступа: <http://www.bashinform.ru/news/1046400-rustem-khamitov-podpisal-ukaz-o-merakh-po-razvitiyu-gosudarstvennykh-yazykov-bashkortostana-i-yazyko>
- Прокуратура не выявила нарушений 2017 – Прокурорская проверка не выявила нарушений в части добровольности изучения родных языков. Режим доступа: <https://bashprok.ru/news/news.php?ID=61833>
- Габдрафиков 2016а – *Габдрафиков И.М.* Республика Башкортостан // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / Ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 22–31.
- Габдрафиков 2016б – *Габдрафиков И.М.* Этнокультурное образование в Башкирии: управленческая практика и общественная реакция // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / Ред. В.В. Степанов, А.В. Черных – М.: ИЭА РАН, 2018. С. 172–182.

Двуязычие как способ оптимизации
этноязыковых проблем в российских республиках:
тенденции развития
(на примере Республики Башкортостан)

Р.Р. Галлямов

*доктор социологических наук, профессор
Региональный исследовательский центр «СоцИнформ»,
Уфа, Республика Башкортостан, Россия, gal-rushan@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу, на примере Башкортостана, развития двуязычия в российских республиках во второй половине XX – начале XXI в. Двуязычие рассматривается автором как один из основных способов оптимизации этноязыковых проблем в российских многонациональных регионах. Выявлены основные тенденции развития как национально-русского, так и русско-национального билингвизма в Башкортостане.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, двуязычие, тенденции развития, российские республики, Башкортостан

Bilingualism as a way
to optimize ethnolingual problems
in Russian republics: development trends
(on the example of the Republic of Bashkortostan)

Rushan R. Gallyamov

*Dr. of Sci. (Sociology), professor
Regional Research Center “SocInform”, Ufa, Bashkortostan Republic,
Russia, gal-rushan@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis, on the example of Bashkortostan, the development of bilingualism in the Russian republics in the second half of the 20th and early 21st century. Bilingualism is considered by the author as one of the main ways to optimize ethno-language problems in Russian multinational regions. The main trends of the development of both national-Russian and Russian-national bilingualism in Bashkortostan have been revealed.

Keywords: ethnolanguage processes, bilingualism, development trends, Russian republics, Bashkortostan

Введение

В условиях современного, беспрецедентного по своим масштабам возрождения этнических ценностей в отечественном обществе одним из важнейших показателей направления этнических процессов в многонациональных российских республиках стало функционирование языков. Значение этноязыковых проблем многократно усилилось в последние годы в связи с тем, что именно они, выдвинутые первоначально в качестве знамени этнонационального возрождения народов и демократизации этнического развития, превратились затем в главный детонатор самых различных межнациональных коллизий, в том числе развала Советского Союза и гражданских войн (наиболее свежий пример – Юго-Восток Украины). Как справедливо подчеркивают по этому поводу специалисты: «Едва ли не главное упущение травмированной социалингвистической историографии состоит в игнорировании, а порой и недооценке, ведущей роли языков в формировании и функционировании этничности. Между тем именно язык, как ядро этничности, стал пороховой бочкой новейших этнонациональных движений, круто изменивших этнополитическую и геополитическую ситуацию» [Губогло 1993, с.19].

Начиная с конца 1980-х гг., в значительной степени под влиянием «языковой революции», произошедшей на территории бывшего Советского Союза на основе создания нового языкового законодательства национальными республиками страны, среди специалистов вспыхнула ожесточенная дискуссия о значении и последствиях двуязычия для этноязыкового развития общества. Одни исследователи, резко критикуя проповедуемое многие десятилетия исключительно благотворное влияние билингвизма на этническое развитие и опираясь на некоторые западные психолингвистические работы, выступили против распространения двуязычия, особенно с раннего возраста. Они считают, что раннее двуязычие может привести к отставанию в умственном развитии и даже к логоневрозам (заиканию и т. п.) [Хинт 1987]. Другие специалисты, используя значительный зарубежный исследовательский материал по психосоциалингвистике и анализируя закономерности распространения билингвизма в нашей стране, наряду с признанием ошибок в изучении как двуязычия, так и практического его воплощения в жизнь выступили против того, чтобы «вместе с грязной водой выплескивать и ребенка», доказывали объективную необходимость билингвизма в многонациональной среде [Губогло с.140–149].

Автор при изучении этносоциальных аспектов двуязычия исходит из того, что, вне зависимости от нашего отношения, оно

(двуязычие) в национальных регионах нашей страны представляет собой реально сформировавшуюся этноязыковую данность, объективно существующий социолингвистический процесс. Так, например, в основополагающем государственном документе нашей страны – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», утвержденной и принятой недавно к исполнению, в качестве основных задач в сфере образования, патриотического и гражданского воспитания подрастающего поколения провозглашено: «...использование в системе образования двуязычия и многоязычия как эффективного пути сохранения и развития этнокультурного и языкового многообразия российского общества» [Стратегия 2019]. При этом необходимо подчеркнуть следующие два обстоятельства. Во-первых, в традиционной отечественной науке о билингвизме приоритет ранее отдавался изучению национально-русского двуязычия в ущерб обратному – русско-национальному. При этом нельзя не отметить, что данная особенность исследования двуязычия была вызвана скорее даже не политико-идеологическими причинами, а объективным его состоянием, которое в направлении русско-национального билингвизма почти не развивалось. Во-вторых, если использовать успешно примененную (относительно соответствующего законодательства) известным российским этнологом М.Н. Губогло образную формулу «двуглавого орла» (герб и символ России), то именно гармоничное сочетание национально-русского и русско-национального билингвизма способно гармонизировать многие этноязыковые проблемы в российских республиках, составляя в конечном итоге «два крыла одной птицы» [Губогло 2000, с. 22–29].

Республика Башкортостан, как известно, является одним из самых полиэтничных регионов не только Российского государства, но и в масштабах всего бывшего СССР. По индексу этнической мозаичности (смешанности) населения республика занимает прочное второе место после Дагестана. Этническую основу населения Республики Башкортостан (по результатам последней переписи 2010 г.) составляют: башкиры (29,5%), русские (36%), татары (25,4%), а также несколько тюркских (чуваши – 2,7%), финно-угорских (марийцы – 2,6%, удмурты – 0,5%, мордва – 0,5%) и славянских (украинцы – 1,0%, белорусы – 0,3%) народов, издревле проживающих на этой территории [Национальный состав... 2012, с. 15–20].

Исходя из преобладающего характера в составе Башкортостана башкир, русских и татар, составляющих в совокупности более 90% населения, главными видами двуязычия являются в республике башкирско-русское (русско-башкирское) и татарско-русское (русско-татарское).

Тенденции развития национально-русского двуязычия

К сожалению, вплоть до переписи 1970 г. материалы о наличии (степени владения) вторым языком статистически не фиксировались. Но анализ данных, зафиксированных этой переписью, позволяет утверждать, что самый существенный этап развития национально-русского двуязычия начинается в Башкортостане в 1950-е гг., когда в активную жизнь вступают жители, родившиеся в 1930–1945 гг. Именно на это поколение приходится резкий всплеск урбанизированности нерусского (в основном татарского) населения республики. Массовое переселение в город, участие в индустриальном преобразовании Башкортостана на основе нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и машиностроительной промышленности вывело нерусские народы на совершенно новый уровень знания русского языка: количество лиц, свободно владеющих им, составило в 1950-е гг. более половины этнического населения. Это привело к массовому, преобладающему значению национально-русского двуязычия в этноязыковой жизни, во всяком случае в городах и при производственно-соседском речевом общении (табл. 1).

Таблица 1

Национально-русское двуязычие
(свободное владение русским языком)
среди башкир и татар Башкортостана в динамике (%)¹

Нац-ть	1970	1979	1989	1994	2002	2010
башкиры	49,5	65,2	78,5	81,0	93,0	96,4
татары	64,9	78,0	83,0	87,0	96,4	98,3

Наибольший процент свободно владеющих вторым, русским, языком зафиксировала перепись 1970 г. у башкир и татар моложе 30, а в городе – 20 лет. При этом расчеты показывают, что в области признания в качестве родного языка русского рассматриваемое поколение татар и башкир превосходило поколение «своих родителей» более чем в три раза, а поколение «дедов» – в десятки раз [Галлямов 1996, с.108].

¹ Рассчитано и составлено автором по материалам Всесоюзных и Всероссийских переписей населения.

Объясняется это следующими причинами. Во-первых, определенная, довольно весомая, часть нерусских этносов к этому времени уже переместилась в город, рожденное здесь поколение башкир и татар этническую и языковую социализацию проходило уже в урбано-русскоязычных условиях. Это относится как к исключительному в то время в городах русскоязычному школьному образованию, так и к важнейшему для этноязыкового становления подрастающего поколения «игровому» речевому общению на улице. Коммуникативная сфера родного языка сужалась, таким образом, у молодых башкир и татар в лучшем случае до семейно-бытового уровня. Не случайно именно среди уроженцев 1950-х гг. появляется первая мощная волна представителей, утерявших в значительной степени язык своих предков. Второй решающей причиной резкого возрастания как признания родным языком русского, так и степени владения тюркскими народами русской речью, которая была отмечена переписью 1970 г., стало многократно увеличившееся в 1950–1960-е гг. нарушение татарами и башкирами эндогамии на основе распространения в городах в это время межнациональных (татарско-русских и башкирско-русских) браков. Дети, рожденные в таком браке, даже если выбирали в качестве родного национальный язык одного из родителей, во всех сферах жизнедеятельности (в том числе семейно-бытовой) пользовались только русской речью.

Анализ таблицы показывает, что несмотря на имеющееся уже к 1970 г. преобладание национально-русского двуязычия над моноязычием, среди башкир и татар происходил постоянный и неуклонный рост степени владения русским языком, перевалившей к концу 1980-х гг. в городах уже 90%-ную отметку у обоих народов. Первоначальное порядковое отставание башкир от татар в рассматриваемом смысле было связано скорее всего опять же с относительно поздним вступлением титульного этноса республики в интенсивный урбанизационный процесс. Нельзя не заметить и сравнительно резкий скачок национально-русского билингвизма в 1970-е гг., детерминированный, по-видимому, известными партийно-правительственными мероприятиями по переводу национальных школ в РСФСР с начала 1970-х гг. на русский язык обучения. При этом нельзя не заметить, что в национальной деревне, несмотря на высокий статистический показатель двуязычия, владение русским языком осуществляется скорее в форме возможности, способности селянина говорить на втором языке, а реальное речевое поведение выступает в моноязычном виде. В городе же билингвизм и в сфере употребления был и остается реальностью, имея, кстати, устойчивую тенденцию к вытеснению своего «национального крыла» даже из семейно-родственных отношений.

Показательны, в указанном смысле, результаты анализа возрастной дифференциации во владении русским языком среди башкир и татар уже на материалах последних советских переписей (1979 и 1989 гг.). Например, если перепись 1989 г. зафиксировала степень владения русской речью у башкир и татар в возрасте от 20 до 30 лет на уровне 92,3 и 91,6% соответственно, то доля этих народов, признавших, что свободно говорят на русском языке, в возрасте 60 лет и старше составила 41,7 и 50,2%. В городских условиях это расхождение выглядит менее разительным (90,2 и 89,5% – у молодого поколения и 72,3 и 77,9% – у старейшего) в связи с тем, что, с одной стороны, подавляющая часть сельской национальной молодежи мигрирует в город, с другой – значительное количество татар и башкир среди горожан старейшего поколения уже прошло «русскоязычную» городскую социализацию [Галлямов 1996, с. 90–98].

Нельзя при анализе различных источников не заметить и тот факт, что, согласно социологическим опросам, респонденты фиксируют в своих ответах гораздо большую русско-национальную языковую компетентность, чем это показано в материалах новейших переписей. Явно завышенная самооценка степени владения вторым языком у русских в городах Башкортостана подтверждает, таким образом, отмечаемую во многих социологических работах тенденцию превышения эгоидентификационных характеристик над оценочными, так как уровень языковой компетентности при переписях определяется своеобразным интервьюером-переписчиком.

Тенденции развития русско-национального двуязычия

В условиях значительного роста национального самосознания титульных народов в республиках России, возрождения этнических ценностей, а самое главное – многократного возрастания «национально-государственного» фактора в этнических процессах не только на территории бывшего СССР, но и в самой Российской Федерации, чрезвычайно актуализируется роль русско-национального билингвизма в национальных регионах. Однако, как показывает анализ динамики развития русско-башкирского и русско-татарского двуязычия во второй половине XX в. в Башкортостане, оно выражалось цифрами, практически близкими к нулю, и имело тенденцию еще большего сокращения (табл. 2).

Таблица 2

Русско-национальное
(русско-башкирское и русско-татарское)
двуязычие в Башкортостане в динамике (%)²

1970				1979				1989			
Русско-башк.		Русско-татар.		Русско-башк.		Русско-татар.		Русско-башк.		Русско-татар.	
все	гор.	все	гор.	все	гор.	все	гор.	все	гор.	все	гор.
0,2	0,12	0,6	0,5	0,2	0,1	0,5	0,4	0,2	0,2	0,7	0,5

В городах число русских, владеющих языком титульного этноса и близкого к нему татарского народа, и в абсолютном и в относительном значении еще меньше, чем по республике в целом. Несмотря на огромную мозаичность этнического состава городов Башкортостана, почти все русское городское население не понимало башкирский и татарский языки. Результаты социологических исследований при этом фиксируют гораздо больший уровень русско-национальной языковой компетентности. Например, среди респондентов республики, участвовавших в социологических опросах 1990-х гг. (1993, 1995, 1997 гг.), 1,7% русских отметили свое свободное владение татарским и 0,6% – башкирским языками. Еще 2,3 и 3,3% русских респондентов характеризовали свое знание соответствующих языков как владение «с затруднениями». И наконец, 5,7 и 5,0% респондентов ответили, что могут разговаривать на башкирском и татарском языках, но «с большим трудом». К последним, на наш взгляд, относятся те представители городского русского населения, которые, имея большой опыт общения в нерусской языковой среде и постоянно слушая нерусскую речь, приобрели некоторые навыки понимания тюркских языков республики, но разговаривать так и не научились.

С точки зрения процессов, происходящих в начале XXI в., если анализировать материалы новейших российских переписей населения, приходишь к выводу о том, что тенденции развития русско-национального двуязычия сохраняются. Методика Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг., к сожалению, не содержит показателя «родной язык» у представителей нерусских народов. Однако приблизительные значения уменьшения русско-национального билингвизма вполне можно представить на основе компаративного анализа данных о степени владения родным и русским языком.

² Рассчитано автором по материалам Всесоюзных переписей населения.

При этом, как показывают результаты социологических опросов как 1990-х (1993, 1995, 1997 гг.), так и самых последних лет (2014, 2018, 2019 гг.), при выборе языка обучения из восьми предложенных вариантов ответы респондентов различных национальностей группируются в основном вокруг четырех этноязыковых вершин: только русский (башкиры – 6,6%; татары – 13,%, русские – 54,1%), башкирский и русский (башкиры – 62,8%, татары – 9,6%, русские – 28,3%), татарский и русский (башкиры – 4,0%, татары – 38,1%, русские – 3,4%), башкирский, татарский и русский (башкиры – 12,0%, татары – 25,0%, русские – 6,6%) [Галлямов Р.Р., 1996; Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. 2014].

Выводы

Таким образом, анализ развития двуязычия в Республике Башкортостан приводит нас к выводу о двух определяющих тенденциях данного этноязыкового процесса. С одной стороны, несмотря на достаточно высокий уровень (в 2010 г.) владения русским языком татарами (98,4%) и башкирами (96,4%), русскоязычность населения продолжает расти, практически достигая абсолютных показателей. Причем обратный билингвизм (русско-национальный) продолжает оставаться на достаточно низких показателях, достигнутых к началу общественных преобразований. Он развивается с начала текущего столетия очень незначительно, на основе введенного, в определенный период, преподавания национальных языков в средних школах: либо в форме «родного» (по желанию родителей), либо в форме обязательно для изучения «государственного» (башкирский). Однако, как показала практика, существенные результаты подобная школьная языковая политика не дала. Тем более что в последние годы под жестким контролем федеральных органов власти и эта, малоэффективная, практика быстро сворачивается. Поэтому приходится образным языком констатировать, что при значительном росте «одного крыла» билингвизма второе почти не развивается, что грозит впоследствии российскому орлу «свалиться в штопор».

Литература

- Галлямов Р.Р, 1996 – *Галлямов Р.Р.* Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996, 200 с.
- Губогло М.Н., 1993 – *Губогло М.Н.* Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. М., ЦИМО ИЭА РАН, 1993. 304 с.
- Губогло М.Н, 2000 – *Губогло М.Н.* Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., ИЭА РАН, 2000. 512 с.
- Национальный состав... 2012 – Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статистический бюллетень. – Уфа: Башкортостанстат, 2012. – 58 с.
- Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И., 2014 – *Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И.* Нацестроительство в Российской Федерации: опыт Башкортостана (диахронный и синхронный анализ) / Ф.Г. Сафин, Э.А. Мухтасарова, А.И. Халиулина. – СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. 264 с.
- Стратегия 2019 – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Режим доступа: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf
- Хинт М., 1987 – *Хинт М.* Двуязычие: взгляд без розовых очков // Радуга, 1987. № 7–8.

Языковая ситуация и языковая политика
в Республике Бурятия:
вызовы и тенденции

Г.-Х.Ц. Гунжитова

кандидат политических наук, доцент

*Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия, gunzhitova1974@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой ситуации и языковой политики в Бурятии. Освещены основные тенденции, характерные для нынешней языковой ситуации и языковой политики в республике, в том числе такие, как наличие внутриэтнического языкового конфликта и активизация институтов гражданского общества.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, бурятский язык, внутриэтнический языковой конфликт, стратегия развития бурятского языка

Language situation and language policy
in the Republic of Buryatia:
challenges and trends

Garma-Handa Ts. Gunzhitova

Cand. of Sci. (Politics), associate professor

*Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude,
Russia, gunzhitova1974@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the language situation and language policy in Buryatia. The main trends in the current language situation and language policy in the country, including the existence of intra-ethnic linguistic conflict and the revitalization of civil society institutions, are highlighted.

Keywords: language policy, language situation, Buryat language, intra-ethnic language conflict, Buryat language development strategy

Бурятия относится к многонациональным республикам Российской Федерации. По данным переписи 2010 г., на ее территории проживают представители более 167 национальностей [Национальный состав и владение языками 2012]. Однако

основную часть ее населения составляют представители двух национальностей – русские и буряты. При этом русские составляют большинство населения (64,9%), титульный этнос, буряты, составляют треть от общей численности населения (29,5%).

Языковая ситуация в республике характеризуется функциональным доминированием русского языка во всех сферах общественной жизни. Бурятский язык в основном представлен в таких сферах, как образование, средства массовой информации, культура, частично используется в науке, судопроизводстве, в сфере услуг. Языки других народов используются преимущественно в сфере семейно-бытового общения. Государственными языками республики являются русский и бурятский.

В последнее время в Республике Бурятия значительно актуализировался и обострился языковой вопрос, прежде всего касаясь второго государственного языка – бурятского. Это обострение вызвано многими факторами. Как известно, на развитие и функционирование языка влияют различные объективные факторы, в том числе урбанизация, состояние преподавания в системе школьного образования, распространение телевидения, экономические изменения, которые затрагивают традиционную культуру, и др.

В условиях преобладания русского языка объективно сужается функциональная ниша бурятского языка. С каждым годом сокращается количество бурят, говорящих на родном языке. Этот процесс не только затронул городскую часть бурятского населения, но и активно распространяется среди сельских бурят, особенно среди детей и молодежи. Это подтверждается результатами социолингвистических исследований и свидетельствует о нарастании негативных тенденций.

Сложившаяся ситуация вызывает озабоченность у бурятской интеллигенции, общественников и активных граждан. Наблюдается значительная активизация институтов гражданского общества в языковой сфере, прежде всего научно-образовательных, общественных, религиозных организаций и объединений. Можно сказать, что сегодня именно они формируют политическую повестку дня в региональной языковой политике.

Так, довольно активную позицию в языковом вопросе занимает буддийская традиционная Сангха России в лице своего лидера – хамбо-ламы Д. Аюшеева. В частности, Д. Аюшеевым была выдвинута идея о необходимости смены диалектной основы бурятского литературного языка.

Считается, что основу современного литературного бурятского языка составляет один из его самых крупных диалектов – хоринский. Однако анализ архивных документов говорит о том, что в 1939 г. за основу литературного бурятского языка был взят

не только хоринский диалект, а группа диалектов и говоров, на которых говорит преобладающая часть бурят, отличительной чертой которых является наличие фарингального согласного звука «h». Отметим, что до 1939 г. литературный бурятский язык базировался на сонголо-сартульском диалекте, в произносительном плане максимально приближенном к халха-монгольскому языку.

Безусловно, смена диалектной основы была продиктована не только лингвистическими соображениями и учетом численности говорящих на так называемом h-акающем диалекте. Конечно же, в основе этого решения были и политические мотивы, в частности стремление отделить бурят-монгольское население, вошедшее в состав Советского государства, от остального монгольского мира не только административными, но и языковыми границами.

Отметим, что бурятский язык неоднократно испытывал на себе различные изменения, продиктованные идеологическими и политическими мотивами, не учитывающими естественный ход его развития. Многие языковые явления зачастую насаждались в языке императивным путем. Так, за короткий период два раза производилась смена письменной основы (в 1931 г. – на латиницу, в 1939 г. – на кириллицу), что, конечно же, не могло не сказаться на состоянии самого языка. Несмотря на это язык развился как самостоятельный литературный язык, имеющий «свое лицо» в ряду других монгольских языков. Безусловно, наилучшим вариантом развития для бурятского языка, как и всех монгольских языков, было бы сохранение единого общемонгольского вертикального письма. Поэтому неудивительно, что сегодня также высказываются идеи о целесообразности смены письменной основы бурятского языка, возврата к вертикальному письму.

Конечно, все эти идеи и предложения по изменению языковой системы продиктованы самими лучшими побуждениями. Однако нужно понимать, что условия, в которых предлагается их реализовать, сегодня совершенно иные, чем они были в те же 30-е гг. Тогда все бурятское население владело родным языком, не было угрозы полной языковой ассимиляции. В настоящее время, в условиях, когда значительная часть бурят не владеет или плохо владеет бурятским языком, попытки осуществить кардинальные изменения в сфере языка могут привести к непредсказуемым последствиям.

Мнения по поводу смены диалектной основы литературного бурятского языка разделились – часть бурят поддерживает ее, другая часть категорически возражает, но есть и те, кто индифферентно относятся к этому вопросу, во многом в силу того, что родным языком не владеют.

Таким образом, можно сказать, что сегодня в бурятском обществе имеет место внутриэтнический языковой конфликт. Как следует из словаря социолингвистических терминов, «языковым конфликтом принято считать столкновение между языковыми сообществами (общностями) людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» [Словарь социолингвистических терминов 2006]. *Внутриэтнический языковой конфликт* возникает между представителями одного этноса. Такие конфликты чаще всего наблюдаются в процессе становления литературного языка во время борьбы за выбор опорного диалекта. Как видим, нынешняя ситуация – своего рода «классика жанра».

Необходимо отметить, что бурное обсуждение вопроса о выборе диалектной основы литературного бурятского языка имело место и в 30-е гг. прошлого столетия. Однако тогда споры и обсуждения этого вопроса ограничивались узким кругом специалистов-филологов, тогда как сегодня в эти обсуждения вовлечено большое количество общественных институтов и просто активных граждан. Так, только в течение 2019 г. прошло несколько крупных мероприятий, посвященных в том числе обсуждению этого вопроса.

Так, 24 апреля 2019 г. состоялось Республиканское лингвистическое совещание, участниками которого стали представители профессионального сообщества: ученые-лингвисты, преподаватели вузов, учителя бурятского языка общеобразовательных школ, воспитатели дошкольных образовательных учреждений, а также писатели, поэты, журналисты, представители органов государственной власти, деятельность которых так или иначе связана с бурятским языком. Следует отметить, что в совещании приняли участие и представители Забайкальского края и Иркутской области.

По результатам совещания участниками была принята резолюция, в которой отразились основные предложения участников касательно дальнейшего развития литературного бурятского языка.

В частности, участники высказались за то, чтобы считать нецелесообразным изменение основ современного литературного бурятского языка как наддиалектной подсистемы национального языка, языка письменности бурятского народа; обработанной части общенародного языка, обладающей письменно закреплёнными нормами; языка всех проявлений культуры, выражающихся в словесной форме; признать важную роль диалектов бурятского языка как основного и главного источника обогащения литературного бурятского языка.

Этот же вопрос затрагивался на двух круглых столах: один из них был организован Администрацией главы РБ и Правительства РБ (09.10.2019), инициатором второго выступила Общественная палата РБ (27.11.2019).

В них приняли участие представители общественных организаций, образовательных учреждений, вузов, органов государственной и муниципальной власти. Одним из главных вопросов на первом круглом столе стала роль диалектов в развитии и сохранении бурятского языка, а также вопрос о том, каким должен быть единый литературный бурятский язык.

Круг вопросов заседания, организованного Общественной палатой, был обозначен намного шире, что нашло отражение в его названии – «Проблемы и стратегия развития бурятского народа». В пределах данной статьи мы не ставим целью проведение подробного анализа указанных мероприятий, лишь подчеркнем, что проведение этих мероприятий свидетельствует о том, что вопрос дальнейшего развития бурятского языка стал сегодня одним из главных в повестке языковой политики республики.

Однако языковая политика в Республике Бурятия находит свое отражение не только в обсуждениях вопроса. Справедливости ради нужно сказать, что на сегодняшний день в республике выработаны и определенные механизмы реализации языковой политики.

Так, еще в ноябре 2018 г. в Улан-Удэ прошел Международный форум бурятского языка «Бурятский язык в XXI в.». Его организаторами выступили правительства трех регионов – Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края, а также Всебурятская ассоциация развития культуры, Бурятский государственный университет.

Цель форума была определена как «обсуждение и выработка стратегии решения ключевых проблем развития бурятского языка в условиях глобализации в трансграничном регионе Россия – Монголия – Китай».

В форуме приняли участие представители органов государственной власти и местного самоуправления, органов управления образованием и учреждений образования, культуры, научных учреждений и высших учебных заведений, СМИ, общественных объединений из регионов России – Иркутской области, Забайкальского края, а также из Монголии и АРВМ КНР (около 500 человек).

Основными темами форума стали:

- «Бурятский литературный язык и диалекты: сфера, функции и роли»;

- «Национальные художественные традиции и перспективы развития бурятской литературы»;
- «Роль учреждений культуры в сохранении и развитии бурятского языка: традиции и пути обновления»;
- «Актуальные проблемы преподавания бурятского языка на современном этапе»;
- «Роль муниципалитетов в решении вопросов сохранения и развития бурятского языка»;
- «Роль печатных и электронных СМИ, интернет-ресурсов в развитии бурятского языка на современном этапе»;
- «Роль семьи в сохранении и развитии бурятского языка»;
- «Бурятский язык в XXI в.: взгляд молодежи».

Основным итогом форума стало принятие Стратегии развития бурятского языка до 2030 г. [О Стратегии развития бурятского языка 2019].

Стратегия представляет собой систему целей, приоритетных направлений, задач и механизмов развития бурятского языка в Республике Бурятия. Она должна стать основой для объединения и координации деятельности органов государственной, муниципальной власти, научных и образовательных организаций, общественных объединений, граждан по сохранению и развитию бурятского языка.

В представленном документе обобщена в сжатой форме работа, проведенная в республике за прошедшее десятилетие по основным направлениям сохранения и развития бурятского языка, выделены нерешенные проблемы и обоснованы задачи до 2030 г.

В частности, отметим то, что в документе особое внимание было обращено на необходимость активизировать работу по реализации языковой политики на муниципальном уровне. Было отмечено, что центр тяжести в реализации языковой политики должен переместиться в низовое звено – сельское поселение, школу, семью – туда, где непосредственно проживают носители языка и где, собственно, функционирует «живой» бурятский язык. Целью этой работы должно стать создание языковой среды, в первую очередь в семье, детском саду, школе и в поселении в целом.

В процессе воспитания языковой личности ребенка ключевую роль играют семья и семейное воспитание. Поэтому актуализация роли семьи в процессе воспроизводства бурятского языка стала одной из первоочередных задач Стратегии. Действительно, без включения семьи в решение задачи трансляции родного языка в будущее через передачу его своим детям дальнейшее развитие бурятского языка практически невозможно.

Так, принятие последних поправок в федеральное законодательство об образовании делает родителей учащихся ключевыми

акторами в системе языкового образования. Принятие поправок в ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» от 12 декабря 2012 г. заметно осложнило ситуацию с изучением бурятского языка в образовательных организациях. Во многом это обусловлено отсутствием четких механизмов регулирования вопроса изучения и преподавания бурятского языка в новых условиях.

В связи с этим органам управления образованием, муниципалитетам, руководителям образовательных учреждений и преподавателям совместно с родительской общественностью необходимо внимательно и тактично проводить разъяснительную работу с родителями, в первую очередь носителями языка, по выбору преподавания бурятского языка как родного, не допуская при этом никакого административного давления.

В завершение отметим, что вопросы сохранения и развития родных языков народов РФ должны решать не только власти. Их решение во многом зависит от вовлеченности и заинтересованности всех сторон – этнического сообщества, институтов гражданского общества, семьи, отдельного человека.

Литература

- Национальный состав и владение языками 2012 – Национальный состав и владение языками, гражданство [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федеральная служба гос. статистики 4/3.]. М.: НИЦ «Статистика России», 2012.
- О Стратегии развития бурятского языка 2019 – О Стратегии развития бурятского языка на период до 2030 г.: постановление Правительства Республики Бурятия от 08.05.2019 № 228 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://egov-buryatia.ru>
- Словарь социолингвистических терминов 2006 – Словарь социолингвистических терминов. М., 2006.

Trends and issues on multilingualism: UNESCO chair on language policies for multilingualism

Edleise Mendes

Federal University of Bahia (UFBA)

UNESCO Chair on Language Policies for Multilingualism (UCLPM)

(edleise.mendes@gmail.com)

Introduction

As one of the coordinators of this network, I have the opportunity today to present the UNESCO Chair on Language Policies for Multilingualism, that have the general coordination of Prof. Gilvan Müller de Oliveira, from Brazil, and which the Russian State University for Humanities is part, under the coordination of professors Omarov and Zabotkina.

To begin my speech, I want to emphasize that contemporary societies challenge us, everyday, in different spaces of knowledge and experience, to understand the diversity and the ways in which people live, interact with others and project their identities.

In this scenario, the different actions we take in the field of multilingualism research and the policies for its development need tools capable of fostering the creation of democratic spaces of interaction that value the different forms of encounter between languages and cultures.

From this perspective, *The UNESCO Chair on Language Policies for Multilingualism (UCLPM)* is a research network of universities, institutes, national committees, specialized networks and academies from different countries to generate knowledge on the different contexts of multilingualism, on the language policies developed in these contexts, and their implications for the sustainable development of citizens, linguistic communities, regions and countries.

UNESCO Chair LPM currently has 23 members (including RGGU, as I mentioned) in 13 countries and 4 continents.

The Chair's products – publications, events, academic mobility, training of masters and PhD students, advisory services to linguistic communities and governments – will dialogue centrally with the concept and guidelines for sustainable development, as foreseen in the Sustainable Development Goals (SDG) of the United Nations

(2015-30). In addition, the Chair will carry out relevant research, establishing relationships on several axes, to help the development of UNESCO policies, such as the *Promotion of Multilingualism in Cyberspace*, and the development of the *UNESCO Atlas of the World Languages*, now under way.

Domains

The area of research called today *Multilingualism* stems from efforts made in different moments and geographies, involving mainly:

- (1) the taxonomic and cartographic concerns with the languages of the world;
- (2) the observation of the phenomenon of individual bilingualism and its consequences;
- (3) the analysis of languages in conflict and the proposal to manage of these conflicts through language planning;
- (4) the relationship between languages and identities, and finally;
- (5) the concerns on languages and education.

More contemporaneously, two new concerns have further broadened the area. On the one hand the question of *linguistic rights* and on the other the *digitalization of languages* and the Internet revolution have brought to the field new interests on access/accessibility and, at the same time, on the *digital equipment* of languages.

The area of *Language Policy and Planning (LPP)* connects the historical demands of language communities for the use of their languages with the governance needs of the States and, at the same time, with the economic needs of the Market. In this axis connecting Society, State and Market, LPP analyses the major decisions that are made about languages and how the measures to concretize these decisions are developed.

In the twenty-first century, languages are increasingly ceasing to be seen as problems and increasingly are seen as rights or, beside rights, as resources. It is with this vision of languages as resources that the UCLPM established the following domains / axes for research:

- (i) Multilingualism and internationalization
- (ii) Multilingualism and intercultural mediation
- (iii) Multilingualism and language education
- (iv) Multilingualism, translation and accessibility
- (v) Multilingualism, economy and linguistic rights
- (vi) Multilingualism, information and communication technologies
- (vii) Multilingualism, borders and diasporas

These domains allow the UCLPM to consider a series of projects under development in the partner universities/institutions. Each research group, therefore, pointed out in which domain it works / intends to work in the Chair, thus enabling the development of concrete projects and expertise for each axis. In this way, the Chair is an inter- and transdisciplinary effort encompassing the humanities, technologies, economics and education, with languages and multilingualism as hubs.

Projects corresponding to UNESCO's priorities

The document offered by the United Nations, *Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development*, adopted by the world's leaders in 2015, and described as "an Agenda of the people, by the people, and for the people," includes 17 Sustainable Development Goals and 169 targets that determine the basic ways of transforming our world toward prosperity, greater economic opportunity, higher living standards, and environmental protection.

The 2030 Agenda for Sustainable Development is very important, particularly for cultures and languages. This is a first-ever international development program to regard culture as a necessary condition and motive force of the economic, social and environmental aspects of sustainable development, thus recognizing it as an essential factor of achieving the posed goals in education, urban development, environment, economic growth, and sustainable models for production, consumption and the building of peaceful and inclusive societies.

In this sense, thinking about languages and their diversity is can contribute to the sustainable development of multilingual societies, protecting and valuing their citizens. The problems related to multilingualism and the protection and maintenance of languages are also human rights problems, related to UNESCO's general goals for the millennium.

Projects corresponding to the Millennium Development Goals

The Sustainable Development Goals document, previously mentioned, mainly concerns a part of the economic and social rights of human beings and is intended for developing countries. In all these objectives, there are no direct references to the question of languages, but it is understood how fundamental they are to ensure the social,

economic and human development of countries, especially those in need.

From the national, as well as from the regional point of view, the UCLPM is contributing to sustaining and promoting human, linguistic and cultural diversity through languages and their management, aiming at the construction of intercultural dialogues that help the exchange and cooperation between peoples and institutions, in building social development for all.

The headquarters of the UCLPM, at the Federal University of Santa Catarina, Brazil, as well as all the other partners that integrate it, like the RGGU, construct their research and design their actions understanding their great responsibility for regional and national development, with important transnational reach, through the specialized cooperation network that it represents.

From this scenario, the UCLPM is a “federation of projects”. Each Project, developed by the member institutions, is included in one of the seven Domains/Axes as I already mentioned, working in a perspective of Language as a Resource, studying the contexts of multilingualism (languages, behaviors, practices, etc.), and collaborating to the efforts of mapping multilingual situations, as well as analyzing the ongoing language policies in each situation.

All the projects and actions of the UCLPM help to identify to what extent languages, behaviors and linguistic practices, and also the organization of geolinguistic spaces, are connected to the sustainable development of the linguistic communities involved.

Towards the end of my talk, I would like to summarize UCLPM's overall objective and show some of its developments since it began in May 2018.

Our overall development goal is

To produce current and relevant knowledge for the understanding of the phenomenon of multilingualism in contemporary societies, together with a network of partners working in different geopolitical contexts. This means to subsidize the development of projects and actions in *Language Policy and Planning (LPP)* of regional, national and international scope, aiming at the promotion of multilingualism and sustainable development, with impacts on education, culture, sciences, communication and information. The central thrust of the UCLPM effort will be to demonstrate, in a variety of contexts, how languages are central development factors and how language policies can positively direct or constrain this development.

Some of these actions and projects are underway, such as:

Establishment of academic agreements between the universities / institutions participating in the UCLPM for strengthening of cooperation.

Increasing number of exchanges of researchers, teachers and students between partner institutions.

Relevant number of events with participation/presentation of researches of the UCLPM and also events organized by the members institutions. To date, 3 international conferences have been organized by UCLPM: in Hyderabad, India; in Macao, China; in Brasilia, Brazil, and in January will be the 4th Conference of UCLPM in Paris, France.

As a priority of our net, it is also worth mentioning the offer of courses for the learning of the languages of the UCLPM (Afrikaans, English, French, Indonesian, Mandarin, Portuguese, Russian, Spanish, Telugu and Tetum), contributing to promote the multilingualism inside of the net and outside it.

UCLPM has a schedule of publications that address various network research interests. By the end of this year, we will have 4 Journals organized by the UCLPM and next year we will have 6 more jointed publications under development.

It is relevant to mention the quantitative impact that the UCLPM has had for the increasing involvement of professors and students of the Graduate Programs with the research about multilingualism, generating many projects, master dissertations and doctoral theses.

Além disso, a produção da UCLPM dialoga permanentemente com a documentação da UNESCO e outras organizações internacionais e a participação de pesquisadores da rede em eventos organizados / apoiados pela UNESCO e outras organizações internacionais tem sido uma de nossas prioridades.

Gratitude

I would like to emphasize the wide scope that the UNESCO Chair on Language Policies for Multilingualism has had in different parts of the world, and I, as coordinator and member of the UCLPM Executive Committee, celebrate the participation of RGGU as our permanent member and I wish we could build many future joint projects and actions.

Динамика языковой ситуации
в Республике Саха (Якутия) в 2007–2016 гг.:
этносоциопсихолингвистический подход

Н.И. Иванова

кандидат филологических наук

*Институт гуманитарных исследований и проблем коренных
малочисленных народов Севера, Якутск, Россия, haar-haar@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию основных характеристик языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) на макросоциолингвистическом и микросоциолингвистическом уровне с использованием социолингвистических (социолингвистическое анкетирование) и психолингвистических (направленный ассоциативный эксперимент) методов. Целью данной работы являются исследование языковой ситуации, а также определение ее дифференциальных признаков на современном этапе развития. Задача исследования состоит в том, чтобы представить данный социолингвистический феномен в комплексе следующих признаков: языковой идентичности, языковой компетенции, определения доминирующих тенденций в национально-языковых отношениях, предопределяющих языковое прогнозирование и направления языковой политики в регионе.

Ключевые слова: языковая ситуация, якутский язык, языковая компетенция, этноязыковая идентичность, языковые установки, национально-языковые отношения

Dynamics of the language situation
in the Republic of Sakha (Yakutia) in 2007–2016:
ethnosociopsycholinguistic approach

Nina I. Ivanova

Cand. of Sci. (Philology)

*Institute for Humanitarian Studies and Problems of the Indigenous Peoples
of the North, Yakutsk, Russia, haar-haar@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the main characteristics of the linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) at the macrosociolinguistic and microsociolinguistic level using sociolinguistic (sociolinguistic questionnaires) and psycholinguistic (directed associative experiment) methods. The aim of this work is to study the language

situation, as well as to determine its differential features at the current stage of development. The aim of the study was to present this sociolinguistic phenomenon in a set of the following: linguistic identity, linguistic competence, definition of dominant trends in national-language relations that predetermine language forecasting and language policy directions in the region.

Keywords: language situation, Yakut language, language competence, ethno-language identity, language attitudes, national-language relations

Постановка проблемы

Функциональный статус якутского языка имеет прочные позиции в сельской местности, но в условиях города имеются серьезные проблемы в обеспечении права обучения и воспитания на родном языке, в использовании якутского языка в делопроизводстве, в сфере государственного управления и т. д. Зафиксировано незначительное повышение уровня свободного владения якутским языком. Фактор возраста становится основным в снижении показателей этничности в г. Якутске – в показателях этноязыковой идентичности и владении родным языком. Материал ассоциативных экспериментов дал возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания молодежи признаков концептов. Реакции отражают наличие в якутском сообществе серьезных проблем во владении якутским языком. В результате анализа полученных материалов установлено в целом позитивное национально-языковое отношение респондентов-якутов к якутскому и русскому языкам, отмечается возрастание их языковой лояльности; в незначительной степени сохраняется нигилизм по отношению к социальным функциям якутского языка. Среди носителей русского языка отмечается усиление интегративных тенденций, дальнейшее расширение которых будет благоприятствовать общему межнациональному климату в г. Якутске и в целом в республике. Факт якутско-русского двуязычия определяет значимость российской/гражданской идентичности, несущественно снижая при этом первостепенность этноязыковой идентичности.

Социолингвистический анализ тенденций и противоречий в развитии современных языковых ситуаций, в решении проблем функционирования нескольких языков на территории одного государства является актуальной задачей как на уровне субъектов, так и на уровне управленческих решений федерального центра, и поэтому требует постоянного изучения и регулирования.

Исследовательский опыт российских социолингвистов последних лет четко обозначил совмещение психолингвистических

и социолингвистических процедур в комплексном изучении той или иной языковой ситуации.

Цель – представить языковую ситуацию в Республике Саха (Якутия), базируясь на совокупности макросоциолингвистических (количественных) и микросоциолингвистических (качественных) данных, характеризующих динамические показатели языковой компетенции, этноязыковой идентичности якутов и русских, национально-языковых отношений между якутами и русскими.

Методика исследования

Этносоциопсихолингвистический подход предполагает исследование факторов, детерминирующих языковую ситуацию в 3 аспектах: 1) социолингвистическом; 2) собственно-лингвистическом; 3) этнопсихолингвистическом. В докладе ограничимся представлением итогов исследования в социолингвистическом и этнопсихолингвистическом аспектах.

Смежность исследуемого поля, метод триангуляции, комбинирующий количественные (социолингвистические опросы) и качественные (направленный ассоциативный эксперимент) процедуры, расширяют возможности получения репрезентативных результатов в описании языковой витальности, языковой доляльности. Итоги эксперимента также экстраполируются на области исследования языковой компетенции, этноязыковой идентичности и национально-языковых отношений.

Социолингвистический компонент определяет также функциональную дистрибуцию языков в различных сферах, коммуникативную мощь компонентов двуязычия, функциональный (реальный) статус языка (или языков) в обществе. Функциональный статус якутского языка установлен на основе анализа динамики социолингвистических данных, детерминированных лингвистическими и экстралингвистическими факторами, проанализированы объем и интенсивность выполняемых им социальных функций в регламентируемых и нерегламентируемых коммуникативных сферах в сопоставлении с фактическим статусом русского языка. Так, выделены 25 подсфер: сфера образования (дошкольного, школьного, среднего, высшего), сфера семейного общения (межпоколенное (с детьми), межпоколенное (с родителями), внутр поколенное, кросс поколенное); масс-медиа (телевидение, радио, пресса); сфера духовной культуры (традиционная национальная культура, религиозные убеждения, книгоиздание, театральное искусство, киноискусство, музеи) и др.

Таким образом, комплексный характер проблематики нашей работы предопределил интегрированный исследовательский подход – этносоциопсихолингвистический, включающий в себя этнопсихолингвистический и социолингвистический анализ материала на макросоциолингвистическом и микросоциолингвистическом уровнях.

Эмпирическую базу исследования составляют: итоги опросов «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)» (2007–2008 гг.); «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г. Якутска» (2014 г.), «Исследование социолингвистической ситуации в г. Якутске». Материалом для анализа ассоциативных реакций послужили выборки студенческой молодежи из проводившихся в разное время пилотных и массовых ассоциативных экспериментов.

Результаты исследований

Социо- и этнодемографическая структура. В общей численности населения республики, по данным Всероссийской переписи 2010 г., преобладает городское население – 64,1%, сельское составляет 35,9%, в том числе доля якутов составляет 49,9%, русских – 37,8%. В 2010 г. процентное соотношение русских и якутов составляло 38,4 и 47,4% соответственно, что говорит о новом демографическом балансе в истории Якутска – доля якутов по сравнению с 1989 г. выросла в 2,5 раза.

Сегодня г. Якутск является средоточием миграционных потоков. Кроме внешней миграции из стран СНГ (примерно 15–20%) высока внутрирегиональная миграция, направленная в столицу республики. В 2019 г. доля сельского населения в Якутии продолжает снижаться. По сравнению с 2018 г. его численность снизилась на 1937 человек (0,58%). В то же время общая численность населения республики увеличилась на 3192 человека (0,33%), городского – на 5129 (0,81%) за счет естественного прироста над миграционной убылью. По итогам Всероссийской переписи 2010 г., в г. Якутске проживает 47,7% якутов и 38,4% русских (<http://sakha.gks.ru>).

Языковая ситуация определяется прежде всего положением русского и якутского языков, которые представляют языки наиболее многочисленных этнических групп. Русский язык в г. Якутске, до 2010 г. превосходивший по демографической мощи якутский и по сегодняшней день доминирующий в коммуникативном плане, сохраняет в условиях активного якутско-рус-

ского и незначительного русско-якутского двуязычия и в статусе межнационального языка свои лидирующие позиции.

Языковая компетенция (уровень владения языками). Общеизвестно, что урбанизированность является сильным негативным фактором в использовании регионального языка, сокращая пределы его функционирования. Наш опрос и экспертное интервью выявили следующие итоги.

Традиционно якутский язык имеет высокую сохранность в сельской местности. Изучение динамических показателей языковой компетенции якутов, проживающих в г. Якутске, отражает следующие тенденции:

- рост свободного владения родным якутским языком с 77,6% в 2007 г. до 80,6% в 2014 г. и снижение владения русским языком с 92,1% в 2007 г. до 86,4% в 2014 г., что во многом определяется последствием внутренней миграции сельских якутов в Якутск;
- преобладание билингов субординативного типа, рост билингов координативного (активного, продуктивного) типа билингвизма;
- снижение уровня владения якутским (снижение активных умений и умеренное повышение пассивных умений) и русским языками у молодежи саха, детерминированное факторами различного характера: несбалансированным типом билингвизма в языковом пространстве (в том числе в семейном общении); недостаточно выверенной методологией обучения родному языку в системе школьного образования; уровнем образованности, тенденциями индивидуализации сознания молодежи и т. д.;
- тенденции дистанцированности молодежи саха от родного языка в условиях активного двуязычия, выявленные в ходе ассоциативного эксперимента: якутский язык, родной язык для большинства испытуемых студентов, в 2014 г. представляется «сложным», «трудным» для изучения и использования, тогда как в 2007 г. большинство реакций было представлено признаком «родной», что отражало в первую очередь значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению. Этноидентифицирующий мотив (родной – 64) и положительная эстетическая оценка концепта (красивый – 47) также имеют достаточную значимость в репрезентации концепта и занимают по степени представленности вторую и третью позиции. Содержание концепта в коммуникативном сознании студентов-саха сместилось от базового культурного к прагматическому, утилитарному. Реакции отражают наличие в якутском сообществе

серьезных проблем во владении якутским языком, о чем свидетельствуют реакции и более взрослых респондентов старше 25 лет. Так, в эксперименте 2014 г. в их ответах преобладает этноидентифицирующий маркер («родной» – 134), но на второй позиции обозначена степень сложности якутского языка для его современных носителей («сложный» – 66, «трудный» – 39);

- стабильность позитивных языковых установок по отношению к русскому языку в коммуникативном сознании носителей якутского языка: в ядре концепта «русский язык» представлены превосходные эстетические признаки *великий, красивый* и присутствует реакция *легкий*, отражающая его доступность, простоту, понятность для молодого билингва-саха;
- значительное снижение негативных установок у русских студентов по отношению к якутскому языку у русских студентов: если в 2008 г. негативные реакции составляли 37%, то в последнем эксперименте их практически нет. Наиболее частотные реакции следующие: в 2008 г. – *непонятный, сложный, странный, некрасивый*; в 2016 г. – *сложный, непонятный, интересный, красивый* и т. д.;
- гармонизация национально-языковых отношений: в 2008 г. наиболее частотные реакции оказались: *родной, сложный, могучий, великий, красивый*; в 2016 г. наблюдаем следующие: *красивый, великий, родной, сложный, могучий*. Реакция «родной» переместилась с первой позиции на третью, т. е. подтверждает снижение тревожности за русский язык в регионе.

Обсуждение результатов

В целом прямая языковая идентичность свойственна для выходцев из села независимо от длительности проживания в городе, также имеет место быть среди них незначительная доля двойственной идентичности – якутской и русской одновременно. Среди коренных горожан все три варианта идентичности имеют выражение, но преобладает прямая этноязыковая идентичность. В наших условиях исследования ответы отражают сильное влияние сельской этноязыковой среды, традиционного уклада жизни на сохранение этнической идентичности. Также представлена ясная картина того, что двуязычная среда, неоднородная языковая среда начинают формировать более разнообразные варианты идентичности. Продолжительность проживания в городе отражается на уровне владения якутским языком незначительно.

Итоги анализа объективных факторов функционирования якутского и русского языков в репертуаре этнических саха отражают умеренный рост использования якутского языка в нерегламентируемых сферах СКС, стабильность высокого функционального статуса русского языка для носителя якутского языка, при этом установлено недостаточное функционирование якутского компонента государственного двуязычия как актуальной коммуникативной стратегии в условиях г. Якутска, что требует дальнейшего поиска оснований для объединения усилий в сохранении и развитии якутского языка. Социальные функции компонентов государственного двуязычия находятся в отношениях функциональной дополнительности.

Языковая дистрибуция детерминирована: этническим составом административно-территориальной единицы; степенью участия государственной языковой политики, институциональными особенностями, установившимся регламентом государственных органов; урбанизированностью, возрастом, языковой компетенцией; родом деятельности человека в зависимости от гуманитарной, технической направленности либо связанной с непосредственным общением с широкими слоями населения (госслужащие, сотрудники, занятые административной работой, медики); установившимся стереотипом в выборе языка в городском дискурсе, параметрами ситуативности, знакомства/незнакомства коммуникантов и т. д.

Основная проблема сохранения и развития языка саха связана с комплексом проблем в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, создавшихся вследствие отсутствия четко артикулированной государственной образовательной политики по сохранению языкового разнообразия в РФ и обеспечению конституционного права на обучение на родном языке. Отсутствие условий для полноценного этнокультурного воспитания и образования, недостаток школ, классов с родным языком обучения, несовершенство методической базы и другие нерешенные проблемы представляют угрозу для сохранения социальной базы языка, ослабляют роль этнического языка в воспроизводстве этнической культуры.

Функциональный статус якутского языка в г. Якутске имеет прочные позиции в сельской местности, но в условиях города наблюдаются серьезные проблемы в обеспечении права обучения и воспитания на родном языке, в использовании якутского языка в делопроизводстве, в сфере госуправления и т. д. Процессы урбанизации, увеличивая плотность титульного населения в столице республики, генерируют умеренный рост функционального статуса якутского языка в основном в нерегламентируемых

сферах СКС. Стабильно высокий функциональный статус русского языка и ряд экстралингвистических факторов предопределяют недостаточное функционирование якутского компонента государственного двуязычия в регламентируемых сферах.

Заключение

В целом этносоциопсихолингвистическое содержание объекта исследования – якутского этнического социума и носителя якутского языка – репрезентирует стабильность его ядерной характеристики в меняющихся внешних условиях. Социокультурная роль этнического языка заключается в том, что она является важным фактором сохранения этнической идентичности. Факт высокого уровня якутско-русского двуязычия определяет значимость российской/гражданской идентичности, несущественно снижая при этом первостепенность этноязыковой идентичности. Национально-языковые отношения в двуязычном пространстве г. Якутска стабильные с тенденцией к дальнейшей гармонизации.

Сегодня основной параметр, дифференцирующий этноязыковую ситуацию в г. Якутске, – возраст. В контексте политики идентичности идет бескомпромиссная борьба за идентичность будущего поколения. Поэтому основной объект языковой политики – дети и молодежь, что предполагает более действенные и масштабные мероприятия силами не только образовательных учреждений, семьи, но и общественных организаций, всего общества.

Интегративная миссия русского языка на Северном Кавказе

С.Ю. Иванова

доктор философских наук, профессор

Северо-Кавказский федеральный университет, isu-socf@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается значение русского языка в укреплении гражданского единства в современной России, анализируются проблемы в преподавании и использовании русского языка в полиэтничном регионе (Северном Кавказе), автор предлагает перечень мер, направленных на совершенствование национальной и языковой политики в регионе, подчеркивает роль системы образования в этом процессе.

Ключевые слова: русский язык, Северный Кавказ, национальная политика, система образования, молодежь, культура

Integrative mission of the Russian language in the North Caucasus

Svetlana Yu. Ivanova

Dr. of Sci. (Philosophy), professor

North Caucasus Federal University, isu-socf@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the importance of the Russian language in strengthening civil unity in modern Russia, analyzes the problems in teaching and using the Russian language in the polyethnic region (North Caucasus), the author proposes a list of measures to improve national and language policies in the region, underlines the role of the education system in this process.

Keywords: Russian language, North Caucasus, national politics, education system, youth, culture

В современном мире в условиях глобализации языковые процессы приобретают новое звучание. Сохранение языкового и культурного разнообразия в контексте упрочения гражданского единства и консолидации российских граждан является одной из приоритетных задач государственной национальной политики.

Русский язык выполняет особую миссию в сложном процессе формирования российской гражданской идентичности. Как

язык общегосударственный он формирует единое образовательное и культурное пространство, консолидирует население России в единую гражданскую нацию. Особенно данное положение актуально для Северного Кавказа, где русский язык, как в прошлом, так и в настоящее время, продолжает оставаться одной из фундаментальных составляющих обеспечения единства Северного Кавказа с Россией. Русский язык в регионе является не только государственным языком, а также и языком межнационального общения, на котором многочисленные народы Северного Кавказа, относящиеся к разным языковым семьям и группам, могут разговаривать друг с другом.

С позиции исторических реалий русский язык как фактор укрепления позиций и внешнеполитического влияния России в мире не менее значим, нежели военно-политический и экономический фактор.

В истории государства русский язык способствовал утверждению российской государственности на Северном Кавказе в XIX в., как известно, процессу сложному и неоднозначному, затянувшемуся во времени. Русский язык являлся для горцев мощным ресурсом социализации в общеимперском пространстве. Овладение им открывало возможности повышения собственного социального статуса.

Возникновение у горских народов Северного Кавказа приверженности традициям светского образования напрямую связано с русским языком. Русский язык играл приоритетную роль в образовательной практике кавказской начальной школы в XIX – начале XX в. Его интегрирующая роль сохраняется и сегодня.

Полифония культур и народов России реализуется и входит в мировую цивилизацию посредством русского языка.

Именно благодаря владению русским языком и вхождению в российское культурное пространство у всех народов России сформировались первые поколения национальной интеллигенции. Ее яркие представители осознавали родной язык как центральное ядро национальной культуры и всерьез были озабочены вопросами его сохранения. Если первые учителя в аульных школах были русскими, то к концу XIX в. появились учителя из горцев. В ставропольской гимназии, где существовало горское отделение, ежегодно проводился конкурс на лучшее сочинение на русском языке, причем высокие оценки жюри нередко получали учащиеся-горцы.

Одновременно передовые деятели культуры народов России переводили на местные языки творения классиков русской литературы и выступали, таким образом, пропагандистами передовой русской культуры, формировали чувство сопричастности к ней.

На Северном Кавказе и в других полиэтничных регионах русский стал не только языком государственным, но также и языком межатнического общения, посредником в межкультурной коммуникации, способствовал сплочению полиэтничного социума.

Не только в историко-культурном контексте, но и сегодня русский язык играет основополагающую роль в укреплении российской государственности. Он способствует сплочению народов России, Северного Кавказа, использующих русский язык как основное средство коммуникации, как язык политики, культуры, науки и образования.

Укрепление позиций русского языка как общегосударственно-го является стратегическим приоритетом государственной политики Российской Федерации во всех сферах жизни общества.

В сфере национальной политики республик в составе СКФО самой острой и актуальной остается проблема формирования и дальнейшего развития национально-русского двуязычия. Поэтому интерес, проявляемый в последние годы к функционированию русского и родных языков в республиках, вполне понятен, ведь от правильного подхода к этой проблеме зависят не только решение собственно лингвистических, педагогических, образовательных задач, но и практика языковой политики, а в более широком плане развитие и совершенствование межнациональных отношений. Основными тенденциями современной языковой ситуации в северокавказских республиках являются: осознанное владение русским языком при одновременном отсутствии прагматической мотивации в изучении родных языков; значительный интерес к изучению английского языка.

Главная задача состоит в том, чтобы продолжить установившееся в республиках гармоничное развитие родных и русского языков, соблюдать определенный баланс между федеральным и национально-региональным компонентами в учебных планах. Наличие нескольких десятков языков иногда и создает, может быть, неудобства в общении, обеспечении сбалансированного функционирования всех этих языков, решении кадровой политики и т. п., но многоязычие – это своеобразное богатство республик, визитная карточка Северного Кавказа.

В преподавании русского языка в регионе сложилось много позитивных, инновационных практик, заслуживающих внимания и распространения. Например, в Северо-Кавказском федеральном университете много времени уделяется формированию культуры русской речи у студентов. Дисциплины русского языка включены во все учебные планы всех направлений бакалавриата и специалитета СКФУ. Создана специализированная профильная кафедра культуры русской речи, обеспечивающая системную

деятельность по формированию и развитию устной и письменной культуры русской речи студентов всех направлений подготовки. Разработана и внедрена система учебных курсов, которая включает освоение более ста тематических модулей, нацеленных на формирование и развитие культуры русской речи.

Формируются следующие компетенции:

- способность к порождению правильно построенных монологических текстов (устных и письменных) на разные темы в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией общения;
- знание основных признаков функциональных стилей русского литературного языка, умение правильно употреблять языковые средства в соответствии с нормами разных стилей речи;
- готовность к профессиональной коммуникации;
- навыки публичных выступлений перед аудиторией; навыки ведения диалога и дискуссии.

Эта деятельность влияет на общую культуру личности будущего специалиста, становится условием его профессиональной успешности и тем самым повышает внутреннюю самооценку; выступает одним из факторов воспитания российской гражданской и цивилизационной идентичности.

Реализуя названный проект, университет мощно влияет на укрепление позиций русского языка и культуры через реализацию образовательных программ, развитие научных исследований, поддержку инновационных процессов в социально-экономической, культурной сферах деятельности народов Северного Кавказа; выступает как ведущая экспертная площадка для межкультурного диалога, как центр позитивного влияния на процессы межэтнического и межконфессионального общения.

Русский язык – посредник в диалоге культур, основа гражданского единства народов России и инструмент сохранения «Русского мира». Очевидно, что решение представленного комплекса проблем сохранения позиций русского языка в условиях Северо-Кавказского федерального округа требует разработки ряда региональных программ в области культуры и образования, ориентированных на сохранение позиций русского языка как основы межэтнического общения; популяризацию решающей роли семьи в воспитании детей, подростков и юношества; повышение ее социального статуса и укрепление материального положения как фундаментальной среды воспитания и социализации личности, обеспечивающей вхождение в языковую и культурную среду; возрастание роли и институциональной ценности языкового компонента образования в учебных организациях как информационно-коммуникативного механизма эффективного

включения народов региона в процессы общероссийской интеграции; достижение высокого уровня владения государственным русским языком – языком коммуникации многонационального народа России.

Представляется целесообразным:

- повысить эффективность преподавания национальных языков и культур в общеобразовательных школах республик, качество методической базы преподавания, обеспеченность педагогическими кадрами, регулярно повышать их квалификацию;
- уделять особое внимание вопросам повышения уровня подготовки педагогических кадров, поощрять использование лучших традиций народной педагогики в целях воспитания толерантной личности, способной уважать мировоззрение, религию, национальность другого человека, а также формирования разумного сочетания различных уровней идентичности: этнической, религиозной, региональной, общероссийской;
- разработать и внедрить в систему образования всех ступеней программы и учебные материалы, воспитывающие подрастающее поколение в духе миролюбия, веротерпимости, неприязни ксенофобии, этнического и религиозного экстремизма;
- разработать методическое и педагогическое обеспечение для всех ступеней и форм образования по сравнительному изучению истории мировых религий и культуры народов России;
- усилить региональную ориентированность образования – подготовку специалистов двойного профиля: национальной и русской филологии, национальных и иностранных языков;
- повысить воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов воспитания патриотизма, преодоления национальной и религиозной замкнутости и превосходства;
- усилить роль общеобразовательной школы в укреплении дружбы народов, патриотическом и гражданском воспитании, так как именно на этом уровне социализации личности в сознании учеников закладываются поведенческие установки, влияющие на их дальнейшее поведение, в том числе на толерантное отношение к окружающим;
- признать важным обновление ресурсов, форм и механизмов удовлетворения потребностей учащихся и студентов в углубленном изучении русского языка в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях;

- разрабатывать и внедрять целевые программы привлечения в систему образования отдельных субъектов РФ квалифицированных специалистов, прежде всего по русскому и иностранным языкам, с предоставлением жилищных и иных льгот;
- организовывать открытые площадки для обсуждения и согласования языковых интересов различных групп населения – от коренных и титульных народов до диаспорных сообществ – с участием политиков, управленцев, этнических активистов, экспертов, СМИ.

Языковая норма в эргономиконе г. Казани

А.Р. Исмагилова

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
Казанский федеральный университет, Казань,
Россия, aismagil@kpfu.ru*

М.И. Солнышкина

*доктор филологических наук, профессор
Казанский федеральный университет, Казань,
Россия, mesoln@yandex.ru*

Э.В. Гафиятова

*доктор филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет, Казань,
Россия, rg-777@yandex.ru*

М.Б. Казачкова

*кандидат филологических наук, доцент
МГИМО (университет), Москва, Россия,
MBKazachkova@yandex.ru*

Аннотация. В статье предложена классификация способов образования эргонимов г. Казани. На материале более 700 эргонимов, собранных в период с 2014 по 2018 г., показаны основные тенденции изменения графической составляющей лингвистического ландшафта современного города. Сделан вывод о том, что преимущественное использование иноязычных элементов для привлечения внимания целевой аудитории ведет к изменению языковых норм.

Ключевые слова: способы образования, эргоним, г. Казань, языковая норма

Language norm in the ergonomics of Kazan

Aliya R. Ismagilova

*Cand. of Sci. (Philology), senior lecturer
Kazan Federal University, Kazan, Russia, aismagil@kpfu.ru*

Marina I. Solnyshkina

*Dr. of Sci. (Philology), professor
Kazan Federal University, Kazan, Russia, mesoln@yandex.ru*

El`zara V. Gafiyatova

*Dr. of Sci. (Philology), associate professor
Kazan Federal University, Kazan, Russia, rg-777@yandex.ru*

Maria B. Kazachkova

*Cand. of Sci. (Philology), associate professor
MGIMO (University), Moscow, Russia, MBKazachkova@yandex.ru*

Abstract. The article proposes the classification of ways of education of ergonomics in Kazan. The material of more than 700 ergonims collected between 2014 and 2018 shows the main trends of changing the graphic component of the linguistic landscape of the modern city. It is concluded that the preferential use of foreign-language elements to attract the attention of the target audience leads to a change in language norms.

Keywords: ways of education, ergonomics, Kazan, language norm

Современный эргономикон большого города – хороший полигон для исследования изменений не только в языке, но и норме языка как «образце единообразного, общепризнанного употребления элементов языка (слов, словосочетаний, предложений)» [Руднева 2013, с. 198]. Признавая, что норма направлена на сохранение языковых средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями [Литвинов 2013], укажем также, что норма не остается статичной, норма подвижна, а каждый исторический вариант имеет собственные формы и новые смыслы. Известно, что нормы поддерживаются общественно-речевой практикой посредством художественной литературы, сценической речи и радиовещания. Однако на сегодняшний день не всякое литературное произведение или радиопрограмма может служить образцом нормативного употребления языка, так как сфера строгого следования нормам языка значительно сузилась. По мнению В.А. Литвинова, «литературный

язык в современном мире заметно меняет свой статус. Норма становится менее жесткой, допускающей вариативность. Поэтому норма сегодня – это часто не столько запрет на что-то, а возможность выбора, и литературный язык легко впитывает в себя прежде запретные средства языкового выражения» [Литвинов 2013]. На изменения языковой нормы большое влияние оказывают средства массовой информации, которые охватывают большое число населения разных возрастных и социальных групп. Такое влияние на средства массовой информации оказывает процесс глобализации, который способствует вторжению большого числа иноязычных слов и в другие сферы жизнедеятельности человека. Средства массовой информации перенимают формат западных телепрограмм, а также в телеэфире или печатных публикациях активно используются иноязычные заимствования, жаргонизмы, просторечие и даже бранная лексика для усиления экспрессии и авторского отношения к той или иной ситуации. Немаловажную роль в изменении языковых норм играют современные информационные технологии, которые меняют не только языковые нормы, но и способы употребления языковых норм. Многообразные знаковые формы коммуникации (аббревиатуры, акронимы, эмодзи) становятся заметной особенностью в лингвистике и связаны с комбинацией слов и изображений для передачи информации [Мифтахова 2012].

В эргонимиконе полиэтнических городов отклонения от языковой нормы создаются с целью достижения различных эффектов, таких как комичность, экспрессивность и т. д. При этом отклонения реализуются орфографически, графически, морфологически и синтаксически. Например, активное совмещение латиницы и кириллицы направлено на привлечение внимания молодежной аудитории к городским объектам [Крылов 2015]. Орфографическая интерференция как одно из средств отклонения от языковой нормы направлена на охват как можно большего количества потенциальных клиентов. Например, в случае с татарским языком в г. Казани происходит замена татарских букв русскими (Ашхана – Ашханә, Байрам – Бәйрәм) [Ампилова 2011, с. 68].

Значительные изменения нормы наблюдаются в современном эргономиконе г. Казани. Авторский корпус эргономикона современной Казани, собранный в период с 2014 по 2018 г., имеет в своем составе наименования, референтами которых являются следующие объекты: магазины (325), организации общественного питания (170), медицинские учреждения (98) и объекты деловой сферы (97). Среди эргонимов г. Казани наибольшее количество иностранной лексики встречается в наименованиях коммерческих объектов (203), в особенности в наименованиях магазинов (61),

объектов в сфере общественного питания (56) и туристской отрасли (39). Отсутствие каких-либо ограничений в Законе о языках Республики Татарстан при номинации коммерческих учреждений на иностранных языках привело к тому, что количество иноязычных номинаций (223) в эргономиконе г. Казани превышает количество наименований объектов на татарском языке (114). Многоязычие г. Казани, интенсивность языковых контактов, а также языковая политика Республики Татарстан, нацеленная не только на сохранение и развитие языков народов Российской Федерации, но и на активные международные контакты, способствовали формированию мультилингвального и мультиграфемного эргономикона в Казани. При этом наиболее характерными функциями для эргономикона Казани являются информативная, рекламная, мемориальная и аттрактивная функции [Ismagilova et al. 2011, с. 93–95, 7, с. 150–156].

При образовании современных эргонимов г. Казани наиболее продуктивным способом остается словосложение, в результате которого компоненты эргонима объединяются посредством либо сращения (Ситистрой, магазин, Sportline, магазин), либо интерфикса (Евросеть, магазин, Евромебель, магазин). На втором месте по продуктивности – аббревиация, реализуемая в инициальных аббревиатурах (СПБ, кафе, МТС, магазин, KFC, кафе, ГУМ, магазин, DNS, магазин), синтаксически усложненных инициальных аббревиатурах (KFCexpress, кафе, БКС Премьер, финансовая компания), также в слоговых аббревиатурах (Татфондбанк, Татарский фондовый банк, Сбербанк). Велика доля усечений: Абсолют банк, стоматология Dental, Алэз фарм (аптека). Семантический способ слово- и фразообразования реализуется в метафорической онимизации (Роза Любви, свадебный салон, Лавка Чудес, магазин подарков, Вернисаж ремесел, магазин, Добрая столовая) и метонимической онимизации (MeatHouse, кафе, Дом книги, магазин).

Эргономикон города имеет ряд прямых заимствований из иностранных языков: английского (161: Lady and gentleman city, магазин, LifeStyle, магазин); итальянского (24: Pronto, кафе, Pesto, кафе, Капричио, магазин, Лавори, магазин, Брависсимо, магазин); французского (15: Rue de la moda, магазин, Porte у Luce, магазин); испанского (13: Fiesta, праздничное агентство, Амбиенте, кафе, Альгамбра, магазин, Мирра, магазин, Эль Дорадо, магазин, Бонито, кафе); арабского (3: Аль Араби, кафе); греческого (2: Mouzenidiz travel, туристическое агентство, Моузэнидис Трэвел, туристическое агентство); турецкого (1: Кебаб сити, кафе).

Высок процент контаминированных единиц: их общее количество выросло за последние 5 лет с 12% в эргономиконе 2011 г. до 28% в 2017 г. [8, с. 54–57]. Например, Импер – I – я, Хороshow,

Двернофф, Вірсинг, СПБ, Вір зал, Тинькофф, Веелож, ПерцоV, ГорожанИн, АвтОКузоff, Иномаркофф, Росбанк societe generale group, Kamaz вэкиллеге, Представительство Kamaz, Шалапин Kazan Palace Hotel, Tesla партнёр, Tour люкс туризм, Аризона tattoo, Лайма star, VHR межрегиональная регистрационная компания, Fug трэвел, Сушилар, Сушилар и пицца, Vetclub.

Ряд эргонимов характеризуем как неоднозначные, поскольку различные категории носителей языка могут воспринимать их по-разному, в зависимости от возраста и степени владения иностранными языками. Например, эргоним «Хорoshow» можно рассматривать как результат словосложения русского и английского слов «Хорошее Шоу (show)», а также как «HorrorShow» (Ужастик, ужасное шоу), образованное от транслитерированного усеченного до Horror (ужас) и show (зрелище). Эргоним «Сушилар» является результатом контаминации японского слова «суши», которое активно функционирует в современном русском дискурсе, и окончания множественного числа татарского языка-лар. Значение данного эргонима «Сушилар» может быть ясным для потребителей, которые владеют обоими языками: русским и татарским. Однако для многих потенциальных клиентов, не владеющих одним из языков, данное слово может оказаться непонятным.

Существует ряд эргонимов, потенциально имеющих способность стать причиной отклонений от языковой нормы. Например, эргоним «Веелога» и его транслитерированный вариант «Биирлога» использованы на вывеске одного из баров в центре г. Казани. Использование такого рода транслитерации может способствовать появлению ошибок при написании слова «берлога».

Язык на любом этапе своего развития требует наличия языковой нормы как инструмента, необходимого для формирования языковой культуры и интеллектуального развития этносов. Формирование нормы языка – это необходимое условие для сохранения национальной идентичности и функционирования языка в разных областях жизнедеятельности с учетом его норм. Интеграция языков, их взаимовлияние и обогащение стирают национальные рамки города, а распространение иноязычной лексики в номинации городских объектов свидетельствует об изменении культурных и языковых предпочтений жителей города. Повышенный интерес к изучению восточных языков (в особенности к китайскому и арабскому), активное экономическое, технологическое, культурное и социальное развитие восточных стран приводят к активной интеграции западных и восточных реалий в целом, что не может не отразиться и на отдельных эргонимах.

Литература

- Ампилова 2011 – *Ампилова Р.М.* Татарская эргонимия города Казани: дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Казань, 2011.
- Крылов 2015 – *Крылов Ю.В.* Нарушение норм языка в рекламном дискурсе (прием и антиприем). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-norm-yazyka-v-reklamnom-diskurse-priem-i-antipriem>
- Литвинов 2013 – *Литвинов В.А.* Исторический характер лингвистической нормы. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-harakter-lingvisticheskoy-normy>
- Мифтахова 2012 – *Мифтахова Р.Г.* Влияние информационных технологий на развитие лингвистических норм. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-razvitie-lingvisticheskikh-norm>
- Руднева 2013 – *Руднева А.В.* Русский язык. – М.: Эксмо, 2013. – 224 с.
- Солнышкина и др. 2015 – *Солнышкина М.И., Шигапова Ф.Ф., Габдрахманова Р.Р.* Лингвистические маркеры этнолингвистической и профессиональной идентичности // *Филология и культура*. 2015. № 4 (42). С. 150–156.
- Солнышкина, Исмагилова 2017 – *Солнышкина М.И., Исмагилова А.Р.* Топонимы и антропонимы в эргономиконе г. Казани // *Вестник Вятского государственного университета*. 2017. № 8. С. 54–57.
- Ismagilova et al. 2011. – *Ismagilova A.R., Solnyshkina M.I.* Ergonyms as an integral part of city toponymy: the case of Kazan // *A.R. Ismagilova, M.I. Solnyshkina*. В сборнике: *Обучая, вдохновляя: к новым высотам педагогического мастерства: Материалы XXI международной конференции национального объединения преподавателей английского языка в России.* – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2015. С. 93–95.

Особенности речетворчества в православных медиатекстах

А.С. Макарова

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического
университета, aleste_63@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей речетворчества в контексте медиадискурса. Анализ особенностей дискурсивных практик православной языковой личности проводится с учетом трех аспектов – коммуникативно-прагматического, стилистического и культурологического. Как показывает анализ медиадискурса священника, использование разных фразеоресурсов национального языка – явление, свойственное медиадискурсу в целом и религиозному в частности.

Ключевые слова: религиозный медиадискурс, медийная православная языковая личность, речетворчество, интертекстуальность

Features of speech-making in Orthodox media texts

Alexandra S. Makarova

*Orthodox St. Tikhon Humanities University
Moscow Polytechnic University Graduate School of Press
and Media Industry, aleste_63@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the peculiarities of speechmaking in the context of media discourse. The analysis of the peculiarities of discursive practices of the Orthodox language personality is carried out taking into account three aspects – communicative-pragmatic, stylistic and cultural. As the analysis of the priest's media discourse shows, the use of different phraseresources of the national language is a phenomenon characteristic of media discourse in general, and religious in particular.

Keywords: religious media discourse, media Orthodox language personality, speech, intertextuality

Введение и постановка проблемы

Изменения, произошедшие в жизни российского общества, коснулись не только средств связи, но и векторов научной мысли, в частности сферы лингвистических изысканий. Появление Интернета значительно изменило стандарты коммуникации, что проявляется в установке на нахождение немедленного ответа или отклика, а также в возможности прямого доступа к любой информации без усилий и личного духовного труда. «Благодаря активно развивающимся массмедийным технологиям становятся подвижными и проницаемыми границы хранящегося в культуре знания» [Полонский 2012, с. 183].

Сегодня религиозный дискурс занимает особую нишу в современной дискурсологии и, как отмечают лингвисты, исследования данного институционального дискурса в разных областях гуманитаристики постоянно растут. Религиозность современной русской языковой личности формировалась под влиянием сложных и неоднозначных исторических процессов, среди которых можно выделить особую духовность русского человека, родившуюся из тесной связи с христианством, в основе которого лежит идея о высших ценностях. Таким образом, вопрос изучения современной медийной религиозной личности является актуальным, так как дает возможность проследить способы формирования данного типа языковой личности через призму лексико-фразеологической, когнитивной и лингвопрагматической структуры ее речетворчества.

Статья посвящена особенностям речетворчества медийной религиозной личности, потому что религиозный дискурс активно развивается в медиасреде, где ключевые позиции сохраняет Интернет. Являясь симбиозом языковых личностей, медийная религиозная (православная) языковая личность обладает характерной чертой – интертекстуальностью, которую отличает особая прецедентность в отношении самого понятия прецедентности. Развивая идеи Ю. Кристевой и Н. Пьеге-Гро, мы рассматриваем «интертекстуальность как абсолютную силу, действующую в любом тексте, какова бы ни была его природа» [Пьеге-Гро 2008, с. 51]. Речь идет об отношениях, «которые могут приобретать конкретную форму цитаты, пародии, аллюзии или выступать в виде точечных и малозаметных пересечений, но также связи между двумя текстами» [Макарова 2018, с. 145].

Медийная православная языковая личность проявляется как многоуровневое и многогранное явление, сочетающее в себе как языковые, социальные, культурные, исторические, так и индивидуальные личностные аспекты. По мнению Л.В. Уховой, «первой

задачей исследователя должно стать обнаружение в дискурсе языковой личности особенных, присущих только ей речевых форм и способов речевого поведения. Такая постановка проблемы требует сплошного обследования свода текстов личности с целью выявить наиболее характерные для нее приемы текстообразования, ее языковые предпочтения и “речевые доминанты” [Ухова 2016, с. 68]. Как правило, индивидуальная языковая картина мира религиозной языковой личности сочетает две концепции мироздания и мироустройства: теоцентрическую (православие – христотцентрично) и антропоцентрическую.

В связи с этим цель исследования – анализ особенностей дискурсивных практик православной языковой личности (на примере речетворчества о. Артемия Владимировича) с учетом трех аспектов анализа – коммуникативно-прагматического, стилистического и культурологического.

Православная медийная личность является носителем православной культуры, поэтому в ее речетворчестве следует искать национально-культурные составляющие, помимо исторических, социально обусловленных и индивидуальных, которые актуализируются через интертекстуальность и прецедентные феномены.

Перейдем к анализу медиадискурса о. Артемия Владимировича в передаче «Прямая линия. Ответ священника» от 19.03.2018 на телеканале «Спас». Священник Артемий Владимирович является протоиереем Русской православной церкви, проповедником, педагогом, писателем, членом Союза писателей России, его отличает цельность духа, сила духовной мысли, открытость и доброжелательность по отношению к собеседнику (адресату), он обладает способностью различать истинное знание от ложного, говорит на красивом русском литературном языке, богатом лексическими и фразеологическими индексами, которые свидетельствуют о его принадлежности к священству, так как, по словам В.И. Карасика, фразеологические единицы, через которые происходит самовыражение говорящего, представляют интерес, ибо «подобные фразеологизмы тяготеют к личностно-ориентированным видам дискурса» [Карасик 2002, с. 24].

Программа «Прямая линия. Ответ священника» идет в прямом эфире, и это накладывает определенную ответственность на медийную персону, требует от нее подготовленности в сочетании с импровизацией. Более того, в подобной ситуации медийная языковая религиозная личность должна успешно оперировать навыками коммуникации с представителями различных социальных и возрастных групп, учитывать, что в прямой эфир может позвонить и атеист, и представитель другой конфессии, и сектант.

При анализе дискурсивных практик о. Артемия нам удалось выделить несколько тем, предложенных телеприхожанами (неологизм о. Артемия Владимирова): семейные ссоры, татуировки на теле, смерть близких, воспитание подростков, нерадение в вере и пр.

Вначале остановимся на вопросах, которые касаются христианского образа жизни, и проиллюстрируем их примерами. В данной ситуации [Владимиров 2016] о. Артемий дает советы, облекая их в яркую экспрессивную форму, свойственную его речетворчеству.

1) Исповедь и причастие:

Лететь. Давай, брат, пора, туда, где гуляет лишь ветер да я (трансформированная цитата «Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..», восходящая к стихотворению А.С. Пушкина «Узник»);

Целая сага о Форсайтах: жизнь прожить – не поле перейти (эксплицированное название романа Джона Голсуорси и паремия);

Человек сегодня в грехах как в шелках (использование поговорки);

И превратитесь вы в Дюймовочку или в Белоснежку и скажете: иль это снится мне? (аллюзия на сказку Андерсена «Дюймовочка» и сказку братьев Grimm «Белоснежка»);

Душа его (причастившегося человека – А. М.) *как лампадка сияет пред Богом* (образное сравнение);

Не нужно говорить за всю Одессу (об оправдании грехов. – А. М.) (восходит к известной советской песне «Шаланды, полные кефали...»).

2) Нерадение в вере:

Нет дыма без огня. Диагноз поставлен точно. На Бога надейся, сама же не плошай. Мудрый муж не согрешает дважды (автор поговорки о. Артемий), *а девушке и одного раза достаточно, чтобы, обжегшись на молоке, красной линией не переступить* (нанизывание нескольких паремий и геодезического термина *красная линия*, употребляемого очень широко, создает насыщенный фразеологический контекст).

3) Добрые дела:

Добрые дела – потребность нашей души, как костер в тумане светит, искры гаснут на ветру. Не горит без хвороста (восходит к народной песне «Мой костер в тумане светит» на слова Якова Полонского).

Теперь представим темы, отражающие проблемы повседневной жизни человека.

4) Семейные ссоры:

Не отвечать ответным вербальным огнем (авторская метафора); здесь присутствует тавтология, что объясняется форматом передачи (прямой эфир);

Сожаление, что муженек не успел произойти от обезьяны (двойная ирония и аллюзия на научную гипотезу Ч. Дарвина).

5) Мат и татуировки на теле:

Те (демоны. – А. М.) *так и вьются. Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя над человеком, который сдуру насадил на себя всякие тату-изображения* (восходит к стихотворению А.С. Пушкина «Зимний вечер»);

Купола на груди... Можно по кумполу от Архангела Михаила монтировкой получить (ирония в результате смешения стилистических регистров и употребления возвышенного прецедентного имени с фразеологизмом просторечной окраски *дать по кумполу*);

Привычка произносить черное слово вместо красного (использование эвфемизмов).

6) Смерть близких:

Это тонкая, деликатная ситуация (как сказать больному отцу о смерти сына. – А. М.). *Где тонко, там и рвется* (паремия).

7) Деликатность священников:

Священник – это не мясник, а нейрохирург в духовных делах (авторская метафора);

Мы должны знать, как слово наше отзовется (восходит к стихотворению Ф. Тютчева «Нам не дано предугадать...»).

8) О подростках:

Если ребенок тянется к чему-то светлomu, а чем дальше в лес, тем больше дров (паремия).

9) Современные театральные постановки:

В театральной среде такое растление, что ни в сказке сказать, ни пером описать (народно-поэтический оборот);

Постановки МХТ не то, что ниже среднего, а Содом и Гоморра материализованная (метафора, построенная при помощи прецедентных библейских топонимов).

Для медийного речетворчества о. Артемия характерны открытые авторские размышления и чувства. Отвечая на вопросы аудитории, он успешно совмещает две противоположности: земное

и небесное. Будучи филологом по образованию, священник представляет собой высокоразвитую языковую личность, которая «не только выбирает подъязык и строит или понимает речевое произведение на нем, но и способна строить текст со смешением подъязыков (и их стилей) в той мере, в какой подъязыки допустимы в тексте при общении с людьми, постоянно пользующимися не всеми этими подъязыками» [Богин 1984, с. 12–13].

Все прецедентные феномены отражают волнующие телеприхожан проблемы. Исползованные прецедентные имена выступают в качестве комментария, совета, наставления и чаще используются в трансформированном виде, который содержит иронию. Приемы трансформации интертекста объясняются прямым эфиром телепередачи, так как у о. Артемия нет времени на обдумывание ответа, потому его речь спонтанна и полна импровизации. Как показывает анализ медиадискурса священника, использование разных фразеоресурсов национального языка – явление, свойственное медиадискурсу в целом и религиозному в частности. При этом интертекстемы и прецедентные феномены «вводятся в текст как полностью, так и в трансформированном виде, с заменой компонентов и т. п.» [Ломакина, Макарова 2013, с. 55].

Православная медиаперсона стоит перед очень сложной, а порой невыполнимой задачей – быть современным, т. е. быть на одной волне с адресатом, быть прогрессивным и в то же время популяризировать традиционные ценности. Коммуникативная и прагматическая задачи православной медийной личности органично сочетают риторические навыки, знания речевых стилей, начитанность, глубокое знание Священного Писания, неравнодушие, христианскую любовь к человеку, что позволяет грамотно выстраивать стратегию речетворчества.

Литература

- Богин 1984 – *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 31 с.
- Владимиров 2016 – Владимирова А.В. В браке не бывает пустяков. Режим обращения: <https://pravoslavie.ru/95216.html>
- Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Ломакина, Макарова 2013 – *Ломакина О.В., Макарова А.С.* Особенности употребления крылатой единицы французского происхождения «медовый месяц» в современной российской публицистике (на материале Национального корпуса русского языка) // Ученые записки Петрозаводского государственного

университета № 7 (136). Т. 1. Ноябрь 2013. Общественные и гуманитарные науки. ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2013. С. 52–56.

- Макарова 2018 – *Макарова А.С.* Особенности интертекстуальности крылатых выражений французского происхождения // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казан. федер. ун-т, 14–17 окт. 2018 г.): В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 2. С. 145–149.
- Полонский 2012 – *Полонский А.В.* Православное слово: уроки стилистики современных массмедиа // Стилистика завтрашнего дня: Сб. статей к 80-летию проф. Григория Яковлевича Солганика. М.: МедиаМир, 2012. С. 183–200.
- Пьеге-Гро 2008 – *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова / Н. Пьеге-Гро. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
- Ухова 2016 – *Ухова Л.В.* Модель описания языковой личности медиаперсоны // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». Т. 2. № 1 (7). 2016. С. 65–71. DOI: 10.18413/2313-8912-2016-2-1-65-71.

Многоязычие Карелии

З.И. Минеева

*доктор филологических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, zmineeva@rambler.ru*

Аннотация. Языковое и этническое разнообразие Республики Карелия рассматривается в аспектах народонаселения, образования, языковой лояльности. Дается описание того, как финно-угорские языки представлены в Карелии в начале XXI в. Динамика народонаселения республики изменяет облик столицы и других населенных пунктов РК, однако интерес к изучению языков коренных малочисленных народов Карелии поддерживается руководством республики и обеспечивается на уровне дошкольного, школьного и вузовского уровней образования. К эффективным мерам по сохранению и развитию языков коренных народов РК относятся издательская деятельность, работа СМИ и общественных организаций, помогающих жителям столицы Карелии изучать финский и карельский языки.

Ключевые слова: языки коренных народов, финский, карельский, вепсский, языковая лояльность

Karelia's multilingualism

Zoya I. Mineeva

*Dr. of Sci. (Philology), associate professor
Petrozavodsky State University, Petrozavodsk,
Russia zmineeva@rambler.ru*

Abstract. The linguistic and ethnic diversity of the Republic of Karelia is seen in aspects of the population of education and linguistic loyalty. A description of how the Finn-Ugric languages are represented in Karelia at the beginning of the 21st century is given. The dynamics of the population of the republic changes the appearance of the capital and other settlements of Kazakhstan, but the interest in the study of the languages of the indigenous small peoples of Karelia is supported by the leadership of the republic and is provided at the level of preschool, school and university levels of education. Effective measures to preserve and develop indigenous languages include publishing, media and community organizations that help residents of the capital Karelia to learn Finnish and Karelian.

Keywords: Indigenous languages, Finnish, Karelian, Vepsian, language loyalty

Современная многонациональная Республика Карелия (РК), которая в 2020 г. отмечает свое 100-летие, является одним из субъектов РФ. Статус республики в силу государственной национальной политики в разные периоды развития государства изменялся от Карельской трудовой коммуны до РК. С 1940 по 1956 г. существовала Карело-Финская Советская Социалистическая республика в составе СССР, затем Карельская АССР – Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР) в составе РСФСР до момента распада СССР в 1991 г. При этом республика сохраняет многонациональную структуру населения и традиционное многоязычие. При Главе РК действует Совет представителей карелов, вепсов и финнов Республики Карелия, об этом уместно вспомнить в Международный год языков коренных народов.

Население. Коренное население Республики Карелия составляют карелы, финны, вепсы, русские. По данным последней переписи 2010 г., в Карелии русские составляют около 80% населения (507 654 человека), представители финно-угорских народов – около 9%, в том числе карелы – 7,4% (45 570 человек), финны – 1,4% (8577 человек), вепсы – 0,53% (3423 человека). Этнический состав республики отличается большим разнообразием: помимо коренного населения в Карелии живут белорусы, украинцы, татары, поляки, азербайджанцы, армяне, цыганы, чуваша, литовцы, узбеки, мордва, немцы, молдаване, евреи, грузины, таджики, чеченцы, марийцы, удмурты, коми, латыши, башкиры, эстонцы, казахи, лезгины.

Финны приезжали в Карелию из Канады, Финляндии, привлеченные идеей построения справедливого общества. Ехали из Комсомольска-на-Амуре, со стройки, в финно-угорское пространство. Хорошо работали в самых разных областях и, конечно, в образовании. Финнов в настоящее время значительно меньше, чем в середине прошлого века, и финская речь звучит нечасто. По мнению Яны Жемойтелите, карельского финноязычного писателя, «финский язык в Карелии накрылся медным тазом, и это мало кого волнует»; так она сказала на встрече с читателями в национальной библиотеке РК. Однако конкурс при приеме в университет на направление с финским языком год от года возрастает. Финский язык привлекает молодых людей, студентов, и не только тех, для кого финский язык – будущая профессия. Финский изучают в петрозаводском центре «Инициатива» студенты Институ-

та инженерных, горных и строительных наук, вместе с жителями города разных возрастов и профессий. В школах финский язык изучают как родной и как иностранный примерно в равных долях 50:50.

Вепсы, согласно данным последней переписи населения РФ 2010 г., насчитывают около 3,5 тыс. человек в РК (из 6 тыс. в РФ). Уникальность вепсского языка состоит также в том, что он включен в «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» и в «Атлас исчезающих языков мира как находящийся под угрозой исчезновения» (ЮНЕСКО). Исследователи пишут о том, что вепсский, в отличие от карельского или финского, используется только с переключением кодов *вепсский – русский*; говорящий в рамках одной фразы переходит с одного языка на другой, хотя в некоторых случаях трудно разграничить заимствование и переключение кодов [Новожилова 2006].

Карельский язык – титульный, он имеет три диалекта: южный ливвиковский, северный собственно карельский, а также людиковский, распространенный в Прионежье. На карельском языке говорит 15 тыс. жителей РК.

Государственный язык. В настоящее время государственным языком республики является русский, языки коренных малочисленных народов: карельский, финский и вепсский – имеют статус официальных языков. В пору существования Карело-Финской ССР и КАССР доля финского языка была значительной, де факто русский и финский выполняли функции государственных языков. Это ощущалось всеми жителями республики в повседневной жизни: все названия государственных учреждений имели вывески на русском и финском языках, так же как и названия улиц на домах. До настоящего времени сохранились финские названия станции Петрозаводск, со стороны перрона расположены параллельные названия *Петрозаводск* и *Petroskoj*. Название автостанции также дублируется на финском – *Autoasema*. Такое двуязычие придает особый колорит городу, жители которого привыкли видеть названия магазинов книжных (*Kirja*) и продуктовых (*Roukotovaraa*), центральной гостиницы «Северная» (*Pohjola*), названия кинотеатров «Сампо» и «Калевала», связанных с карело-финским эпосом «Калевала». О том, что это проявление исторически сложившегося билингвизма привлекает и продолжает волновать горожан, свидетельствует следующий факт: Анна Гриневиц заняла призовое место во Всероссийском конкурсе «СМИПротворец», проводимом Федеральным агентством по делам национальностей в рамках госпрограммы «Реализация государственной национальной политики» при поддержке Гильдии межэтнической журналистики, представив проект «Двуязычные вывески». Не утихают

дискуссии относительно придания карельскому языку статуса государственного, однако два фактора – латинская графическая система и отсутствие общего наддиалектного языка – существенно осложняют положительное решение данной проблемы. Латинская графика сближает финский, карельский и вепсский языки с другими финно-угорскими языками.

Национальный колорит ощущается в названиях населенных пунктов: наряду с русскими (Петрозаводск, Беломорск, Медвежьегорск) имеются финно-угорские (Сортавала, Суоярви, Лахденпохья, Кондопога, Питкяранта, Койвусельга, Лоухи, Вяртсиля и др.), исследования по топонимике проводятся ведущими учеными КарНЦ РАН. Названия городов, население которых говорит по-русски, «обрусели», в них поменялось ударение (Сортавала вместо первоначального Сórтавала), обрели склонение («температура в Сортавале», «приехал из Сортавалы»), однако эта новая русифицированная норма принята не всеми, и от студентов (нефиннов) можно слышать «я из Сортавала», «я родился в Сортавала». В Олонецком районе появились дорожные указатели на карельском языке, однако на федеральных трассах их устанавливать нельзя.

Образование. Изучение финно-угорских языков осуществляется в РК на разных уровнях: в дошкольных учреждениях, в начальной, средней и высшей школе.

Дошкольное обучение. В 25 детских садах более тысячи детей (1075) учат финский, карельский и вепсский языки под руководством 47 педагогов-воспитателей. Важным событием для Карелии стало то, что воспитатель финно-угорского детского сада № 20 «Лумикелло» из Петрозаводска Ольга Анатольевна Иванова стала победителем XIII Всероссийского мастер-класса учителей родных языков, который проходил в ноябре 2019 г. в Москве.

Школьное обучение. В текущем учебном году 6833 школьника изучают языки коренных малочисленных народов: 2166 – карельский язык, 266 – вепсский и 4399 – финский. Их обучают 39, 5 и 51 учитель соответственно. В средней школе им. Элиаса Леннрота в Петрозаводске есть классы финского, карельского и вепсского языков.

В настоящее время в колледжах трех городов РК – Петрозаводска, Сегежи и Сортавалы – изучают финский язык 70 человек.

В Институте филологии Петрозаводского государственного университета в рамках направления подготовки «Филология» бакалавриата имеются 3 профиля: 1) финский язык и литература, английский язык; 2) финский язык и литература, карельский язык; 3) финский язык и литература, вепсский язык, на которых в 2019/2020 уч. г. обучаются соответственно 31, 23 и 18

студентов – всего 72. Бакалавриат четырехлетний, его выпускники получают квалификацию «Бакалавр филологии», а профиль подготовки указывается в приложении к диплому. Выпускники бакалавриата поступают в магистратуру на двухлетнюю программу. Сейчас на 1-м курсе магистратуры учатся Татьяна Макарова и Анна Туркина. Надо отметить, что руководство РК проявляет заинтересованность в успешной подготовке специалистов по финно-угроведению с высшим образованием; в период сдачи вступительных экзаменов министр национальной и региональной политики РК Сергей Викторович Киселев приходит в ПетрГУ, чтобы получить информацию из первых рук о ходе приемной кампании и конкурсе на направления кафедры прибалтийско-финской филологии. Он побеседовал с А. Туркиной, энтузиасткой изучения родного языка: «Мои родители, бабушки, дедушки говорят на карельском языке, поэтому я хочу продолжать изучать язык, культуру, традиции. Для этого в Петрозаводском государственном университете есть много возможностей. Например, есть возможность побывать в районах и поговорить с носителями языка, а также ездить на семинары, заниматься переводами», – и пригласил ее на стажировку в министерство. Наиболее успешные в изучении финно-угорских языков студенты ПетрГУ получают премии – четыре стипендии министерства по 15 тыс. руб. Языковая политика включает эффективный компонент – политику предпочтений. Карельский, помимо образовательных учреждений, изучают в Центре национальных культур Петрозаводска.

В Петрозаводском государственном университете на высоком уровне организовано изучение финского языка. В пору существования Советского Союза на историко-филологическом факультете традиционно учились филологи – специалисты по русскому языку и литературе и специалисты по финно-угроведению. Затем несколько лет существовал отдельный факультет прибалтийско-финской филологии и культуры. В связи со структурными изменениями в настоящее время кафедра прибалтийско-финской филологии входит в состав Института филологии. Студенты, обучающиеся по программе бакалавриата, изучают финский язык, а также карельский и/или вепсский языки. По окончании бакалавриата выпускники поступают в магистратуру.

В Карельском государственном педагогическом университете в 1990–2000-х гг. осуществлялся прием на дошкольный факультет и факультет начального образования в группы с углубленным изучением карельского и вепсского языков в качестве специализации. Выпускники этих факультетов получали диплом учителя начальных классов и учителя карельского или вепсского языка. Обучение проходило под руководством специалистов, энтузиастом

продвижения языков коренных народов Карелии была Людмила Федоровна Маркьянова, которая выпускала учебники ливвиковского диалекта, терминологические словари, организовывала семинары для учителей карельского языка. После объединения Карельского государственного педагогического университета и Петрозаводского государственного университета Институт педагогики и психологии ПетрГУ возобновил подготовку специалистов по направлению «Педагогическое образование» (профиль «Начальное образование и родной (карельский) язык»).

Теоретическую основу финно-угроведения заложил член-корреспондент АН СССР, профессор Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949). Его ученики и последователи, которые работают в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН и в Петрозаводском государственном университете, продолжают исследования финского, карельского и вепсского языков, результаты исследований обсуждаются на научных конференциях; так, в 2016 г. состоялись «Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Важным этапом развития финно-угроведения является становление карельской научной исследовательской школы, основы которой заложены в трудах Д. В. Бубриха. Одна из первых аспиранток Бубриха, В.С. Суханова, стала доцентом ПетрГУ и руководила научной работой многих студентов, которые стали специалистами высокого профессионального уровня. Ирма Ивановна Муллонен, второй после Д.В. Бубриха член-корреспондент РАН из Карелии, – талантливая студентка В.С. Сухановой.

Удачной и перспективной в аспекте сохранения и развития родного языка и распространения активного билингвизма в Карелии специалисты считают программу «Языковые гнезда», которая привлекает детей начиная с детского сада и является частью большого проекта «Карельский дом» в Ведлозере.

Национальное медиапространство. В Карелии издаются еженедельные газеты на финском («Karjalan Sanomat» – «Карельская газета»), карельском («Oma Mua» – «Родная земля») языках и ежemesячная газета на двух языках одновременно – вепсском и русском («Kodima» – «Родная земля»). Эта газета на вепсском языке, первым редактором которой в 1993 г. была известный специалист в области вепсологии Нина Григорьевна Зайцева, – уникальное, единственное в мире издание. Более 90 лет издаются финноязычный журнал «Carelia» («Карелия»), детский журнал на карельском, вепсском и финском языках «Kipinä» («Искра»). На радио (Радио России. Карелия) и телевидении (ГТРК) ведется вещание «на национальных языках» (так принято называть языки коренных малочисленных народов) – таким образом осуществля-

ется взаимодействие языков в медийном пространстве республики. По итогам ранее упоминавшегося конкурса «Смиротворец» информационное агентство «Республика» стало победителем за лучшее освещение в СМИ вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений, при этом высокую оценку получил проект «100 символов Карелии». С 2018 г. работает Ресурсный языковой медиационный центр карелов, вепсов и финнов Республики Карелия. Издательство «Периодика» способствует сохранению и развитию языков коренных народов Карелии.

Языковая лояльность (приверженность) – признание родным для себя языка своего этноса. Отмечается снижение языковой лояльности, в том числе у карел: «на протяжении жизни часть людей меняет свое отношение к этническому языку, причем все время происходит отказ от этнического языка как родного, снижение языковой лояльности» – с 43 до 36,6% за одно десятилетие в конце XX в. [Беликов 2001, с. 410–412]. Сегодня наблюдается межпоколенческий разрыв: этническим языком владеют бабушки и дедушки, родители русскоязычные, их дети изучают карельский как иностранный и не называют его родным. Родной язык – русский, на нем говорят родители.

Этническое и языковое разнообразие Карелии сейчас связывается, в том числе, с влиянием миграционных процессов. В школах Петрозаводска учатся дети, которые дома, в семье, говорят на родном (материнском) [Словарь 2006, с. 187] азербайджанском, армянском языке, а в школе – на русском. В ПетрГУ на подготовительном факультете в текущем учебном году учатся около 100 студентов из Анголы, Афганистана, Венесуэлы, Ганы, Египта, Замбии, Зимбабве, Йемена, Индии, Индонезии, Иордании, Китая, Колумбии, Мозамбика, Монголии, Намибии, Непала, Нигера, Нигерии, Перу, Сирии, Судана, Туркменистана, Финляндии, Экваториальной Гвинеи, Эритреи; в прошлом году также были студенты из Бразилии, Вьетнама, Турции, Узбекистана, Ирака, ЮАР, Ботсваны. В различных институтах учится почти 300 человек, для которых родными являются арабский, китайский и т. п. Для них русский язык – язык будущей специальности, который необходим для овладения профессией врача, инженера, учителя, журналиста. Иностранные студенты в процессе изучения русского языка имеют возможность разрабатывать свои темы и выступать на студенческой научной конференции. Например, Астьер Базилио де Сильва Лима в 2019 год сделал доклад «Диалог языков и культур», в котором остановился на вхождении в русский язык португальского слова *fazenda* после показа по российскому телевидению сериала «Рабыня Изаура» по роману бразильского писателя Бернардо Гимарайнша. Интересным стало сопоставление

семантики и особенностей употребления слов в русском и португальском языках. Будущие врачи, талантливые и успешные студенты, изучают новую медицинскую лексику в русском языке и знакомят с ней слушателей; можно отметить некоторые темы выступлений: «Универбация в образовании медицинской терминологии» (Мунхсолонго Чинзурх, Монголия), «Неологизмы с компонентом “зависимость” в русском языке» (Умар Юлдашов, Туркменистан) и др.

Русский язык объединяет людей разных этносов, которые живут в Карелии. Мы наблюдаем толерантное, уважительное отношение к представителям разных этносов в республике. Ученые-лингвисты, оценивая реализацию национальной политики в РФ, считают необходимым принятие срочных мер «не только по сохранению и ревитализации языков народов РФ, но и улучшения положения дел с русским языком» [Головко 2015, с. 173]. Специалисты бьют тревогу в связи с сокращением часов на изучение русского языка и литературы, сокращением бюджетных мест на филологические специальности вузов. Развитие языков РФ происходит в тесном взаимодействии, обусловленном культурно-историческими связями народов, в течение веков проживающих на одной территории.

Литература

- Беликов 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М., 2001. 439 с.
- Головко 2015 – *Головко В.Е.* Современная социоллингвистическая ситуация в Российской Федерации и особенности реализации языковой политики // Всероссийский семинар-совещание «Языковая политика в сфере образования: инструмент формирования общероссийской гражданской идентичности»: Сб. материалов. М.: НФ международных интеграционных технологий, 2015. 436 с.
- Новожилова 2006 – *Новожилова Е.М.* Переключение кодов в речи современных носителей вепсского языка // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 135–164.
- Словарь 2006 – *Словарь социоллингвистических терминов.* М., 2006. 312 с.

Языковая политика
по защите миноритарных языков
в Европе и в Италии:
проблемы, проекты, решения

М. Перотто

*доцент, Болонский университет, Болонья, Италия,
monica.perotto@unibo.it*

Аннотация. В последние десятилетия стратегия развития программ и политики по защите европейского мультилингвизма свидетельствует о растущем внимании к языковым вопросам мультиэтнического Европейского сообщества. Данный путь оказался сложным для реализации как в сфере расширения функций употребления языков, так и в сфере образования. Настоящая статья посвящена анализу некоторых программ и норм, действующих в Европе и, в частности, в Италии, в области защиты миноритарных языков (МЯ). Спустя 20 лет после принятия главного закона № 482, «Нормы по делам защиты исторических миноритарных языков»¹, положившего начало процессу поддержки и развития языков меньшинств в Италии, уже можно подвести первые итоги и выявить остающиеся по сей день критические аспекты языковой политики нашей страны.

Ключевые слова: мультилингвизм, языковая политика, языковая политика Европейского сообщества, официальный язык, миноритарный язык, language planning, status planning

Minority Language policy
in Europe and in Italy:
problems, plans and solutions

Monica Perotto

*Associate professor
University of Bologna, Bologna, Italy, monica.perotto@unibo.it*

Abstract. In the last decades EU language policy legislation in support of minority languages promotes multilingualism with several new dispositions and programs. The European charter affirms that “the protection of the historical regional or minority languages of Europe, some of which are in danger

of eventual extinction, contributes to the maintenance and development of Europe's cultural wealth and traditions". In the paper we present the Italian effort to implement these new programs and specific Italian laws in the difficult Italian diglossic situation, where among all the varieties of minority languages, only some of them received the proper support.

Keywords: Multilingualism, Language policy, EU language policy, Language planning, Status Planning, Official language, Minority language legislation, Minority languages in the school

Общие аспекты и линии языковой политики в Европе и в Италии в сфере защиты миноритарных языков

С начала 90-х гг., точнее с 5 ноября 1992 г., когда была принята *Европейская Хартия региональных языков или языковых меньшинств*, многие европейские страны старались развивать новую языковую политику, учитывающую необходимость развития своих национальных языков для закрепления социальной когезии и социального роста страны².

Европейская многоязычная картина представлена в своих 28 государствах-членах тремя алфавитами и 24 официальными языками. Тем не менее в языковой сфере, и особенно в сфере образования, знаменитый европейский девиз «Единство в многообразии» (*United in diversity*) с самого начала испытывал некоторые трудности в реализации. Несмотря на то что в преамбуле Хартии подчеркивается центральная роль «строительства Европы, основанной на принципах демократии и культурного разнообразия», лишь в некоторых ратифицировавших ее государствах официальный равноправный статус получило сразу несколько языков³. Речь идет, в частности, о Швейцарии (4 языка: немецкий, французский, итальянский, ретороманский), Кипре (2 языка: греческий, турецкий), Финляндии (2 языка: финский, шведский). Италия и РФ подписали Хартию соответственно в 2000 и 2001 гг., но до сих пор не ратифицировали ее.

Разница между второй (*Цели и принципы Хартии*) и третьей (*Меры, содействующие использованию региональных языков или язы-*

² Полный текст на русском языке см.: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098>

³ Другие, как, например, Испания, Словения и Нидерланды, признают некоторые официальные языки только на региональном уровне. Бельгия, в которой действуют три официальных языка, не подписала и не ратифицировала Хартию.

ков меньшинств в общественной жизни) частями документа определила судьбу региональных миноритарных языков МЯ). В странах, ратифицировавших Хартию, программы и инициативы по защите этих языков стали обязательными, в то время как в государствах, которые лишь подписали Хартию, не ратифицируя ее, все мероприятия, способствующие распространению и употреблению МЯ, остались лишь на бумаге, в виде совета, рекомендации.

Особенно критичной является ситуация с применением равной или, как ее еще называют, «интегральной» языковой политикой [Carli 2004, с. 60] в сфере образования.

Обеспечение гарантии образования не только на официальном языке страны, но и на МЯ стало главным объектом защиты. К сожалению, ст. 3 п. 1 Хартии требует от ратифицирующей страны определения списка защищаемых МЯ⁴, и уже в этом пункте возникает первый спорный элемент итальянской языковой политики: какие именно языки следует защищать? Так как итальянский является единственным официальным языком, действующим на всей территории Италии, какие языки являются действительно миноритарными: только языки исторических меньшинств или также диалекты? Ведь эти последние – настоящие региональные языки, которые в некоторых областях находятся на грани исчезновения из-за распространенной в Италии лингвистической диглоссии: итальянский доминирует как «высокий» вариант, в то время как местные говоры, диалекты, независимо от их истории или типологической дистанции от итальянского, употребляются как «низкий» вариант. И что можно сказать о языках миграционных групп? В некоторых случаях количество говорящих на них значительно превышает количество членов исторических миноритарных групп.

В этом отношении Хартия (Часть 1.1. а) вводит главное противоречие:

«Региональные языки или языки меньшинств» означают языки, которые:

1. традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства; и

⁴ Статья 3 – Практические меры. 1. Каждое Договаривающееся государство определяет в своем документе о ратификации, принятии или одобрении каждый региональный язык или язык меньшинства либо официальный язык, который менее широко используется на всей или части его территории, к которым применяются пункты, отобранные в соответствии с пунктом 2 статьи 2.

2. отличаются от официального языка (языков) этого государства. Они не включают в себя ни диалекты официального языка (языков) этого государства, ни языки мигрантов.

При паритетной языковой политике защита предусматривалась бы для языков всех миноритарных групп граждан, поскольку языковое наследие любой национальной группы страны заслуживает одинакового внимания в поддержке и развитии культурных традиций. В Италии ограниченные экономические ресурсы не позволяли включить в список все языки, претендующие на статус миноритарных, как, например, диалекты и региональные говоры. Кроме того, следование принципам Хартии привело к тому, что под защиту попали только старые коренные МЯ, не близкородственные итальянскому. Из списка поэтому были исключены и языки тех миноритарных групп, которые имеют давнюю историческую традицию, но не являются ни коренными, ни территориально определенными, как, например, ромы и синти (статья 1с: «нетерриториальные языки»).

Для определения принципов выбора защищаемых языков и мер их продвижения 15 декабря 1999 г. в Италии был принят Закон № 482, в котором устанавливается, что Итальянская Республика защищает язык и культуру 12 исторических миноритарных групп: албанской, каталанской, немецкой, грик/греканской,⁵ хорватской, словенской, французской, окситанской, франко-провансальской, фриульской, ладинской, сардинской. Среди языков этих групп немецкий и французский являются официальными только на региональном уровне, соответственно в областях Трентино-Альто-Адидже и Валле д'Аоста. Данный перечень развивает принцип, уже сформулированный в ст. 6 Конституции Итальянской Республики, утверждающей «защиту МЯ специальными мерами»⁶.

Постановление, которое позволяет закону вступить в силу, было принято в 2001 г. при министерстве знаменитого итальянского лингвиста диалектолога Туллио Де Мауро, который незамедлительно приступил к разработке ряда инициатив, в том числе и *Плана действия и финансирования мер для реализации национальных и региональных проектов в области изучения языков и культур миноритарных групп* [Liesch 2018, с. 175]. В 2002 г. декретом Министерства образования (МО) была назначена группа специалистов для изучения приоритетных действий в сфере среднего образования и, главным образом, повышения квалифи-

⁵ Грик – миноритарный греческий язык Апулии, а греканский – вариант области Калабрии.

⁶ <https://www.quirinale.it/page/costituzione>

кации учителей МЯ. В этом и заключалась самая серьезная проблема: отсутствие квалифицированных двуязычных учителей, которые могли бы гарантировать миноритарной группе обучение на родном языке.

Возможность преподавания миноритарного языка как родного и программа преподавания некоторых предметов на иностранном языке (*CLIL*, Content Language Integrate Learning) подняли вопрос проверки лингвистических компетенций преподавателей и школьного персонала. Следуя рекомендациям Совета Европы, прописанным в документе от 15–16.03. 2002 [*Barcelona European Council 2002*]⁷, утверждающем необходимость раннего преподавания хотя бы двух языков в школе, в Италии продолжалась активная работа МО, и в 2003 г. был принят новый Закон, № 53, для определения общих норм в области образования и профессиональной квалификации⁸.

Как было указано в другой работе [Перотто 2016, с. 200], отсутствие мотивации к билингвизму со стороны итальянской группы отмечалось в исследовании, проведенном в 2014 г. в альпийской области Альто-Адидже. В этой области с 1961 г. для найма на работу все преподаватели и государственные служащие обязаны предоставить сертификат, подтверждающий их уровень двуязычия (так называемый *patentino*). 73% населения считают своим родным немецкий язык, хотя они говорят на австро-баварском диалекте (южно-тирольском варианте стандартного немецкого), а в школе преподается *Hochdeutsch*, поэтому итальянская группа оправдывает свой низкий уровень немецкого тем, что преподаваемый язык не соответствует диалекту, реально употребляемому во всех сферах жизни области. Многочисленные инициативы, проведенные органами власти в этой богатой автономной области, не привели к ожидаемому успеху в повышении двуязычной компетенции на социальном уровне. Две общины, немецкая и итальянская, живут довольно изолированно, и двуязычие осталось скорее потенциальным, внешним, чем реальным, индивидуальным. Специалисты называют данное явление «сепаративным билингвизмом» [Dell’Aquila, Iannaccaro 2004, с. 53].

В последние годы многочисленные декреты и постановления МО и итальянского государства пытались применять на практике

⁷ Barcelona European Council meeting, 15–16 March 2002, called for action “to improve the mastery of basic skills, in particular by teaching at least two foreign languages from a very early age”: https://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/barcelona_european_council.pdf

⁸ <https://archivio.pubblica.istruzione.it/normativa/2004/legge53.shtml>

рекомендации европейской языковой политики для закрепления новой, более профессиональной базы школьного многоязычия. После принятия в 2010 г. Европейской стратегии 2020 г. были утверждены нормы, способствующие сосуществованию, а не вытеснению МЯ, и разработаны проекты на национальном и региональном уровне. Благодаря принципу школьной автономии, стали регулярно выделяться дополнительные средства для повышения квалификации преподавателей в области методики преподавания МЯ. Далее посмотрим, какие конкретные меры были приняты в этой области.

Проекты и меры для развития миноритарных языков в Италии

Последняя резолюция Комитета Министров Совета Европы 2017 г. по контролю мер для защиты МЯ подтверждает необходимость немедленного исполнения принятых решений, чтобы гарантировать членам миноритарных групп доступ к СМИ и печати на МЯ, адекватное финансирование для распространения преподавания в школе их языков, повышения квалификации преподавателей и распространения необходимых материалов и учебных пособий.

Данная резолюция привела к многочисленным последствиям. Было разработано и предложено множество разных проектов, национальных и региональных, в первую очередь с целью финансирования мер в области так называемого *status planning* или *language planning*, т. е. стандартизации и кодификации МЯ. Приоритетной целью была стабилизация школьной картины преподавания языков: 1) для получения от МО кафедр преподавания этих языков не только *de facto*, но и *de jure*; 2) для определения унитарного и гомогенного для всех школ расписания, а также стабильной конфигурации кадров квалифицированного персонала [Maggocchi 2019]. Единственные стабильные кафедры со штатным персоналом имеются на словенском, французском и немецком – *Nochdeutsch* – языках, которые преподаются еще и как иностранные языки, в других случаях речь идет о «внекуррикулярных» (факультативных) курсах. Учителей нанимают, только если у них уже есть компетенции на МЯ. Новые кафедры только для преподавания этих языков не открываются. Количество штатных учителей указано в табл. 1 [Приложения]. В школах, где преподаются МЯ, количество часов, отведенных на их преподавание, может быть разным, как указано в табл. 2 [Приложения].

Специалисты, работающие в данной области, выражают тревогу, что при сложившейся ситуации МЯ могут рассматриваться лишь в качестве фольклорно-туристической составляющей региона, а не как средство закрепления идентичности и сохранения истории и культурных традиций проживающей в нем этнической группы.

Проекты чаще всего адресованы школьникам и студентам разного возраста и основываются на игровом подходе, на употреблении мультимедийных средств, стимулирующих интерес молодежи к родному языку и его употреблению. Результаты некоторых опытов последних лет были представлены 3–4 октября 2019 г. в семинаре “*Lingue di minoranza a scuola*” (МЯ в школе), проведенном в Поцца ди Фасса (область Трентино)⁹.

Среди этих проектов следует упомянуть те, которые направлены на кодификацию языка, или на развитие истории и бытовых традиций:

1. *Alfabetier Plurilingual* (Многоязычный алфавит)¹⁰, школьный проект г. Болцано для паритетной алфабетизации на трех языках (ладинский как родной, итальянский и немецкий) путем сравнительного подхода. Данная программа применяется с 2003/2004 уч. г. в первых трех классах начальной школы. Дети учатся читать и писать на трех языках, чтобы создать как можно более естественное трехязычие с раннего школьного возраста.

2. *Zoi apù mia forà (La vita di una volta, Жизнь далеких времен)* – театральный опыт на языке грик области Саленто (Апулья), основанный на рассказе дедушек и бабушек трех местностей, где еще жив этот говор¹¹. Проект предполагает рассказ о бытовой и трудовой жизни их предков, социальных обычаях, видах развлечений, которые дети должны представить на сцене, после предварительного составления в классе сценария на языке грик.

3. *Discovering Grecia* (Открывая Гречью), г. Калимера (провинция Лечче, Апулья), – это проект связи с региональными учреждениями для туристического развития территории на базе традиционных ресурсов языка и культуры древней Магнии Греции. Дети рассказывают традиционные истории своей земли на родном языке (с переводом на итальянский и английский) в разных видеоматериалах, размещенных на YouTube¹².

⁹ <https://www.miur.gov.it/web/guest/-/lingue-di-minoranza-a-scuola-pozza-di-fassa-tn-3-4-ottobre-2019>

¹⁰ http://www.pedagogich.it/alfabetier_it.html

¹¹ Онлайн-портал, где можно найти информацию о языке грик: <https://www.ciuricedi.it/>.

¹² <https://www.youtube.com/watch?v=vqTYOCNRFQc>

4. *Imparendi de is aiaius* (Воспоминания и традиции)¹³, г. Кальяри (Сардиния). Участники этого проекта – дети начальной школы, бравшие интервью у пожилых членов семьи или села, где они живут, для создания «книг воспоминаний», т. е. иллюстрированных текстов о бытовой жизни, играх, детских стихах, песнях, или о каких-либо особых ситуациях, оставшихся в памяти старшего поколения. Дети научились танцевать традиционные танцы сардинского народа и благодаря музыке и танцам закрепили знание сардинского языка.

Все эти проекты разработаны благодаря финансированию МО и способствуют развитию сотрудничества среди школ, чтобы работа разных миноритарных групп не осталась изолированной, что, к сожалению, часто типично для этих общин.

Из нижеприведенных в табл. 3 данных видно, что МЯ имеют разное распределение и разный численный вес по стране. Самыми слабыми группами являются хорватская и гриканская, в то время как самые сильные – сардинская, фриульская, германская.

По данным Итальянской статистической службы (ИСТАТ), опубликованным в конце 2017 г., 45,9% граждан Италии старше 6 лет в семье говорят на итальянском языке, 32,2% – на итальянском и местном диалекте и только 14% населения (обычно люди с низким уровнем образования) говорят исключительно на диалекте. На другом языке говорят 6,9% населения, и в целом отмечается рост употребления иностранных языков (3,7% – в 2000, 8,4% – в 2006, 12,1% – в 2015 г.), так как растет присутствие в стране иностранцев [ISTAT 2017]. Таким образом, употребление итальянского языка стабильно, в то время как наблюдаются сокращение использования диалектов и рост говорящих на иностранных языках.

Заключение

Из вышеприведенных данных следует, что ситуация с МЯ в Италии разнообразна, при этом наблюдается большая активность в реализации новых программ и проектов национального и регионального масштаба. Специалисты жалуются, что отсутствует общий координационный план инициатив для поддержки МЯ [Toso 2019], так как темой защиты МЯ занимаются разные национальные и региональные департаменты (Департамент по региональным делам и региональной автономии, Председательс-

¹³ <https://direzionedidatticagiovannilliu.edu.it/attachments/article/564/Progetto%20Ricordi%20e%20Tradizioni.pdf>

тво Совета министров, МО). Таким образом, выделяемые ресурсы и финансирование оказываются раздробленными и их распределение часто зависит от политики более активных групп. Другим важным ограничением является отсутствие обновленных данных о количественном составе МЯ, так как миноритарные группы боятся проводить новую перепись населения, в результате которой пришлось бы декларировать реальные данные, показывающие очень низкое для некоторых групп число говорящих.

Несмотря на активное планирование, весьма проблематичным остается качество применения новых программ в системе образования [Liesch 2018, с. 185], где 80% школьников и студентов используют итальянский язык и миграционные языки: китайский, румынский, албанский, арабские диалекты и другие африканские языки [Bagna 2018, с. 75–76] и лишь незначительный процент использует итальянские диалекты или МЯ. По мнению лингвиста Ф. Тозо, в Италии лингвистическое разнообразие – по сей день недостаточно изученная проблема, слабые точки законодательства не решены и в результате спустя 20 лет после принятия Закона № 482 его эффект незначителен.

Приложения

Таблица 1

Количество штатных учителей и число школьников
[Iannaccaro 2010, с.106]

МЯ	Штатные учителя, %	Число школьников на каждого учителя
1	2	3
Албанский	59	30
Германские языки	69	31
Грик/ греканский	0	46
Каталанский	60	26
Ладинский (Венето)	87	16
Ладинский (Трентино)	61	Неопр.
Окситанский (Калабрия)	60	15
Окситанский (Пьемонт)	67	20
Сардинский	83	25

Окончание табл. 1

1	2	3
Словенский	28	9
Франко-провансальский (Валле д'Аоста)	84	Неопр.
Французский (Пьемонт)	96	11
Фриульский	83	12
Хорватский	20	14

Таблица 2

Процент часов преподавания
на МЯ от общего количества часов
[Iannaccaro 2010, с.104]

МЯ	%
Албанский	22
Германские языки	47
Грик/греканский	20
Каталанский	0
Ладинский (Венето)	38
Ладинский (Трентино)	66
Окситанский (Калабрия)	0
Окситанский (Пьемонт)	17
Сардинский	29
Словенский	16
Франко-провансальский (Валле д'Аоста)	31
Французский (Пьемонт)	0
Фриульский	32
Хорватский	96

Таблица 3

Распределение МЯ [Orioles 2003]

МЯ	Область	Число говорящих
Албанский	Абруццо, Базиликата, Калабрия, Кампания, Молизе, Апулья, Сицилия	80 000
Германские языки	Фриули-Венеция Джулия, Пьемонт, Трентино-Альто-Адидже, Валле д'Аоста, Венето	293 400
Грик/греканский	Калабрия, Апулья, Сицилия	12 000
Каталанский	Сардиния	20 000
Ладинский	Трентино-Альто-Адидже, Венето	55 000
Окситанский	Пьемонт, Лигурия, Калабрия	40 000
Сардинский	Сардиния	1 000 000
Словенский	Фриули-Венеция Джулия	70 000
Франко-провансальский	Пьемонт, Апулия, Валле д'Аоста	90 000
Французский	Пьемонт, Валле д'Аоста	20 000
Фриульский	Фриули-Венеция Джулия, Венето	600 000
Хорватский	Молизе	2100
Итого		около 2 400 500

Литература

- Перотто 2016 – *Перотто М.* Языковая ситуация в Татарстане и в Италии: аспекты симметрии и асимметрии: Сб. статей Межд. научного сим. / Под ред. О.И. Зазнаева, В.Т. Сакаева. Набережные Челны, 23.06.2014. Казань, 2016. С. 198–207.
- Bagna 2018 – *Bagna C.* Diversità linguistica: indagini qualitative e prospettive future/ Percorsi Linguistici e interlinguistici /a cura di R. Bombi e F. Costantin. 2018 Udine: Forum ed. P. 71–79.
- Carli 2004 – *Carli A.* Plurilinguismo e lingue minoritarie nella politica linguistica europea/ Revue Française de linguistique appliquée, 2004. IX-2. P. 59–79.

- Dell'Aquila, Iannaccaro 2004 – Dell'Aquila V., Iannaccaro G. La pianificazione linguistica. Lingue, società e istituzioni. Roma: Carocci ed. 2004.
- Iannaccaro 2010 – Lingue di minoranza e scuola. A dieci anni dalla Legge 482/99. Il plurilinguismo scolastico nelle comunità di minoranza della Repubblica Italiana/ a cura di G. Iannaccaro. Roma MIUR 2010.
- ISTAT 2017 – L'uso della lingua italiana, dei dialetti e delle lingue straniere <https://www.istat.it/it/archivio/207961>
- Liesch 2018 – *Liesch E.* La Legge 482/1999 Norme in materia di tutela delle minoranze linguistiche storiche ne settore istruzione: un percorso ancora da completarsi/ Percorsi Linguistici e interlinguistici /a cura di R. Bombi e F. Costantin. 2018 Udine: Forum ed. P. 171–187.
- Marrocchi 2019 – *Marrocchi D.* Plurilinguismo a scuola. Il valore delle lingue di minoranza // Politiche e problematiche linguistiche nella formazione degli insegnanti / A cura di F. Avolio, A. Nuzzaci, L. Spetia, Lecce: Pensa, 2019, P. 23–36.
- Orioles 2003 – *Orioles V.* Le minoranze linguistiche. Profili sociolinguistici e quadro dei documenti di tutela, Roma: il Calamo ed.. 2003
- Toso 2019 – *Toso F.* Alloglossie e minoranze linguistiche in Italia. Problemi terminologici e forme della tutela./ *Estudis Romànics (Institut d'Estudis Catalans)*, Vol. 41. 2019. P. 401–422.

The phenomenon of Russian-Ukrainian bilingualism and multicodality as a language portrait of modern Ukrainian language situation

A.V. Savchenko

Cand. of Sci. (Philology), associate professor

National Chengchi University, Taipei, Taiwan, savchenko75@mail.ru

Abstract: The current linguistic situation in Ukraine, which has evolved over the course of several centuries, presents itself as a unique subject for linguistic description and study, differing substantially from analogous examples elsewhere in the Slavic world. Given article deals with still not described in details topic in modern Russian and Slavic Studies, that is functioning of Russian in the capital city – Kiev and the large cities of Ukraine, which de facto have always been and still stay Russian speaking with the exception of Western regions of the country. The study is also devoted to viewing such a phenomenon as a form of linguistic interference within the mixing of two closely related languages.

Keywords: Ukrainian, Russian, surzhyk, Russian-Ukrainian bilingualism, urban dialect, language code, Ukrainian language situation, language assimilation, inter-Slavic interference

1. Formulating the research problem. The centuries-old historical and cultural coexistence of two closely related Slavic peoples led to the inter-lingual Ukrainian-Russian convergence process, which is primarily manifested in the lexical composition of both languages.

This report discusses the linguistic multicodality of the present-day urban dialect with concrete examples from actual non-staged speech found in different Ukraine's regions. The Russian speech of Kievans and citizens of the major cities of Ukraine along with Russian-Ukrainian bilingualism, the switching of language codes, the marking of their social prestige, the various forms of the manifestation of *surzhyk* (i.e. mixed sociolects of Russian-Ukrainian languages), the linguistic and sociolinguistic function of Russian colloquialisms in everyday speech all constitute unique traits of the city's urban dialect.

2. Research techniques. Our observations are based on empirical material collected in the course of field research of the city interdialects. The data we have acquired allows us to make a maximally objective systemic description of the functioning of Russian (including Russian

colloquialisms) in the speech of Ukrainians. Along with this, the social status of the aforementioned codes has been established, and the reasons for the code switching from one language to the other has been identified. We have also included an analysis of the possibilities for such switching (as well as a description of the communicative situations that are linked with this phenomenon).

3. The language situation in present-day Ukraine could be considered as quite a unique phenomenon in the whole Slavic world, since the language that has been officially proclaimed for many decades often differs greatly from what is actually spoken. The language situation is complicated by many other factors, including, ethnic, cultural, socio-political and historical, as well as the degree of national identity of native speakers and regional heterogeneity. It is often said (and it exists as a stereotype), that there are not two: Left- and Right Bank Ukraine. A famous Ukrainian historian Jaroslav Hrytsak said more precisely: there are not two Ukraine, but there are twenty two Ukraines [Hrytsak 2002].

It is hardly possible to give a completely accurate assessment of the real language situation in Ukraine, for any statistical data, official proclamations or linguistic approaches to the interpretation of modern “language reality” mostly have just an emotional, evaluative character. It is caused by a number of extralinguistic factors and modern political and ideological challenges, that have nothing to do with the real language reality.

The forming of the Ukrainian “language identity” and language situation stays still influenced by many both purely linguistic and extralinguistic factors. Among them we should mention before all the long-term historical, political and cultural neighborhood with closely related Russian language area within the East Slavic area, and due to this mutual influence and interpenetration of two languages – Russian and Ukrainian. On the other hand, Ukrainian (especially western dialects) was influenced by Polish in the Western part of the country (as well as Slovak in Transcarpathia region (the Zakarpatska Oblast, Uzhhorod)). We also should mention the fact of the existence in the south of Ukraine (in particular in Odessa) the special form of the Russian language, which experienced a significant impact from Yiddish. To the extralinguistic factors we may attribute coexistence both of Russia and Ukraine as main and sufficient parts of thy Russian Empire and later Soviet Union. As a result, during Soviet and early post-Soviet period Ukrainian mass culture was noticeably influenced by Russian mass art, primarily cinema and modern pop-music.

The complexity of the description of the modern Ukrainian language situation is that it is impossible to talk with certainty about any universals and make unambiguous conclusions regarding the territory

of the whole country. The territory of modern Ukraine is a many-sided palette with linguistic, cultural, religious, historical and ethnographic points of view. Historically, the modern Ukrainian territories belonged to different countries, empires, political and religious sphere of influence, which is one of the primary reasons why Ukrainians are heterogeneous in their mentality, degree of national self-identity and, as a result, in any given choice of a particular language code for colloquial, everyday communication, which is due to both regional identity and the various historical past of the east and west of Ukraine, geographical position of the country and separate regions, that is, proximity to Russian or European culture [Csernicskó, Máté 2017, p. 14].

One of the main problems we face in Ukrainian studies is the coexistence of the Ukrainian and Russian languages, often in the linguistic palette of one speaker, complicated either by bilingualism, or by interference (interaction), i.e. complete confusion and non-distinction in the speaker's mind of two closely related Russian and Ukrainian languages which leads to the emergence of so-called sublanguage – *surzhyk*.

Moreover it's possible to speak about certain kinds of Ukrainian bilingualism: Russian-speaking Ukrainians or Ukrainians who mostly use in everyday communication the Russian-Ukrainian mixture – *surzhyk* can more or less correctly (actively or often passively) speak the literary Ukrainian language (with the exception of some regions of Eastern and Southern Ukraine), using it exclusively in official, formal communication [Striha 1998, 638], [Tomilenko 2014, p. 71]. On the other hand, Ukrainian-speaking Ukrainians in a varying degree can speak Russian as well, depending on the region they live in, and use it in communication with Russians or finding themselves in the society of Russian-speaking Ukrainians. So, both Russian / *surzhyk* and Ukrainian-speaking Ukrainians can “switch language code of communication” depending on the certain communicative situation. One more important factor for the modern language situation is the knowledge a speaker has of Russian culture, not only elitist, *high culture*, but also *low culture*, which in large quantities is still absorbed by the masses, which cannot but affect the language of everyday communication.

At the same time, as for the Ukrainian language itself, the point is that relationships between different forms of language and subsystems are far from uniform: they vary geographically, depending on the region, the degree of education of native speakers and the degree of national self-identification, age, social status and understanding of so-called linguistic prestige, as well as the regionally linguistically determined opposition: “own” and “alien”, in concordance with the use of the given language. Generally speaking, the language of everyday communication (or language code), as well as the language situation of the capital city Kyiv

differs from the language situation in southern Ukraine, the language of dwellers in Western Ukrainian city of Lviv extremely differs from the language of the city of Odessa, the language of Kharkiv in the pro Russian Eastern part from the language of Transcarpathia in the Southwest (where we can meet the correct literary Russian language as a trace of Russian white emigration of the early twentieth century, who traveled through this region on their way to Western Europe), etc.

Ukrainian bilingualism is characterized by the fact of coexistence of two languages – Russian and Ukrainian in active or passive forms – in the language portrait of the majority of speakers, including the abovementioned *surzhyk*. The use of the concrete language depends on some factors, for example: in large cities until now they mostly speak Russian or *surzhyk* in Central, Eastern and Southern parts of the country. Ukrainian still stays “the language of the countryside people”. Russian is normally used in communication with Russians or Russian-speaking Ukrainians. Even in western regions Ukrainian-speaking people “switch their code” from Ukrainian to Russian to be understood and not to be considered as a “alien” in “non-Ukrainian language environment”.

Let us now look at the main forms of existence and coexistence of the languages (resp. language codes) on the territory of modern Ukraine.

I. The Russian language in Ukraine, first of all, is the language of Russians living in its territory, which make up about 20% of its population. For most, the native language remains the Russian literary language; according to official statistics only 3.8% of Russians consider Ukrainian their mother tongue. It is worth emphasizing the current trend of the transition to the Ukrainian language by Russians permanently residing in Ukraine and working in the field of culture, art and the Mass media. As Csernicškó and Fedinec mentioned, Russian speakers stand out considerably from among the various language communities [Csernicškó, Fedinec 2016, p. 573].

For a long time, Left-Bank Ukraine was heavily influenced by Russian culture, literature, language, first of all it was violent Russification, assimilation (the prohibition of teaching in Ukrainian, the prohibition of publishing books, the removal of the Ukrainian language from all areas of official communication and the education system). A result of all these processes was Russification of the language of the south-eastern and central parts of Ukraine, primarily the urban population, a decrease in the degree of self-identification, and lowered self-esteem in comparison with other peoples.

The Russian language used by Ukrainians in southwestern regions in the everyday colloquial sphere of communication and as a colloquial option can be considered Russian only in a very relative

sense. Moreover, literary Russian and standardized Russian intonation are often perceived by Ukrainians, native speakers of “their own” Russian language, as “Moscow”, “Moscow accent”, and, therefore, “alien”. The Russian language bears the characteristic imprint of the Ukrainian one, due to a mixture of two close-related languages, as well as the linguistic negligence of an average Ukrainian speaker. Such “Ukrainian” elements in this “Ukrainian” type of Russian can be considered as the framework of a linguistic and a personal perception of “own” – “alien” (such a variant is used by “own” in contrast from a “alien” literary Ukrainian language or “Moscow accent”).

So, Ukrainian is used in western and southern Ukraine mostly in rural areas, mainly as a dialect or as a *surzhyk*. As for large regional, cultural, industrial, administrative centers (Kharkiv, Mariupol, Dnipro, Odessa, Zaporizhia, Kryvyi Rih, Cherkasy, Mykolaiv, etc.), they are mostly Russian-speaking (“Ukrainian Russian” and *surzhyk*).

The status of the literary Ukrainian language in Eastern and Southern Ukraine is socially limited: it is the language of creative intellectuals: writers, poets, artistic circles, as well as people with a high degree of national identity, a number of officials who use the Ukrainian language in official communication, or immigrants from villages, who speak Eastern Ukrainian dialects.

A special position in the language picture of the southeastern regions is held by the language of Odessa, which can be called a kind of city koine and was formed as a result of many centuries of coexistence and interpenetration of different cultures and languages, primarily Ukrainian, Russian, Romanian / Moldavian and Yiddish. Strictly speaking, in its form it is colloquial Russian, but in a form that is not found in Russia (in general, the “Odessa language code” is very recognizable and popular in modern Russian culture and acts as a means of creating a humorous effect).

II. The language situation in Central Ukraine is partly similar to the southern and eastern regions. It is characterized by a predominance of the Russian language primarily in large cities (Kyiv, Kharkiv, Dnipro etc.), as well as central Ukrainian dialects of rural areas, Ukrainian-Russian dialects on the North and East (Chernihiv, Sumy).

In comparison with the eastern and southern parts, the language situation in the central part is influenced by two of the most important factors: 1) the specifics of the language situation in Kiev, 2) the spread of *surzhyk*.

We would like to especially emphasize that *surzhyk* is a kind of a certain sublanguage, or language substrate, formed as a result of the interference of the Ukrainian and Russian languages [Kent 2010]. It is generally recognized, that *surzhyk* as a linguistic phenomenon separate from Ukrainian and Russian, dates back to the 17th – 18th centuries [Masenko 2008].

The word *surzhyk* originally referred to 1) a mixture of different grains with rye, a mixture of wheat and rye grains, rye and barley, barley and oats; 2. Elements of two or more languages, artificially combined, without observing literary standards [SUM 1978, p. 854]. The origin of *surzhyk* is connected with development of the Ukrainian language and Ukrainian-Russian language contacts caused by geographical proximity and colonization of Ukraine [Kent 2010, p. 38]. The Ukrainian linguist M. Striha interprets *surzhyk* as an intermediate sublanguage, which plays the role of a transitional stage in the assimilative process of crowding out the Ukrainian language with Russian [Striha 1998, p. 637]. Moreover, the proportions of elements taken from both languages in this substrate vary and depend on the region, the level of educational attainment of the speaker, as well as social and other conditions [Trub 2000, p. 54].

Surzhyk is mostly used by people, who do not fluently speak either Ukrainian or Russian. They use this form of language as a colloquial form for everyday informal communication. The number of its users is estimated from 20 to 30% [Fedinec, Csernicškó, p. 85].

As for the specifics of the language of Kievans, this phenomenon should be examined separately. Here we will only mention that in Kyiv we can observe a strict distinction between the functional areas of use of the Russian and Ukrainian languages – official and everyday colloquial speech. The sphere of informal, friendly communication is covered by the Russian language, and in the field of official communication the Ukrainian literary language is used [Kuznetsova, Savchenko, Khmelevskiy 2018, p. 95]. This is a typical, but not universal situation, because in such functions oppositions may be used *surzhyk* vs. the Ukrainian literary language, Russian vs. *surzhyk*. Often this opposition does not arise at all, and exclusively Russian or exclusively *surzhyk* is used in all areas [Taranenko 2001, p. 14; Taranenko 2008, p. 20].

The Ukrainian language, as in other large Ukrainian cities, it is the language of intellectuals, Kiev intelligentsia, teachers, educated people and ordinary urban residents with a high degree of national identity. They use the literary Ukrainian language not only in official, but also in everyday communication. It is also important to emphasize the trend to switch language codes, i.e. changing languages during one and the same communicative act.

III. Colloquial language in Western Ukraine is stereotyped by Ukrainians from the eastern, southern and partially central regions of the country as polonized, dialectic, “alien”, i.e. “not our, not true Ukraine”. In reality, it is a region where the Ukrainian language is normally used in all areas of communication. The variant of the Ukrainian language spoken in this part of the country is “the most standardized”, very close to the literary Ukrainian, or rather, the colloquial version of the literary

language (including in large cities, administrative, economic and cultural centers).

The language situation in Western Ukraine is complicated by 1) a variety of dialects – mainly used by rural residents, 2) a local variant of *surzhyk* which mostly includes elements of the Ukrainian language (unlike variant of *surzhyk* in central and eastern regions), 3) a special Lviv city koine, 4) a special function of the Russian language, which is used as a common parlance or jargon in the speech of native Ukrainian literary language.

As for the language of the city of Lviv, this is a rather complex question. Lviv as a cultural, administrative, industrial and military center of the west of Ukraine is quite heterogeneous: indigenous Lviv dwellers, Ukrainians from the western, central, eastern regions, Russians (often former men of arms), Poles.

The national and linguistic diversity of Lviv is reflected primarily in the language situation of the city: here one can hear both pure Ukrainian language (primarily among representatives of highly educated layers of society) and Ukrainian speech with interspersed quotations, clichés and idioms from Russian (especially in emotional, ironic contexts in colloquial speech), as well as Western Ukrainian dialects (Ukrainians from other regions of Western Ukraine), specific Lviv city koine (mainly among the older generation of indigenous residents of Lviv). Not so often we can meet *surzhyk* in the speech of small-scale traders, service workers, and newcomers, more seldom the Russian language.

In Western Ukraine the switching of the language code is quite rare, the Ukrainian literary language can switch by speaker to Russian or Polish, wanting to be understood by a Russian-speaking or Polish-speaking interlocutor, but never in communication with those, who speak *surzhyk* or Lviv koine.

The language diversity of Lviv is opposed to the relative heteroglossia of other regions of Western Ukraine. For example, in Ivano-Frankivsk, Ternopol habitants use the standard Ukrainian language (sometimes with the elements of local dialects) in both official and everyday informal communication.

National self-identification in Western Ukraine is pretty high, and the perception of the rest of Ukraine (including Central Ukraine and capital city Kiev) among Western Ukrainians is diametrically opposed to the perception of southeastern Ukrainians by the West: this is a dismissive attitude to Eastern, Southern and Central Ukrainians as “forgetting the original traditions, faith, language”.

IV. With regards to the peculiarities of the functioning of Russian in the speech of Ukrainian speaking Ukrainians we should briefly highlight the three most considerable aspects:

1) inclusion into the Ukrainian colloquial speech of Russian translated loan-words, quotations, clichés, or so-called catchphrases. It could be partly explained by the problem of insufficiently developed Ukrainian spoken language, Ukrainian both vernacular, and literary language as well as insufficient lexical and stylistic development of the language of everyday communication. Such “insertions” are very characteristic for the colloquial speech, often they depend on the degree of free-and-easy vibe of the communicative situation [Savchenko, Khmelevskiy 2008, p. 177]. It is a sphere of the language that has a high need for expressive elements and the lack, shortcoming of lexical elements, expressive and metaphorical means in the Ukrainian language in compare with Russian prevents the development of the everyday colloquial Ukrainian language.

This phenomenon, however, should be distinguished from *surzhyk*, since this is not a spontaneous mixing of two closely related languages, but the intentional dissemination of Russian clichés and quotations from the literature and Russian mass culture (including the language of blocks of commercials), as well as pejorative, vulgar vocabulary, to create different stylistic effects, before all, humorous effect, to create atmosphere of ease and freedom (free-and-easy vibe) in communication at the everyday colloquial level. As for *surzhyk*, K. Kent concluded that, from a morphosyntactic perspective *surzhyk* could be best described as composite codeswitching. However, its speakers did not display a bilingual command of both Ukrainian and Russian languages, an important requirement for codeswitching [Kent 2010, p. 51].

2) Closely connected with previous observing is the fact of usage of Russian in colloquial speech as an element of irony, sarcasm, to create and emphasize special stylistic contrasts and nuances of pragmatic usage in the utterance.

3) Communicative situations, when Ukrainian-speaking Ukrainians switch their language code to the Russian language. This phenomenon is not common, but mostly it is found, according to our observations, among young people. For the Ukrainian youth the use of the Russian language as a means of colloquial communication performs the function of argot, jargon, student slang, thieves language code [Khmelevskiy 2017, p. 101]. In this function the Russian language among Ukrainian-speaking Ukrainians is a marker of one’s own member: the representative, member of the same informal youth community to contrast with the “alien”, who speaks Ukrainian. The Russian language in this case also covers certain “lacunas” of (criminal) slang, spoken expressions (including expressive, invective) missing in colloquial Ukrainian.

In conclusion, it should be mentioned the following:

1. Despite official statistics of the Ukrainian-speaking population on the level 60–70%, the Ukrainian language remains, in fact, the language

of the countryside and the language of the intelligentsia, the university environment and the political elite, which in percentage terms are significantly inferior to the number of average residents of Ukraine.

In actuality, according to the results of our field researches, the large cities of Central and Southeast Ukraine, until now remain mostly Russian-speaking. In Kyiv, Dnipro, Kharkiv, Vinnytsia, Cherkasy and other cities one can find theater plays and city round tour in Russian.

2. It is worth noting the fact that, speaking pure Ukrainian in the central and southeastern regions of Ukraine, it is often possible to remain incompletely understood by other people who speak *surzhyk* or "Ukrainian Russian". *De facto* Russian in the major cities of Central and Eastern Ukraine is still the language of everyday communication. At the same time, speakers, being bilingual, in the course of official opinion polls indicate the Ukrainian language as their native language for either political or ideological reasons.

3. Russian, due to a number of objective reasons (social, political and historical), has become in Ukraine the language of everyday communication, the "language of the market". Low-quality print media, film production, the yellow press, pop culture, etc. come from Russia and exert an influence on the language of everyday communication. According to Csernicskó and Máté, "the majority of public language domains, it is still Russian that prevails, especially in the media and the economy, but the use of Ukrainian is not exclusive even in public administration" [Csernicskó, Máté 2017, p. 28].

It is worth paying attention to the fact that the influence of modern elite Ukrainian culture on the masses is relatively small compared with the large-scale impact of Russian-speaking mass culture, which is many times greater than the first in quantitative terms, while the Ukrainian-speaking intelligentsia, creative intellectuals themselves remain the primary and nearly sole consumer of modern elite Ukrainian culture.

As was already mentioned, a very important role is played by this element of penetration into everyday life of mass Russian culture, the yellow press, and Russian pop-music, which in the central and southeastern regions of Ukraine significantly outnumber the Ukrainian-language cultural background, especially in Central and Southeast Ukraine.

4. It should be noted, that recent time in connection with current political events, which in a considerable degree changed the attitude of Ukrainians towards their native language, we can observe the increase of national self-awareness in society, an increase of prestige of the Ukrainian language, a rethinking of the attitude towards national culture and identity, history, national originality and folklore traditions.

However, contemporary Ukraine language situation faces with the problem of the official status of the Russian language and other minority languages: “A considerable portion of the Ukrainian political and societal elite is against not only Russian gaining official status nationally but also the official use of minority languages regionally, even though official bilingual language use at the regional level is not without precedent in the territory of Ukraine” [Csernicskó, Fedinec 2016, p. 576]. The present-day Ukrainian linguists are mostly of opinion, that those who propagandize bilingualism use Ukrainian as a decorative mask in linguistically schizophrenic situations, and in fact seek a Russian-speaking monolingualism [Csernicskó, Máté 2017, p. 14]. As illustration can also be given the statement of L. Masenko, who believes, that “the Russian language is the chain that bounds Ukraine to the Communist past” [Masenko 2016, p. 14]. Extension of the scope of use of the Ukrainian language, the obstruction of the Russian language is considered by many as a split from the colonial past Soviet era and means freedom and independence [Csernicskó, Máté 2017, p. 26].

The current activity in the language sphere conducting by both political circles and public figures, as well as people with a high degree of national identity, aimed at updating the Ukrainian-language culture and increasing the status and prestige of the Ukrainian language in modern society.

Gratitude

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Гранты № 18-012-00754\18; № 18-012-00754\19 «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине».

References

- Csernicskó, Fedinec (2016) – Csernicskó, I., Fedinec, Cs. Four Language Laws of Ukraine. *International Journal on Minority and Group Rights*, 23 (2016), pp. 14 560–582.
- Csernicskó, Máté (2017) – Csernicskó, I., Máté R. 2017 Bilingualism in Ukraine: Value or Challenge? *Darnioji daugiakalbystė / Sustainable Multilingualism*, vol. 10, iss. 1, pp. 14–35.
- Fedinec, Csernicskó (2017) – Fedinec, Cs., Csernicskó, I. Language Policy and National Feeling in Context Ukraine’s Euromaidan, 2014–2016. *Central European Paper* 2017, vol. V, iss. 1, pp. 81–100.

- Hrytsak (2002) – Hrytsak, Y. Twenty-two Ukraines, [Dvadcyat' dvi Ukrayini] (In Ukrainian). Krytyka. Thinking Ukraine. Available at: <https://krytyka.com/ua/articles/dvadtsyat-dvi-ukrayiny> (Accessed 20 November 2019).
- Kent (2010) – Kent, K. Language Contact: Morphosyntactic Analysis of Surzhyk Spoken in Central Ukraine. LSO Working Papers in Linguistics 8, 2010, pp. 33–53.
- Khmelevskiy (2017) – Khmelevskiy, M.S. “Linguistic portrait” of modern Ukraine – sociolinguistic aspect [«Yazykovej portret» sovremennoj Ukrainy – sociolingvisticheskij aspekt] (In Russian). Komunikacija specjalistyczna. Warszawa, 2017. № 13, pp. 79–105.
- Kuznetsova, Savchenko, Khmelevskiy (2018) – Kuznetsova, I.V., Savchenko, A.V., Khmelevskiy, M.S. Kyevan surzhyk as a phenom of Ukrainian urban colloquial language [Kyevskiy surzhyk kak fenomen ukrainskoy gorodskoy razgovornoy rechi] (in Russian). Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.Y. Yakovleva. Cheboksary, 2018, pp. 92–102.
- Masenko (2008) – Masenko, L. Surzhyk: history of formation, modern situation, perspectives of functioning [Surzhyk: istoriya formuvannya, suchasnyi stan, perspektyvy funkciiovannya] (In Ukrainian). Belarusian Trasjanka and Ukrainian Surzhyk: Structural and social aspects of their description and categorization. Oldenburg, 2008, pp. 1–36.
- Masenko (2016) – Masenko, L. Scandal in Ohmatdyt as a Mirror of the Post-Soviet Language Policy [Skandal v Ohmatditi yak dzerkalo postradyans'koyi movnoyi polityki] (In Ukrainian). Language Policy Portal, August 29, 2016. Available at: <http://language-policy.info/2016/08/skandal-v-ohmatdyti-yak-dzerkalo-postradyanskoji-movnoji-polityky/> (Accessed 20 November 2019).
- Savchenko, Khmelevskiy (2008) – Savchenko, A.V., Khmelevskiy, M.S. Phenomenon of the modern Ukrainian bilingualism (according to results of researches in Central and South-Eastern Ukraine) [Phenomen sovremennoho ukrainskogo bilingvizma (po rezultatam polevyx issledovaniy v Centralnoy i Yugo-Vostochnoy Ukrainie)] (In Russian). Slavyanskyi mir: yazyk, literatura, kultura. M., 2018, pp. 336–339.
- Striha (1998) – Striha, M. Surzhyk and literary language [Surzhyk ta literaturna mov] (In Ukrainian). Narysy ukraïnskoyi popularnoyi kultury. Kyiv, 1998, pp. 637–640.
- SUM (1978) – Slovník ukraïnskoyi movy v 11 tt. [Dictionary of the Ukrainian language in 11 vols.] // AN URSR. Institut movoznavstva; za red. I.K. Bilodida. – Kyiv: Naukova dumka, 1970–1980. – Vol. 9. – 1978. – 916 pp.
- Taranenko (2001) – Taranenko, O.O. Ukrainian language and the modern language situation [Ukrainska mova i suchasna movna situaciya v Ukraini] (In Ukrainian). Movoznavstvo. Kyiv, 2001. № 4, pp. 3–19.
- Taranenko (2008) – Taranenko, O.O. Surzhyk: Ukrainian-Russian status, trends, estimations, projections [Ukrain'sko-rosiyskiy surzhyk: status, tendencii, ocinki, prognozi] (In Ukrainian). Movoznavstvo. Kyiv, 2008, No 1, pp. 14–30.
- Tomilenko (2014) – Tomilenko, L. Surzhyk as object of scientific researches and discussions [Surzhyk yak ob'ekt naukovyx doslidzhen' i dyskusiy] (In Ukrainian). Movoznavstvo. № 4. Kyiv, 2014, pp. 69–80.
- Trub (2000) – Trub, V.M. The Phenomenon of *surzhyk* as a form of common parlance in a situation of bilingualism [YAvishche «surzhyku» yak forma prostorichchya v situaciyi dvomovnosti] (In Ukrainian). Movoznavstvo. – Kyiv: Akademiya, 2000, № 1, pp. 47–58.

Программно-целевой подход
в реализации языковой политики
в Республике Татарстан

Е.В. Фролова

*кандидат исторических наук, доцент
Казанский государственный университет,
Казань, Россия, elenaieup@mail.ru*

А.И. Хайруллина

*кандидат исторических наук, старший преподаватель
Казанский государственный университет,
Казань, Россия, aikhayrullina@mail.ru*

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности реализации программно-целевого подхода в деятельности по сохранению и развитию языков в республиках Российской Федерации (на примере Республики Татарстан). Программно-целевой подход является важным инструментом в эффективной реализации национальной государственной политики, поскольку позволяет выработать единую стратегию во взаимодействии органов исполнительной власти, научных и образовательных центров, общественности.

Ключевые слова: межнациональные отношения, языковая политика, культурно-языковые потребности, государственные языки

A program-targeted approach
to the implementation of language policy
in the Republic of Tatarstan

Helena V. Frolova

*Cand. of Sci. (History), associate professor
Kazan State University, Kazan, Russia, elenaieup@mail.ru*

Adelya I. Hairullina

*Cand. of Sci. (History), senior lecturer
Kazan State University, Kazan, Russia, aikhayrullina@mail.ru*

Abstract. The report examines the specifics of the implementation of a program-targeted approach in the conservation and development of languages in the republics of the Russian Federation (in the example of the Republic

of Tatarstan). The program-targeted approach is an important tool in the effective implementation of national public policy, as it allows to develop a unified approach in the interaction of the executive branch, scientific and educational centers, Public.

Keywords: inter-ethnic relations, language policy, cultural and linguistic needs, state languages

Статьей 7 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. № 1807-1 предусмотрены разработка федеральных целевых программ сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации и осуществление меры по реализации таких программ как на федеральном уровне, так и в субъектах страны [Закон Российской Федерации 1991]. Стоит отметить, что программно-целевой подход в нашей стране использовался и раньше: данный метод впервые был реализован в 1920-е гг., затем, в 1960–1980-е гг., распространение получили целевые комплексные программы по экономическому и социальному развитию, а в 2000-х гг. данный подход получил распространение в разных областях [Звягинцев 20132, с. 42].

В сфере межнациональных отношений в постсоветский период впервые программно-целевой подход был применен в деятельности по сохранению и развитию языков в республиках Российской Федерации в 1990-е гг. Принятые на региональном уровне программы фактически отражали цель и задачи, которые ставили перед собой республики для развития этнокультурного потенциала народов, представители которых проживают на данной территории, реализации государственной политики в национальной и языковой сферах.

Статьей 6 Закона Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП «О языках народов Республики Татарстан» предусматривается разработка государственной программы по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан [Закон Республики Татарстан 1992]. Во исполнение закона 20 июля 1994 г. постановлением Верховного Совета Республики Татарстан № 2186-ХП указанная программа была утверждена [Постановление Верховного Совета Республики Татарстан 1994]. Генеральной линией реализации программы стали сбалансированное изучение и функционирование татарского, русского языков и других языков в республике, а также изучение и развитие татарского языка за рубежом. Решение поставленных задач осуществлялось путем совершенствования социальной инфраструктуры как за счет расширения сети учебных заведений, культурно-образовательных

центров, так и за счет качественных изменений – обновления и создания учебников, учебно-методических пособий для всех уровней образовательных учреждений, научного изучения государственных языков. Было предусмотрено техническое обеспечение реализации программы, внедрение информационных технологий в систему мер по обеспечению функционирования татарского языка и заложены основы создания единого информационного пространства на татарском языке.

Отдельное внимание было уделено формированию механизма реализации культурно-языковых потребностей всех народов, проживающих в республике. Предусматривались ежегодная организация во дворцах культуры, в учебных заведениях среднего и высшего образования олимпиады по языкам народов Республики Татарстан; научно-методических конференций руководителей народного образования, учителей по вопросам функционирования языков народов, проживающих в республике; открытие во внешкольных детских учреждениях кружков национально-прикладного искусства, по пропаганде и изучению языков, культур, традиций народов, проживающих в Татарстане; обеспечение комплектования библиотек республики не только книгами и материалами на государственных языках, но и литературой на родных языках народов, компактно проживающих на территории республик.

В программе четко прослеживается идея непрерывности национального образования: от дошкольного обучения и до высшей школы. В частности, планировалось открыть детские сады и создать условия в них для воспитания на родном языке детей народов Республики Татарстан. Продолжить открытие новых классов и школ для обучения на родном языке детей компактно проживающих народов в Республике Татарстан. Обеспечить классы и школы кадрами и учебно-методической литературой. Составить и издать учебники и учебные пособия по татарскому языку для вузов. Создать лингафонные кабинеты во всех средних школах, вузах и крупных библиотеках по изучению государственных языков Татарстана. Предусматривались и другие образовательные, культурные и научные меры.

В числе позитивных тенденций, достигнутых путем активной работы в сфере этнокультурной политики, можно отметить начало формирования языкового законодательства республики; расширение рамок использования татарского языка, в том числе в деятельности органов государственной власти; успешное решение комплекса задач первого этапа в организации преподавания татарского языка и литературы в школах и учреждениях начального профессионального образования, связанного с обеспечением

ем учебно-методической литературой и квалифицированными кадрами; увеличение количества общеобразовательных учреждений с преподаванием на татарском языке и на языках представителей других народов, проживающих в Республике Татарстан; активизация изучения языков представителей других народов, проживающих в Республике Татарстан, в общеобразовательных учреждениях и сети воскресных школ, расширение применения этих языков в средствах массовой информации; кроме того, начат научный анализ двуязычия, продолжено изучение взаимодействия государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан и многое другое [Закон Республики Татарстан 2004]. Подобные преобразования стали возможны в значительной степени благодаря программно-целевому методу, предполагающему комплексный подход и взаимодействие всех акторов языковой политики.

Законом Республики Татарстан от 11 октября 2004 г. № 52-ЗРТ была утверждена государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг.

Данный документ был разработан в развитие того начинания, которое было положено предшествующей программой, утвержденной в 1994 г. Помимо перечня мероприятий в нем были обозначены проблемы, основные цели, задачи, заказчик и исполнители, определен способ организации контроля, а также раскрыты механизмы реализации программы: нормативно-правовое, организационно-структурное обеспечение, координация и организация научных исследований и др.

Помимо тех мер, которые предусматривались предыдущей программой, была обозначена тема привлечения семьи как социального института для сохранения и развития национального языка. Была подчеркнута необходимость усиления роли семьи, формулирования принципов национально-языкового воспитания в семье, определения ответственных и координирующих инстанций, которые сделали бы институт семьи одним из основных составляющих механизма реализации целей и задач программы. Кроме того, обращалось внимание на важность формирования общественного мнения, которое должно играть важную роль в обеспечении результативности программы. Предусматривалась оценка эффективности программных мероприятий посредством регулярного проведения опроса общественного мнения в разных формах и в разных районах республики; ежегодных встреч руководителей исполнительных структур программы с учеными-лингвистами, учителями-словесниками в разных городах нашей

республики и с представителями общественных организаций. В целях установления обратной связи с населением республики поставлена задача разработать и реализовать программу освещения в средствах массовой информации проблем развития и функционирования государственных языков Республики Татарстан.

Поскольку рассматриваемый документ был разработан до утверждения Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, то именно в нем впервые были обозначены основные положения этнокультурной политики республики. Главными принципами провозглашались развитие и гармоничное взаимодействие языков, поддержание устойчивого баланса национально-языковых интересов многонационального народа Республики Татарстан, всех граждан, независимо от их этнической или языковой принадлежности.

Соблюдая последовательность, постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 октября 2013 г. № 794 утверждена государственная программа «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014 – 2020 гг.» [Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2013]. Данная программа также сформирована с применением проблемного подхода:

- правовое обеспечение языковой политики в республике;
- поддержка законодательно закреплённого паритетного функционирования русского и татарского языков как государственных языков Республики Татарстан;
- развитие целостной системы изучения татарского и русского языков и обучения на татарском и русском языках в республике, а также поддержка изучения татарского языка и обучения на татарском языке за ее пределами;
- научное и научно-методическое сопровождение процессов сохранения и развития языков в Республике Татарстан;
- сохранение и развитие языков народов, проживающих в Татарстане.

Отдельный раздел программы посвящен проведению мониторинга ее результатов и анализу этноязыковой ситуации в Республике Татарстан.

Свыше 220 мероприятий программы включают как традиционные меры по научно-методическому сопровождению деятельности по сохранению и развитию языков, по развитию системы национального образования, работе с молодежью, так и новые подходы с учетом современных тенденций: создание игр и приложений с обучающей функцией, обеспечение функционирования языков в инфокоммуникационных технологиях (например, созда-

ние технологий профессионального перевода в русско-татарской языковой паре, системы распознавания, синтеза татарской речи и т. п.). Создан веб-сайт программы, который не только носит информационную функцию, но также позволяет решать аналитические задачи и, что самое главное, наладить обратную связь с населением.

Следует отметить, что в Татарстане также сложился успешный опыт реализации с 2006 г. республиканской ведомственной целевой программы «Русский язык в Татарстане». Программа реализуется в соответствии с аналогичной федеральной программой и направлена на повышение уровня языковой грамотности и речевой культуры, обеспечение функционирования и активного развития русского языка как государственного языка в условиях поликультурной среды, а также способствует решению целого спектра других задач. В рамках ее реализации проводятся такие мероприятия, как ежегодная республиканская научно-практическая конференция им. Л.Н. Толстого, Кирилло-Мефодиевские юношеские научные чтения, Онегинские и Рождественские чтения и многие другие.

Значимый вопрос в реализации государственных программ – это оценка их эффективности. Помимо индикативных показателей, которые позволяют оценить объем исполнения каждого отдельного мероприятия и программы в целом, объективную картину позволяют составить результаты этносоциологических исследований.

Так, в 2019 г. в рамках реализации государственной программы учеными и экспертами из научных и образовательных организаций в республике проведено исследование этноязыковой ситуации в муниципальных образованиях Татарстана. Были заданы вопросы, позволяющие выявить уровень языковой компетенции, использование языков в социальных коммуникациях, языковые предпочтения в культурной сфере и др.

Вопрос о том, какой язык респонденты считают родным, задавался с возможностью выбора более чем одного языка. 93% татар назвали родным татарский и 42% – русский язык, т. е. ориентация на татарский язык как важный этноконсолидирующий признак среди татар остается очень высокой (см. таблицу).

Таблица

Какой язык (какие языки) Вы считаете родным(-и)?
(возможно несколько ответов), %

	Татары	Русские	Другие
Татарский язык	93	4	15
Русский язык	42	100	77
Чувашский язык	1	2	34
Другой язык	1	1	28

В целом очевидно, что у городских татар в республике сложились специфические варианты функционирования двух языков, которые могут оказывать влияние и на восприятие языков как родных, например:

«До недавнего времени, я отвечала татарский [на вопрос о родном языке]. Но сейчас я отвечаю – русский... Вы знаете родной язык – на котором человек думает, а думаю я, прежде всего, на русском языке, поэтому я отмечаю русский язык, но и про татарский не забываю. Потому что язык как раз-таки фактор объединения с национальностью. Конечно, я татарскую речь понимаю, но, если не говорят с акцентом» (жен., 23, татарка, Казань).

«Мой родной язык – татарский, русский для меня язык функциональный. Просто в нем больше функциональности – язык бизнеса, язык государства. Татарский для меня родной язык, язык общения в семье» (муж., 33, татарин, активист).

Подводя итог, отметим, что программно-целевой подход является важным инструментом в эффективной реализации национальной государственной политики, поскольку позволяет сформулировать приоритетные направления работы, выработать единый подход во взаимодействии органов исполнительной власти, научных и образовательных центров, общественности в решении актуальных задач, ежегодно анализировать результаты деятельности с целью своевременного внесения коррективов. Поэтому видится необходимым формирование аналогичной программы по сохранению и развитию языков народов Российской Федерации на федеральном уровне.

Литература

- Закон Республики Татарстан 1992 – Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХП «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 6, ст. 80.
- Закон Республики Татарстан 2004 – Закон Республики Татарстан от 11 октября 2004 г. № 52-ЗРТ «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг.» // Республика Татарстан. 2004. 23 окт. С. 3–7.
- Закон Российской Федерации 1991 – Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 4 авг. № 146.
- Звягинцев 2013 – *Звягинцев П.С.* Программно-целевой метод планирования как основа создания новой индустриализации России // Вопросы экономики и права. 2013. № 9. С. 41–46.
- Постановление Верховного Совета Республики Татарстан 1994 – Постановление Верховного Совета Республики Татарстан от 20 июля 1994 г. № 2186-ХП «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан» // Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1994. № 8–9. С. 3–18.
- Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан 2013 – Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 октября 2013 г. № 794 (с изм. от 15 мая 2017 г.) «Об утверждении Государственной программы “Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.”» // Собрание законодательства Республики Татарстан. 2017. 26 мая. № 39, ст. 1395.

Филологическое образование в Башкортостане: традиции и инновации

Р.Х. Хайруллина

*доктор филологических наук, профессор
Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, rajhan@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена описанию традиционных и инновационных технологий и методик преподавания русского языка в условиях полиэтнической школы. Современные условия поликультурности общества обуславливают необходимость формирования полилингвальной языковой личности в процессе обучения с опорой на родные языки при изучении русского как неродного и русского языка – при изучении иностранных языков.

Ключевые слова: полилингвальная школа, языковая личность, технология, лингвокультурологическая компетенция

Philological education in Bashkortostan: traditions and innovations

Raisa Kh. Hairullina

*Dr. of Sci. (Philology), professor
M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Russia, rajhan@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the description of traditional and innovative technologies and methods of teaching the Russian language in a multi-ethnic school. Modern conditions of multicultural society necessitate the formation of a multilingual linguistic personality in the learning process, relying on native languages when studying Russian as a non-native and Russian language when studying foreign languages.

Keywords: multilingual school, linguistic personality, technology, linguocultural competence.

Поликультурная образовательная среда предъявляет новые требования к организации филологического образования в школе. Многонациональный контингент классов, пополнившийся, кроме обучающихся – лиц коренных национальностей, представителями

новых для республики культурных сообществ, принуждает учителей-филологов к поиску новых инновационных методик и образовательных технологий. «Концепция преподавания русского языка и литературы» определила те ключевые проблемы, которые должны разработать и внедрить в образовательный процесс преподаватели вузов и учителя школ. Концепция задает необходимые векторы и константы преподавания русского языка и литературы в ОУ РФ, в частности в ней подчеркнута необходимость модернизации содержания филологического образования, развития общедоступных информационных ресурсов, популяризации русского языка и литературы.

Использование традиционных методик в обучении русскому языку и другим языкам сегодня не приносит желаемых результатов и высокого качества образования. Нужны инновационные подходы. Методисты в области методики преподавания русского языка как неродного (нового) под педагогической инноватикой понимают «особую сферу научного знания, изучающую процессы развития детского сада, школы, вуза, связанные с созданием новой практики образования» [Балыхина 2014, с. 45].

В лингвометодике и дидактике уже давно говорится о необходимости построения новой модели школы, «ориентированной на единство нового содержания образования, новых форм организации учебного процесса, современных образовательных технологий и новых форм оценки качества образования» [Аспекты модернизации российской школы 2001, с. 11].

Важную роль в формировании языковой личности обучающегося в российской школе, несомненно, играет русский язык во всех его ипостасях. «Русский язык и литература не просто предметы, это стратегический приоритет образовательной политики в многонациональном государстве», – подчеркнул роль русского языка Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Проанализировав этноязыковую ситуацию в Республике Башкортостан и формы обучения русскому, родным и иностранным языкам в школах республики, мы предлагаем опираться в организации филологического образования на следующие три ключевых момента.

1. Межпредметные связи в обучении. Несомненно, этот аспект обучения давно и прочно занял свое место в современной школе. «Все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи», – писал в свое время Я.А. Каменский [Каменский 1955, с. 287]. А какие школьные предметы характеризуются такой взаимосвязью в высшей степени? Конечно, лингвистические – языки, коих в современной школе прибавляется. Речь идет о межпредметных связях между предметами лингвистического

цикла – русским языком, родными и иностранными языками. Сегодня это отдельные, автономные предметы, которые изучаются по разным учебникам и с применением разных методик. Достаточно просмотреть учебные планы и учебники по этим предметам, чтобы понять, насколько они должны быть близки по содержанию и методике преподавания. Опора на родной язык при изучении русского языка как неродного, опора на русский язык при изучении иностранных языков, единый алгоритм усвоения знаний – вот что, по нашему мнению, даст возможность обучающимся усвоить языковую природу и его системность и увидеть взаимодействие изучаемых языков. Е.А. Хамраева, специалист в области методики преподавания русского языка как неродного, на примере детей соотечественников, проживающих за границей, доказала результативность таких межпредметных связей при изучении русского языка с опорой на иностранный.

2. Применение компьютерных технологий в образовательном процессе. Современная школа имеет хорошее техническое оснащение – компьютеры, проекторы, интерактивные доски, однако ни для кого не секрет, что современный школьник владеет новыми технологиями лучше учителя. И объем, и приемы включения новых технологий в учебный процесс ограничиваются презентацией, видеоуроками, аудиозаписями. Существует необходимость научить учителя создавать различные компьютерные продукты. Сегодня у опытных учителей есть свои сайты, на которых освещается их опыт работы, выкладываются методические и дидактические материалы, видео и т. д. Но этого мало. Формирование электронного контента по своей дисциплине с использованием различных информационных технологий – этому надо учить. А это поле деятельности Института образования РБ и вузов.

3. Использование лингвокультурологических подходов к изучению языков делает процесс их усвоения осознанным и интересным. Сегодня в школе мы формируем языковую личность нового типа – полилингвальную языковую личность. «Реальностью сегодняшнего дня стали полиэтнические классы, в которых обучаются дети – представители разных национальностей», – отметили Л.А. Вербницкая, Л.В. Московкин на образовательном форуме в 2014 г. Отражением данного процесса является факт открытия полилингвальных школ в Уфе. Полилингвальная школа – это место, где языковое образование строится на основе постепенного погружения в мир языка, начиная с родного и заканчивая несколькими иностранными языками. И теперь предстоит научить филологов работать в «одной команде», потому что обучение русскому, родным и иностранным языкам может так и остаться параллельным процессом. Полилингвальные школы № 44 и 162 в Уфе уже

в начале своего функционирования почувствуют недостаток опыта в формировании полилингвальной языковой личности и отсутствие учебников нового типа. Согласно указу главы республики Р.Ф. Хабирова о стратегических направлениях развития РБ предстоит открытие еще нескольких таких школ. Но в них нельзя работать «по старинке», это качественно новый тип образовательного учреждения. Необходимо создать «Концепцию развития полилингвальной школы в Республике Башкортостан», чтобы процесс изучения русского, родных и иностранных языков стал гармоничным и взаимодополняющим. В педагогической среде республики накоплен такой опыт.

Лингвокультурологические основы изучения русского языка впервые стали использоваться в образовательном процессе в содержании специальных курсов, авторских программ, курсов по выбору, перспективной данная проблематика стала для диссертационных исследований. Лингвокультурологические аспекты изучения русского языка применительно к ситуации в республике нашли отражение в работах башкортостанских ученых – Л.Г. Саяховой, Р.Х. Хайруллиной, Р.Г. Давлетбаевой, Л.М. Вырыпаевой, З.З. Чанышевой, С.В. Ивановой, Л.М. Салимовой, Л.К. Муллагалиевой и других. Однако не в каждой школе используется такой подход, хотя он уже доказал свою состоятельность. Диалог языков и культур в полилингвальной школе – это одно из условий достижения высокого качества языкового образования.

Обучение русскому языку на лингвокультурологической основе имеет свои особенности и требует от учителя знаний не только по предмету и методике преподавания языка, но и по культурологии и межкультурной коммуникации. В Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы открыта магистерская программа «Лингвокультурологическое образование» (заочная форма, есть бюджетные места), обучившись по которой учителя могут активно применять приемы и методы лингвокультурологии на уроках русского языка. В Башкирском государственном университете идет обучение по магистерской программе «Русский язык и литература в поликультурном пространстве».

Основатель лингвокультурологической методической школы в Республике Башкортостан Л.Г. Саяхова отмечает следующие направления работы на лингвокультурологической основе:

- лингвокультурологическое комментирование при изучении русской лексики и фразеологии, в том числе и на материале художественных текстов;
- опора на лингвокультурологические словари и энциклопедические издания;

- обучение русскому языку с опорой на родной язык с учетом его национально-культурного своеобразия;
- уместный сопоставительный анализ русских языковых единиц с единицами из других языков с целью воспитания толерантности и уважения к чужим языкам и культурам и демонстрации общечеловеческих культурных истоков формирования национальных языков [Саяхова 2014].

Концепция преподавания русского языка и литературы в ОУ РФ нацеливает на эффективное включение и использование в образовательном процессе также дополнительных культурных ресурсов конкретного региона: музеев, театров, библиотек, литературных журналов и т. п. В Башкортостане, поликультурном регионе, имеются возможности использования культурно-познавательного потенциала не только башкирской и русской культуры, но и культуры многих других народов, проживающих в республике, – татарского, чувашского, марийского, удмуртского и т. д. Национальные театры, воскресные школы, культурные центры, выставочные залы и музеи могут стать мощной воспитывающей силой для формирования межэтнической толерантности, познания культур соседних народов.

Важным этапом работы по усвоению русского языка со всей его лингвокультурной составляющей являются, во-первых, широкая популяризация русского языка, литературы и культуры не только в образовательной среде, но и для широких слоев населения, во-вторых, разработка и внедрение программ по подготовке волонтеров из числа обучаемых (школьников, студентов) для продвижения русского языка в обществе. В вузах Республики Башкортостан функционируют центры русского языка как иностранного, а Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы стал опорным вузом по продвижению русского языка в страны ШОС, который реализует международный проект «Послы русского языка в мире».

Говоря об организации лингвистического образования в современной школе, нелишне будет напомнить о том, что русский язык – основной язык образовательной системы в России и успешное владение им дает возможность обучающимся – представителям разных этнокультурных сообществ – не только изучить другие языки, но и усвоить школьную программу целиком.

Литература

- Аспекты модернизации российской школы 2001 – Аспекты модернизации российской школы. М., 2001.
- Бальхина 2014 – *Бальхина Т.М.* К основам инновационных методик обучения русскому языку как новому // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка в поликультурном пространстве. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.
- Каменский 1955 – *Каменский Я.А.* Избранные труды по педагогике. М., 1955.
- Саяхова 2014 – *Саяхова Л.Г.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.

Языковой конфликт
сквозь призму исследовательского мониторинга
социальной напряженности в Республике Татарстан

Е.В. Храмова

*кандидат политических наук, доцент
Казанский федеральный университет,
Казань, Россия, eugenlic@mail.ru*

Аннотация. Проблема национальных языков в мультикультурных регионах имеет свою специфику. Она остро реагирует на внешние триггеры. Насколько возрастает реакция на внутренние триггеры, может дать ответ только социологическое исследование. Практику ведения таких исследований имеет Республика Татарстан. В данной статье показано, каковы результаты исследовательского мониторинга по проблеме языка в Республике Татарстан.

Ключевые слова: языковой конфликт, исследование социальной напряженности, Татарстан

Language conflict through
the prism of research monitoring
of social tensions in the Republic of Tatarstan

Evgeniya V. Khramova

*Cand. of Sci. (Politics), associate professor
Kazan Federal University, Kazan, Russia, eugenlic@mail.ru*

Abstract. The problem of national languages in multicultural regions has its own specifics. It reacts sharply to external triggers. Only sociological research can give an answer to how much the reaction to internal triggers increases. The Republic of Tatarstan has the practice of conducting such research. This article shows what the results of the research monitoring on the language problem in the Republic of Tatarstan are.

Keywords: Language Conflict, Social Tensions Study, Tatarstan

Мультикультурный регион всегда имеет свою уникальную специфику. Каждая комбинация из этнических и конфессиональных групп – неповторима и формирует феномен собственного социума, непохожего на другие. Имея по совокупности экономи-

ко-политические признаки, присущие всем регионам Российской Федерации, каждый из них отличается реакцией на одни и те же социальные вызовы. Особенно ощутима разница между моно- и мультинациональными регионами. И история, и современность показывают, например, что некоторые проблемы мультинациональных регионов не затрагивают регионы с монокультурной традицией. Таковым является вопрос о языках, имеющих распространение в том или ином регионе.

Этот вопрос имеет весьма щекотливую специфику. Выражаясь языком современных исследователей мультикультурализма: «Моя мама дала мне совет, который я запомнил на всю жизнь: “У тебя два глаза, два уха и только один рот. Используй их соответственно”» [Мейер 2019, с. 8]. То есть следует со всей внимательностью относиться к его изучению. Особенно в Российской Федерации, поскольку «языковой вопрос» – это пролонгированная российская тема с начала 90-х гг. прошлого века.

В выстраивании социальных отношений в поле языковой политики Татарстан прошел четвертьвековой индивидуальный путь: от неопределенности положения на постсоветском пространстве после распада СССР к укреплению статуса жизнеспособного инновационного региона-донора России. Значительную роль в этом становлении сыграл «языковой вопрос», выведенный на уровень приоритетных в формировании государственной политики региона. Это политическое решение было легитимировано принятием Татарстаном 6 ноября 1992 г. Конституции республики. Согласно статье 8 Конституции РТ: «Государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки» [Конституция Республики Татарстан 2002].

Волна общественного резонанса в «языковом вопросе» была поднята в очередной раз в 2017 г. На Совете по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле В.В. Путин высказался по данному вопросу: «Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации» [Путин 2017]. Выступление Президента РФ вызвало широкую полемику как в информационном пространстве классических медиа, так и в интернет-сообществах. Эта полемика была многофакторно дифференцирована: по региональной реакции на высказывание, по политизации вопроса в конкретных национальных регионах, по объемам бытового (кухонного) дискурса и т. д.

3 августа 2018 г. был принят Федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» (Закон об изуче-

нии родных языков) [Федеральный закон об образовании 2018]. Ряд национальных регионов Российской Федерации изначально выступили с критикой законопроекта. После их протестов в Администрации Президента РФ состоялись переговоры (при посредничестве С. Кириенко), в ходе которых были приняты компромиссные предложения переговорщиков от Татарстана. Согласно поправкам, родной язык остается в обязательной части учебного плана. Но устанавливается «свободный выбор языка» образования, а также выбор языка для изучения как родного или государственного языка республики по заявлению родителей (в том числе русского языка) [Большаков 2018, с. 83]. Но по мнению ряда региональных аналитиков проблема не решена до сих пор.

Эксперты, ученые, видные общественные фигуры практически единодушны в том, что нормативно-правовые основы языковой политики в современных российских условиях нуждаются в систематизации и приведении в соответствие с запросами и вызовами социально-коммуникативной и культурно-языковой динамики [Мухарьямов 2018, с. 88]. Здесь и возникает научный запрос на изучение проблематики в рамках отдельного региона.

Для научного понимания проблемы, на наш взгляд, необходимо развести понятия «родной язык» и «государственный язык». В первом случае проблематика вопроса находится в сегменте культуры, сохранения национальной идентичности, развития аутентичности народов Российской Федерации и Татарстана в частности. Во втором случае речь идет о политизации в решении вопроса владения каким-либо языком в определенном российском регионе. Выражаясь простым языком: «родной язык» – это уровень культурной коммуникации, а «государственный язык» – это уровень профессиональной коммуникации в сегменте регионального управления, формирования региональной внутренней политики.

Автор данной публикации с 2011 г. является членом ряда исследовательских коллективов по социально-политической проблематике в Республике Татарстан¹. В рамках проведенных

¹ Здесь и далее по тексту автор обращается к следующим исследованиям: Материалы фокус-групповых опросов, проведенных исследовательской группой ООО «Спецтехнология» (г. Казань) с 15 сентября по 15 октября 2017 г. в четырех городах Республики Татарстан: Казани, Альметьевске, Нижнекамске, Набережных Челнах (совместно с социологами ФНИСЦ РАН); Ежеквартальные опросы фонда «Общественное мнение – Татарстан», проводимые в республике с 2013 г. на систематической основе. В каждом количественном опросе принимают участие не менее 1500 жителей республики в возрасте от 18 лет и старше. Опросы

исследований так или иначе затрагивался вопрос бинациональных отношений между русскоязычным и татароязычным населением этого мультинационального региона. На основании ряда этих исследований мы попытаемся проанализировать динамику развития ситуации вокруг «языковой проблемы» и ее текущее состояние.

Фокус-групповые опросы в четырех городах Татарстана, проведенные осенью 2017 г. (постсобытийная ситуация вокруг языковой проблемы), дают четкое понимание реакции и понимания общества на развитие событий: *«Обратите внимание, когда у нас стал актуален вопрос с татарским языком, снизу инициатив никаких не проявлялось, формирование национальных и культурных наследий, религиозных этносов поддерживается только сверху. Для представителей частного сектора (НКО, бизнес) это не актуально, на это не обращают внимания. Но напряжения нет»* (муниципальный служащий, 38 лет, Альметьевск). Представители бизнеса солидарны с точкой зрения чиновников: *«Истек договор (Договор о разграничении предметов ведения между РФ и РТ. – Примеч. автора), подвешенное состояние. Но социальное самочувствие – это вопрос, который раскалывает население. Этнические татары, которые хотят отстоять свои культурные особенности, видят в событиях нажим на них, понимают, что нажим идет на власть, но так или иначе это касается народа, поэтому если нажим продолжится, то это приведет к плохим последствиям. Государству нужно обращать больше внимания (на*

осуществляются методом интервьюирования респондентов по месту жительства (исследование можно считать репрезентативным с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,5%); глубинных интервью в рамках ежеквартального мониторинга «Выявление текущих и назревающих проблем, угрожающих стабильности Татарстана», проводимых с 2014 г.; ежеквартального телефонного опроса «Факторы конфликтности в обществе», проводимого с 2018 г. (автор статьи является одним из разработчиков опросников к данному исследованию и аналитиком по результатам мониторинга); исследования на основе фокус-групповых опросов «Электоральная ситуация накануне выборов в Госсовет РТ» в трех городах РТ (автор публикации являлся полевым исследователем и аналитиком по заказу одной из политических групп); экспертного опроса исследовательской группы кафедры конфликтологии ИСФНМК К(П)ФУ «Оценка уровня конфликтности и социальной напряженности в Республике Татарстан» (опрос проводился методом глубинного интервью в декабре 2018 г. в г. Казани. Экспертный пул составили представители государственного, общественного и медийного секторов республики).

языковую проблему. – *Примеч. автора*), это его епархия. Бизнес и НКО работают с людьми, но для них признаки национальность и вера стираются. Люди приходят с социальными проблемами, которые нужно решить» (представитель социального бизнеса, 42 г., Альметьевск).

Эксперты в интервью 2018 г. (по факторам социальной напряженности в РТ) о языковой ситуации 2017 г.: «Это языковой фактор, мы это могли наблюдать, когда возникли изменения в законодательстве. Татароязычная общественность рьяно взялась за отстаивание своего права. Здесь необходимо было информационно разъяснять разницу между государственным и национальным языком. Ведь под эту категорию попал не только татарский язык, но и другие языки, которые изучаются на территории Республики Татарстан в национальных школах». Согласно этому исследованию, социальная напряженность в РТ по шкале «1 – базовый уровень социальной напряженности, необходимый для развития общества, а 10 – ситуация, близкая к гражданскому неповиновению» не превышает 5 по общему уровню и 4,3 по сферам жизнедеятельности общества. Основными конфликтными точками респондентами называются межличностная и профессиональная (организационная) коммуникации. Межнациональной напряженности, в том числе и языковой проблемы, в ответах экспертов не отмечается.

В рамках мониторинговых исследований, ведущихся с 2014 г., наблюдается устойчивая корреляция ответов на вопросы, связанные с социально-политической ситуацией, у представителей разных национальностей: русских, татар, чувашей и др. Нет разброса выше статистической погрешности исследования между ответами на одни и те же вопросы. Более того, в качестве причин конфликтности в обществе называются одни и те же проблемы всеми национальностями и проблемы языка среди этих причин нет. Аналогичная ситуация и при анализе представителей разных конфессий.

Таким образом, многолетняя исследовательская практика показывает, что языковой конфликт не входит в число факторов повышения социальной напряженности в Республике Татарстан. В видении проблемы представители всех слоев населения и социально-профессиональных групп однозначно относят языковой вопрос к сфере ведения органов государственного управления республики и федерации. Вариативность причин зависит от степени углубленности, вовлеченности акторов в данную проблему. На основании вышесказанного можно выделить две позитивные тенденции в анализе поставленной проблемы: во-первых, она не уходит корнями в бытовую ситуацию, а значит, маловероятно

приведет к «коммунальным конфликтам» [Цой 2001]; во-вторых, стоит отметить грамотную и эффективную межнациональную политику в регионе, проводимую представителями всех ветвей власти Республики Татарстан.

Благодарности

Публикация осуществляется в рамках реализации научного проекта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19-011-31376 «Конфликтологический аудит как система технологий воздействия на идеологический молодежный экстремизм в современной России».

Литература

- Большаков 2018 – *Большаков А.Г.* Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта // Вопросы этнополитики. 2018. № 1 (1). С. 78–85.
- Конституция Республики Татарстан 2002 – Конституция Республики Татарстан. Режим доступа: http://minjust.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1084014.pdf.
- Мейер 2019 – *Мейер Э.* Карта культурных различий. Как люди думают, руководят и добиваются целей в международной среде. М., 2019, 133 с.
- Мухарямов 2018 – *Мухарямов Н.М.* Языковая политика и нацистроительство в меняющихся контекстах // Вопросы этнополитики. 2018. № 1 (1). С. 86–92.
- Путин 2017 – Путин: национальные республики не должны сокращать русский язык в школах // ИА Интерфакс, 20 июля 2017 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/07/20/724978-putin-yazik>
- Федеральный закон об образовании 2018 – Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Портал информационно-правового обеспечения ГАРАНТ. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/72005580/paragraph/1:0>
- Цой 2001 – *Цой Л.Н.* Практическая конфликтология. Книга первая. – М.: ООО ИПЦ «Глобус», 2001.

Модели образовательной языковой политики в многонациональном государстве

А.В. Щербаков

кандидат филологических наук, доцент

Государственный институт русского языка

им. А.С. Пушкина, Москва, Россия, avscherbakov@pushkin.institute

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации языковой политики в сфере образования с учетом региональной специфики и условий особенностей многонационального государства.

Ключевые слова: языковая политика, билингвизм, многонациональное государство, языковая ситуация, многоязычие, государственный язык, родной язык

Models of educational language policy in a multinational state

Andrei V. Shcherbakov

Cand. of Sci. (Philology), Associate professor

Pushkin State Russian Language Institute,

Moscow, Russia, avscherbakov@pushkin.institute

Abstract. The article is devoted to the implementation of language policy in the field of education, taking into account the regional specifics and conditions of the features of a multinational state.

Keywords: language policy, bilingualism, multinational state, language situation, multilingualism, state language, native language

Постановка проблемы. Языковая политика традиционно определяется как совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в государстве. Особой сложностью отличается языковая политика в многонациональном государстве, так как она должна учитывать факторы многоязычия, национального состава и межнациональных отношений, роль отдельных языков и их носителей в общественной жизни. При этом языковая политика является составной частью национальной политики. В современной России наблюдается сложная языковая ситуация, что требует особых подходов

в организации функционирования сферы образования, так как именно эта сфера является ключевой для решения задач, определенных Конституцией РФ и другими законодательными актами федерального и регионального уровней.

Методика исследования. В ходе исследования использовался описательно-аналитический метод, позволяющий в результате анализа языковой ситуации и законодательства в сфере языковой политики определить и описать возможные модели языковой политики в сфере образования с выделением ключевых (основных) моделей, обосновать возможность их применения в многонациональном государстве с учетом региональной специфики.

Результаты исследования. В настоящее время на территории Российской Федерации функционирует более 150 языков (в разных источниках указываются различные данные, поскольку нет четких критериев выделения отдельных языков, их отграничения от диалектов и т. п.). По данным Института языкознания РАН, за последние 150 лет исчезло 14 языков, из них в постсоветское время – 7, еще порядка 18 языков находятся на грани исчезновения.

Согласно статье 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык, однако республики в составе страны вправе устанавливать свои государственные языки. Кроме русского статус государственного в отдельных регионах имеют 36 языков. Таких регионов в России 21, а из всех национальных республик только в Карелии карельский язык не является государственным языком региона, он имеет только статус официального. Некоторые языки имеют особые статусы и могут использоваться в местах компактного проживания соответствующего народа, изучаться в системе образования, на этих языках могут издаваться газеты и художественная литература.

Помимо Конституции вопросы языковой политики нашли отражение в законе «О языках народов РСФСР», принятом в 1991 г. и фактически на законодательном уровне закрепившем двуязычие и многоязычие, а также в Федеральном законе № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (принят Государственной Думой 20 мая 2005 г., одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 г.; последние изменения внесены 5 мая 2014 г.). В законе о государственном языке определены сферы его использования и другие вопросы, в том числе вопросы защиты и поддержки государственного языка, обеспечения права граждан на пользование государственным языком, ответственности за нарушение законодательства о госязыке.

9 апреля 2016 г. постановлением Правительства РФ (№ 637-р) была утверждена Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации. Данный документ представляет особый интерес, поскольку в нем формулируются основные проблемы языкового образования в стране. Фактически речь идет о том, что в многонациональном государстве необходима реализация модели билингвального образования.

Обсуждение результатов. Языковая ситуация – это «функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества» [Беликов, Крысин 2001, с. 26]; это совокупность языков и форм существования языков (диалекты, функциональные стили, жаргоны и т. п.), которые обслуживают определенный социум. При этом с учетом специфики многонационального государства «языковая политика требует особой гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, где соотношение языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни тесно связано с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности» [Беликов, Крысин 2001, с. 263].

В условиях, когда стоит задача формирования единого коммуникативного пространства, сохранения целостности государства при безусловной реализации права на общение на родном языке, его сохранения и возможности изучения, необходимо соблюдать гибкость и осторожность в реализации языковой политики. «Общая задача языковой политики – формирование и регулирование механизмов толерантного сосуществования и взаимодействия разных языков и культур в целях коммуникативной интеграции как необходимого условия национальной идентичности. В ситуации разноязычия возрастает роль государственного официального языка» [Купина 2014, с. 42–43].

Очевидно, что в условиях многоязычия функциональный статус языков неравноправен. «Для решения проблемы функционального распределения общественных функций между русским языком и национальными языками необходимы следующие исходные действия: изучение состояния конкретного языка (формы существования и реализации, уровень развития); определение реальных общественных функций и сферы использования в современных условиях; выявление степени востребованности языка собственными носителями; определение потенциальных возможностей языка» [Языковая политика 2015, с. 7–8].

В Концепции преподавания русского языка и литературы сформулированы ключевые проблемы преподавания и изучения

государственного языка. Однако, по нашему мнению, указанные в Концепции проблемы можно отнести и к родным языкам народов России.

Проблема мотивации к чтению современных школьников является одной из самых актуальных. При этом речь идет не столько об объеме прочитанного (современные школьники читают не меньше школьников конца XX в.), а о качестве прочитанного и усвоенной информации. В современных условиях, во-первых, меняется качество чтения, а во-вторых, выбор текстов. При изучении языка необходима опора на современные, актуальные тексты, а не только на тексты художественные, ведь речь идет прежде всего об освоении инструмента коммуникации, а потому в качестве учебных следует привлекать тексты средств массовой информации, актуальные диалоги и т. д. Чтение же текстов прошлого века не вызывает интереса у школьников, тем более что они избилуют устаревшей лексикой и выходящими из употребления грамматическими вариантами.

Проблемы содержательного характера: система преподавания ориентирована на изучение русского и других языков, а отчасти и литературы, в теоретическом плане; отсутствуют блоки, важные для формирования способности самовыражения, интереса к языку, развития лингвистического чутья и вкуса.

Проблемы организационно-методического характера: неравный уровень владения русским языком делает необходимым создание и внедрение методик преподавания русского языка и других предметов в условиях многоязычия; требуют совершенствования методики и приемы формирования интереса к чтению; недостаточно используется потенциал учреждений культуры (музеи, библиотеки, театры, выставочные площадки и др.).

Кадровые проблемы: подготовка учителей-словесников схоластична, оторвана от реальной практики, перегружена ненужными, устаревшими сведениями; профессиональная поддержка учителей русского и других языков России носит несистемный характер; система оценки качества работы учителей не способствует их профессиональному росту.

Невысокий уровень результатов ЕГЭ в школах тех регионов, где преподавание ведется не только на русском языке, указывает на необходимость пересмотра организации учебно-воспитательного процесса. В соответствии с действующим законодательством итоговая государственная аттестация школьников предусмотрена на русском языке. Наиболее рациональной и эффективной в таких условиях является такая организация образования, при которой обучение по основным предметам ведется на русском языке с начального этапа на всей территории Российской Федерации.

Кроме того, для решения существующих проблем необходимо осуществить комплекс мер по разработке учебных изданий (учебников по русскому и другим языкам народов России нового поколения; хрестоматий, расширенных за счет дополнительного (вариативного) материала и включающих кроме текстов художественных произведений комментарии, вопросы и задания; современных словарей разных типов, прошедших обязательную профессиональную экспертизу).

Требуется и разработка методик преподавания русского языка и других учебных предметов в условиях многоязычия, опирающихся на достижения современной лингвистики и теории межкультурной коммуникации. Государственная итоговая аттестация по учебному предмету должна включать оценку уровня владения не только письменной, но и устной речью.

Необходимо создание системы непрерывной профессиональной поддержки учителей русского языка и литературы, учителей других предметов и директоров школ, работающих в условиях обучения русскому языку как неродному. Ядром такой системы должны стать открытые электронные образовательные среды, обеспечивающие доступ к программам повышения квалификации вне зависимости от места проживания.

Проведение образовательной языковой политики должно учитывать языковую ситуацию в регионах, а также накопленный опыт организации учебного процесса. К примеру, в 2013 г. парламент Адыгеи вернул отмененное в 2007 г. обязательное изучение родного языка для детей-адыгейцев в школах, где обучение ведется на русском языке. По данным на 2017 г., в 43 дошкольных общеобразовательных учреждениях республики 4759 детей изучали адыгейский язык, 127 – обучались основам этнокультуры, адыгейским обычаям и традициям. Во всех русскоязычных школах изучаются история и география Адыгеи, и для русскоязычных учащихся предоставлена возможность выбора изучения адыгейского языка или адыгейской литературы. Всего адыгейский язык изучают порядка 22 тыс. школьников, а адыгейскую литературу – около 27 тыс. учащихся.

Таким образом, в многонациональном государстве билингвизм и/или мультилингвизм – реальность, от которой невозможно уйти. В таких условиях изучение родного языка наряду с государственным может осуществляться по нескольким моделям: 1) школа с родным языком обучения с 1 по 11 класс при параллельном изучении русского языка как государственного; 2) школа с обучением на родном языке по 9 класс с дальнейшим обучением на русском языке; 3) школа с обучением на родном языке по 5 класс с дальнейшим обучением на русском языке; 4) школа

с обучением на русском языке с углубленным изучением родного языка; 5) школа, основанная с учетом этнических традиций.

Реализация первой и второй моделей образовательной языковой политики возможна только при высоком качестве преподавания русского языка, поскольку итоговая аттестация в школе проводится на государственном языке Российской Федерации, равно как и дальнейшее обучение в вузах.

Третья модель – школа с обучением на родном языке по 5 класс с дальнейшим обучением на русском языке – подразумевает хорошее методическое обеспечение (наличие учебников, словарей, методических разработок) и подготовленные кадры для преподавания русского и других родных языков народов России. Кроме того, эта модель может быть реализована в моноэтнических регионах.

Четвертая модель представляется наиболее универсальной. Школа, в которой обучение изначально ведется на русском языке, а параллельно углубленно изучается родной язык, позволит подготовиться к итоговой аттестации по русскому языку и другим предметам, будет способствовать созданию равных условий для продолжения образования в вузах. Четвертая модель лучше, на наш взгляд, подходит и для реализации конституционного права на изучение родного языка.

Пятая модель больше подходит для мест компактного проживания малочисленных народов в условиях функционирования языков, не имеющих статуса государственного в том или ином регионе.

Заключение (выводы). В многонациональном государстве при условии реализации демократичной языковой политики возможен лишь вариант билингвального (мультилингвального) образования, когда учащиеся имеют возможность изучать как свой родной (этнический) язык, так и государственный язык страны. В российских условиях оптимальной представляется модель школы с обучением на русском языке с параллельным углубленным изучением родного языка.

Литература

- Беликов, Крысин 2001 – *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001.
- Купина 2014 – *Купина Н.А.* Русский язык в мультикультурном обществе: теоретические вопросы и прикладные задачи // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: Монография / Отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. М.: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 41–51.
- Языковая политика 2015 – Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015.

Роль медиа в сохранении языков меньшинств

О.Б. Януш

*кандидат политических наук, доцент
Казанский государственный энергетический университет,
Казань, Россия, yanush_ob@yahoo.com*

Аннотация. Статья посвящена роли медиа в сохранении языков меньшинств. Отмечается, что существование СМИ на языке меньшинства – это не только признак языковой витальности, но и публичная сфера, позволяющая вовлекать меньшинства в политическую жизнь и предоставлять им собственный голос. Описываются роль государства в развитии и использовании современных СМИ на языках меньшинств и российский опыт.

Ключевые слова: языки меньшинств, СМИ, публичные блага, статус языка, языковое разнообразие

The role of mass media in preserving minority languages

Olga B. Yanush

*Cand. of Sci. (Politics), associate professor
Kazan State Power Engineering University,
Kazan, Russia, yanush_ob@yahoo.com*

Abstract: The article focuses on the role of media in preserving minority languages. It is noted that the existence of media in the minority language is not only a sign of linguistic vitality, but also a public sphere, which allows involving minorities in political life and providing them with their own voice. The role of the state in the development and use of modern media in minority languages and Russian experience are described.

Keywords: minority languages, mass media, public goods, language status, linguistic diversity

При исследовании статуса языкового меньшинства существование СМИ на языке меньшинства часто интерпретируется как признак его витальности (жизнеспособности). Средства массовой информации предоставляют публичную сферу, в которой меньшинство может поддерживать и развивать язык и культуру

и представлять свои интересы. Отношения и ценности, выраженные СМИ большинства (мажоритарными СМИ), также несут значительный вес для сообщества меньшинства (миноритарного сообщества). СМИ играют важную роль в передаче и легитимации отношений власти и в производстве и воспроизведении этнических идентичностей. СМИ также могут стать важным инструментом в поддержании языка [Tanczos 2015, p. 92–93]. Кристал даже рассматривает доступ к СМИ как необходимое условие языкового выживания для меньшинства [Tanczos, p. 93]. Бернард Спольски в этой связи отмечает: «Наличие газеты на вашем родном языке, безусловно, является важным фактором поддержания статуса и использования языка» [Spolsky 2009, p. 76].

Репрезентации этнических меньшинств в медиа большинства были темой нескольких исследований за последние десятилетия [Moring 2019, p. 434] Эти исследования показывают, что меньшинства, как правило, недостаточно представлены и стереотипно охарактеризованы, даже представлены в негативном свете. Их изображение (описание) часто фокусируется на проблемах, в то время как структурные неравенства, от которых они страдают, в значительной степени игнорируются [Moring, p. 435]. Поэтому одна из основных функций медиа меньшинства – они должны выступать в качестве публичной сферы, позволяющей вовлекать меньшинства в политическую жизнь и предоставлять им собственный голос. Медиа также могут создать чувство принадлежности к группе, создавая тем самым идентичности [Moring, p. 435–436].

Следует рассмотреть несколько функций средств массовой информации меньшинств, которые отличают их от СМИ большинства. СМИ меньшинства не обязательно необходимо конкурировать со СМИ большинства, так как у них может быть своя собственная цель. Средства массовой информации на языках меньшинств могут рассматриваться как профилактический инструмент против того, чтобы сводить традиции меньшинства к уровню простого фольклора. Возможность сообщать о современных явлениях требует постоянного развития и планирования языка. СМИ также имеют значительное символическое значение в сигнализации о способностях языкового сообщества в современном мире [Moring, p. 436].

Анализ того, как пресса отзывается о языковых меньшинствах, в конечном итоге «отражает ситуацию, в которой языковые меньшинства пытаются сохранить и возродить свой родной язык» [Карьялайнен и др. 2013, с. 76–77]. Отношение, высказываемое в прессе на доминирующем языке, в определенной степени объясняет отношение доминирующей части общества к сообществам,

представляющим малочисленные народы. «Мнения и отношения, выражаемые через СМИ на языках малочисленных народов, говорят о трудностях и перспективах национальных общин, которыми члены сообщества делятся друг с другом» [Карьялайнен и др. 2013, с. 76].

Отдельным вопросом следует рассматривать роль государства в развитии и использовании современных средств массовой информации на языках меньшинств и сам фокус такого вмешательства. Должен ли быть сделан акцент на правовых стандартах в отношении языков меньшинств или же следует обращать внимание на то, что происходит за пределами правовой плоскости? Франсуа Грин в докладе на тему «Языковое планирование, публичная политика и роль медиа на языках меньшинств» приводит веские аргументы в пользу вмешательства государства в сферу поддержки СМИ на языках меньшинств. Он утверждает, что «сохранение разнообразия, в том числе языков меньшинств как *ключевых* элементов разнообразия, само по себе хорошо»; проводит параллели с биоразнообразием и отмечает, что вмешательство государства в биоразнообразии, чтобы сохранить и поддерживать естественную среду, имеет те же аналитические причины и не может быть оставлено на «усмотрение рыночных сил» [Grin 2000]. Эти положения применимы к языковому разнообразию. Так же как и другие удобства, которые окружают нас, – уличное освещение или качество воздуха и воды, языки вокруг нас, большее или меньшее разнообразие этих языков составляют окружающую среду, которая представляет основные характеристики публичных благ» [Grin 2000]. Следовательно, нет абсолютно никакой гарантии, что свободный рынок, т. е. децентрализованные решения, принимаемые социальными акторами, порождает поведение, которое приведет к соответствующей степени разнообразия и адекватному присутствию, использованию, изучению и т. д. языков меньшинств в окружающей среде.

Важным инструментом в международной практике защиты региональных языков и языков меньшинств стало принятие Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, подписание которой состоялось 5 ноября 1992 г. Хартия включает преамбулу и пять частей. В части III изложены меры по содействию в использовании региональных языков или языков меньшинств в основных сферах общественной жизни, где средства массовой информации (ст. 11) стоят в одном ряду с образованием (ст. 8), судебными властями (ст. 9), административными органами и государственными службами (ст. 10), культурными мероприятиями и объектами (ст. 12), экономической и общественной жизнью (ст. 13) [Европейская Хартия 1992].

В Пояснительном докладе к Хартии указывается значимость массмедиа в сфере языковой политики: «Сегодня ни один язык не может сохранить свое влияние, если у него нет доступа к новым формам массовых коммуникаций. Их развитие во всем мире и развитие технологий ведут к ослаблению культурного влияния менее распространенных языков» [Нурутдинова 2018, с. 1251].

Статья 11 Хартии разделена на три пункта. В первом пункте стороны, подписавшие Хартию, обязуются:

а) в той степени, в какой радио и телевидение выполняют роль государственной службы:

a.i) обеспечивать создание по крайней мере одной радиостанции и одного телевизионного канала, вещающих на региональных языках или языках меньшинств; или

a.ii) поощрять создание и/или содействовать созданию, по крайней мере, одной радиостанции и одного телевизионного канала, вещающих на региональных языках или языках меньшинств; или

a.iii) принимать соответствующие меры для того, чтобы структуры телерадиовещания предусматривали наличие программ на региональных языках или языках меньшинств;

b.i) поощрять создание и/или содействовать созданию, по крайней мере, одной радиостанции, вещающей на региональных языках или языках меньшинств; или

b.ii) поощрять вещание и/или содействовать вещанию на регулярной основе радиопрограмм на региональных языках или языках меньшинств;

c.i) поощрять создание и/или содействовать созданию, по крайней мере, одного телевизионного канала, вещающего на региональных языках или языках меньшинств; или

c.ii) поощрять вещание и/или содействовать вещанию на регулярной основе телевизионных программ на региональных языках или языках меньшинств;

d) поощрять производство и распространение и/или содействовать производству и распространению аудио- и аудиовизуальной продукции на региональных языках или языках меньшинств;

e.i) поощрять создание и поддержку и/или содействовать созданию и/или поддержке, по крайней мере, одной газеты на региональных языках или языках меньшинств; или

e.ii) поощрять публикации и/или содействовать публикациям на регулярной основе газетных статей на региональных языках или языках меньшинств;

f.i) оплачивать дополнительные расходы тех средств массовой информации, которые используют региональные языки или

языки меньшинств, если законом предусматривается финансовая поддержка средств массовой информации в целом; или

f.ii) распространять существующие меры финансовой поддержки производства аудиовизуальной продукции на региональных языках или языках меньшинств;

g) оказывать помощь в подготовке журналистов и другого персонала для средств массовой информации, использующих региональные языки или языки меньшинств.

Пункты 1.a, 1.b, 1.c, 1.e, 1.f указанной статьи Хартии подразделяются на уровни (i, ii, iii), которые определяют степень обязательства по поддержке СМИ на региональных языках.

В пункте 2 стороны принимают на себя обязательства гарантировать свободу прямого приема радио- и телевизионных передач из соседних стран на региональном языке. Пункт 3 обязывает стороны следить за тем, чтобы интересы лиц, пользующихся региональными языками или языками меньшинств, были представлены или принимались во внимание в тех органах, которые могут быть учреждены в соответствии с законом и с задачей гарантировать средствам массовой информации свободу и многообразие форм.

Российская Федерация присоединилась к странам, подписавшим Хартию [Распоряжение Президента РФ 2001], однако не ратифицировала ее.

В то же время есть опыт, который демонстрирует Роспечать, когда пять лет назад они внесли тему межнациональных отношений в перечень приоритетных и с тех пор начали просто перераспределять уже имеющиеся у них средства. За пять лет в 12,5 раза увеличилась поддержка СМИ на языках народов России по линии субсидий Роспечати. Было в 2014 г. 5,5 млн руб., а в этом году – 70. Вопрос финансирования СМИ на языках народов России стал предметом обсуждения в ходе заседания Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ в Нальчике в ноябре 2019 г., в ходе которого М. Лянге (Гильдия межэтнической журналистики) отметила: «И у меня в связи с этим такое предложение. Может быть, Правительству создать какие-то инструменты, может, Вы поручите Правительству подумать над инструментами, которые обеспечили бы при выделении уже действующих объемов финансирования СМИ использование какой-то части из этого бюджета на информационное сопровождение госнацполитики. 3,5 процента – давайте хотя бы это, и мы уже увидим, как изменится ситуация. И конечно, очень надо внимательно следить за эффективностью расходования этих средств, чтобы у нас не слили это всё опять в матрёшки и гармошки, Сабантуй, Масленицу и так далее, потому что тема очень серьёзная» [Заседание 2019].

В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в числе задач в сфере государственной национальной политики по поддержке русского языка как государственного языка РФ и языков народов России закреплены следующие положения: обмен теле- и радиопрограммами, аудио- и видеоматериалами, печатной продукцией на национальных языках между субъектами Российской Федерации; возрождение и поддержка практики перевода произведений отечественной литературы на языки народов России [Стратегия 2025].

В России насчитывается около 100 языков, имеющих письменность. Примерно на 60 из них издаются книги, выходят газеты и журналы.

В 2018 г. книги выпускались на 52 языках народов России, помимо русского. Из общего числа в 954 книги и брошюры, выпущенных на языках народов России (без учета русского), 258 названий (27%) – это издания на татарском языке, выпущенные тиражом 1015,5 тыс. экз. (38,5%) (в 2017 г. – 299 названий тиражом 537,1 тыс. экз.); 148 названий (15,5%) – книги на якутском языке, выпущенные тиражом 437,8 тыс. экз. (16,6%) (в 2017 г. – 115 названий тиражом 176,3 тыс. экз.); 141 название (14,8%) – книги на башкирском языке, отпечатанные тиражом 733,2 тыс. экз. (27,8%) (в 2017 г. – 213 названий тиражом 998,4 тыс. экз.).

В 2018 г. выпуск переводной литературы осуществлялся с 50 языков народов России, помимо русского. Из 222 изданий 38 названий (17,1%) – это переводы с татарского языка, выпущенные тиражом 52,4 тыс. экз. (24,5%) (в 2017 г. – 45 названий, выпущенных тиражом 89,6 тыс. экз.); 18 названий (8,1%) – переводы с чувашского языка, которые вышли тиражом 16,1 тыс. экз. (7,5%) (в 2017 г. – 10 названий тиражом 12,2 тыс. экз.), и 17 названий (7,7%), отпечатанные тиражом 32,1 тыс. экз. (15%) (в 2017 г. – 22 названия, отпечатанные тиражом 17,8 тыс. экз.), – это переводы с якутского языка [Книжный рынок России 2018].

Важным аспектом исследования роли медиа в сохранении языков меньшинств также выступает изучение медиатекстов с помощью критического дискурсивного анализа, направленного на получение информации о том, как языки меньшинств и языковые сообщества представлены в СМИ большинства и меньшинства.

Литература

- Европейская Хартия 1992 – Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. – Страсбург: Совет Европы, 5 ноября 1992 г. Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098>
- Заседание 2019 – Заседание Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ 29 ноября 2019 г. в Нальчике. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/28/62160>
- Карьялайнен и др. 2013 – *Карьялайнен Х., Пуура У., Грюнталь Р., Ковалёва С.* Карельский язык в России. Отчёт ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации. – Майнц: Исследовательский консорциум ЕЛДИА (ELDIA), 2013. 269 с.
- Нуртудинова 2018 – *Нуртудинова Н.Р., Мустафина Д.Н., Петров Е.В.* Поддержка региональных средств массовой информации в контексте Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 5. С. 1249–1267.
- Книжный рынок России 2018 – Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018; Печать РФ: Статистический сборник. Статистические показатели за 2018 г. Режим доступа: http://bookchamber.ru/download/stat/stat_2018.zip
- Распоряжение Президента РФ 2001 – Распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 г. № 90-рп «О подписании Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств». Режим доступа: <http://base.garant.ru/2561009/#friends>
- Стратегия 2025 – Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1>
- Grin – *Grin F.* Language Planning, Public Policy and the Role of Minority Language Media. Режим доступа: <https://gaia.es/multilinguae/pdf/Grin.PDF>
- Moring 2019 – *Moring T.* Minority Language Media: Issues of Power, Finance and Organization // *The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities.* London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 433–450.
- Spolsky 2009 – *Spolsky B.* Language Management. New York: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
- Tanczos 2015 – *Tanczos O.M.* Representations of Karelians and the Karelian language in Karelian and Russian local newspapers // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics.* 2015. Vol. 6, no. 1. P. 91–110.

Государственный язык
как одна из фундаментальных основ
национальной и гражданской идентичности

Араз Огтай оглы Мурсалиев

*эксперт, Комиссия по миграционным вопросам
и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета
при Президенте Российской Федерации
по межнациональным отношениям,
Москва, Россия, arazmursaliev@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается статус русского языка и языков народов России. Особое внимание уделяется государственным мерам по сохранению языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и языкам национальных меньшинств, представители которых прибыли на территорию Российской Федерации из бывших республик Советского Союза. Подчеркивается важная роль продуманной нормативно-правовой базы государственной языковой политики. Раскрывается роль системы образования и СМИ в сохранении языкового многообразия России. Указывается на необходимость дальнейшего совершенствования и развития государственной национальной языковой политики, формулируются основные цели и задачи политики на современном этапе.

Ключевые слова. Россия, Российская Федерация, Государственная языковая политика, государственный язык, языки коренных малочисленных народов, национальная и гражданская идентичность.

The state language as one of the basics
of national and civic identity

Araz Ogtay ogly Mursaliev

*Expert, Commission on Migration Issues and Social
and Cultural Adaptation of Foreign Citizens of the Council under
the President of the Russian Federation on Inter-Ethnic Relations,
Moscow, Russia, arazmursaliev@gmail.com*

Abstract. The article discusses the status of the Russian language and languages of the peoples of Russia. Particular attention is paid to state measures to preserve the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East and the languages of national minorities, whose

representatives arrived in the Russian Federation from the former republics of the Soviet Union. The important role of a regulatory framework of the state language policy is emphasized. The role of the education system and the media in preserving the linguistic diversity of Russia is revealed. The need for further improvement and development of the state national language policy is indicated, the main goals and objectives of the policy at the present stage are formulated.

Keywords: Russia, Russian Federation, State language policy, state language, indigenous languages, national and civil identity.

В современной России проживают 193 народа, говорящих более чем на 230 языках. Все они имеют полное право на сохранение своего национального культурного достояния. Это право гарантировано им Конституцией Российской Федерации.

Современная государственная национальная политика Российской Федерации ставит своей приоритетной задачей укрепление духовной консолидации многонационального народа страны в единую гражданскую нацию при сохранении этнокультурного и языкового многообразия России. Республики, входящие в состав Российской Федерации, обладают конституционным правом установления своих государственных языков, которые используются в органах государственной власти и органах местного самоуправления наряду с русским языком.

Президент Российской Федерации Владимир Путин, выступая на форуме «Машук», посвященном вопросам образования и национальной политики в данной сфере, в том числе, подчеркнул важность и значимость изучения национальных языков народов России. Еще 19 декабря 2012 г. В.В. Путин утвердил Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Указ 2012].

Российская Федерация отличается от других государств современного мира наличием продуманной и эффективной государственной национальной и языковой политики, направленной на защиту права представителей народов России говорить, получать образование, потреблять информацию не только на русском языке, но и на своих родных языках. Это очень большое достижение на фоне процессов глобализации современного мира.

В Российской Федерации уделяется большое внимание поддержке не только государственного языка РФ, официальных языков республик, но и языков коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Более того – создаются условия для изучения и сохранения языков национальных меньшинств, представители которых прибыли на территорию

Российской Федерации из бывших республик Советского Союза [Мачинская 2014].

Важнейшая роль в сохранении национальных языков народов России принадлежит системе образования. Именно системное изучение национальных языков в дошкольном образовательном учреждении, в средней общеобразовательной школе обеспечивает их усвоение и сохранение подрастающими поколениями. По данным Министерства образования и науки РФ, в 2017/18 уч. г. более 1,5 млн российских школьников изучали национальные языки. В системе образования РФ используется 24 языка в качестве языка обучения и 81 язык в качестве предмета изучения.

На наиболее высоком уровне их преподавание поставлено в средних общеобразовательных учреждениях таких республик, как Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Чеченская Республика, Республика Дагестан. Высокие показатели владения национальным языком, помимо русских, демонстрируют чеченцы (94%), кабардинцы, карачаевцы, якуты (по 86%). Всероссийская перепись населения 2010 г. показала, что родной язык, соответствующий национальности, указали 99% чеченцев, 98% даргинцев и кабардинцев, 95% лезгин, 93% якутов и осетин. Немаловажная роль в этом принадлежит системе школьного образования в республиках [Мурсалиев 2019].

Не менее значимым фактором, чем школьное образование, для сохранения и развития национальных языков России остается существование и активная деятельность средств массовой информации. Развитие информационно-коммуникационных технологий способствовало не только росту количества информационных ресурсов на национальных языках народов России, но и повышению их доступности, расширению охвата, в том числе, и среди представителей молодого поколения.

Успешное решение задач по сохранению национальных языков страны прямо зависит от нормативно-правовой базы. В Российской Федерации она более, чем достойная: право граждан России разговаривать на родных языках, изучать их гарантируют Конституция Российской Федерации, федеральное и региональные законодательства в сфере языковой и национальной политики. Совершенствование законодательства в сфере языковой политики привело к существенному улучшению ситуации: появляются новые дошкольные и общеобразовательные учреждения с преподаванием национальных языков, увеличивается число средних и высших профессиональных педагогических учебных заведений, в которых осуществляется подготовка педагогических кадров со знанием национальных языков.

Но тем не менее ряд проблем в сфере языковой политики все же сохраняется. В первую очередь, наблюдаются проблемы с сохранением языков коренных малочисленных народов России, которых насчитывается, по переписи 2010 г., 47 общей численностью в 316 тыс. человек. Однако был принят 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», который обеспечивает сохранение языков этих народов. Важным событием последних лет стало подписание Указа Президента Российской Федерации от 26 октября 2018 г. «О создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации».

Таким образом, в Российской Федерации соблюдаются и защищаются права народов страны на изучение своих родных национальных языков. Ведущая роль в данном процессе принадлежит органам государственной власти, институтам образования, средствам массовой информации. Вместе с тем, существует очевидная потребность в дальнейшем совершенствовании и развитии государственной языковой политики.

Литература

- Мачинская 2014 – *Мачинская Д.А.* Законодательное регулирование языков национальных меньшинств (народов) в Российской Федерации // Известия МГТУ «МАМИ». 2014. Т. 5. № 1(19). Серия «Социально-гуманитарные науки». С. 204–209.
- Мурсалиев 2019 – *Мурсалиев А.* Существует потребность в развитии государственной языковой политики в РФ [Электронный ресурс]. Регионы России. URL: <http://www.gosrf.ru/news/39275/> (дата обращения 11.11.2019).
- Указ 2012 – Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. №703.) Москва, Кремль, 19 декабря 2012 года, № 1666 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page/1> (дата обращения 05.10.2019).

Языковая политика
в контексте этноязыковой ситуации
в республиках Урало-Поволжья

Ф.Г. Сафин

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий отделом этнополитологии,
главный научный сотрудник Института
этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН,
Уфа, Россия, failsafin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы языковой политики в регионах Урало-Поволжья в контексте современной этноязыковой ситуации. Отмечается, что среди нерусских народов, хотя они и составляют значительную долю в составе населения в республиках, удельный вес лиц, признавших свой родной язык в пользу русского, уменьшается от переписи к переписи. Классическим примером такой ситуации является Башкортостан, где наряду с титульной этнической группой – башкирами (29,5%), представлены русские – 36,0%, татары – 25,4% и др. национальности (8,1%). Согласно Закону Республики Башкортостан «Об образовании», все учащиеся общеобразовательных школ обязаны изучать башкирский язык, который имеет государственный статус. Однако этот пункт закона встретил сопротивление со стороны родителей и общественности, которые поддержали факультативный характер изучения языка титульной группы. Представители «северо-западных башкир» с родным татарским языком, которые составляют более 200 тыс. чел. и более 90 тыс. башкир с родным русским также выступили против изучения башкирского языка. Ситуация, связанная с обязательным изучением языка титульного населения всеми учащимися в республиках Урало-Поволжья, создала конфликтный потенциал в регионах. Поэтому при проведении языковой политики в республиках необходимо исходить из сложившейся веками реальной этноязыковой ситуации и учитывать национально-языковые интересы всех народов, проживающих в регионе.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, родной язык, Урало-Поволжье, национально-региональный компонент, титульное население.

Language policy in the context
of an ethnic language situation
in the republics of the Ural-Volga region

F.G. Safin

*Dr. of Sci. (History), professor,
head of the Department of Ethnopolitology,
Chief Researcher, Federal State Institution of Science,
Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Center,
Russian Academy of Science, Ufa, Russia, failsafin@mail.ru*

Abstract. The article deals with the issues of language policy in the regions of the Ural-Volga region in the context of the modern ethno-linguistic situation. It is noted that among non-Russian peoples, although they make up a significant share of the population in the republics, the proportion of people who have recognized their native language in favor of Russian decreases from census to census. A classic example of this situation is Bashkortostan, where along with the titular ethnic group – Bashkirs (29.5%), there are Russians – 36.0%, Tatars – 25.4%, and other nationalities (8.1%). According to the Law on education of the Republic of Bashkortostan, all students of secondary schools are required to study the Bashkir language, which has a state status. However, this point of the law met with resistance from parents and the public, who supported the optional nature of learning the language of the title group. Representatives of the “North-Western Bashkirs” making up 200 thousand people, whose native language is Tatar, and more than 90 thousand Bashkirs, whose mother tongue is Russian, also opposed the study of the Bashkir language. The situation associated with the mandatory study of the language of the titular population by all students in the republics of the Ural-Volga region has created a conflict potential in the regions. Therefore, when conducting language policy in the republics, it is necessary to proceed from the real ethno-linguistic situation that has existed for centuries and take into account the national and linguistic interests of all peoples living in the region.

Keywords: language policy, language situation, native language, Ural-Volga region, national-regional component, titular population.

В последние годы особо актуальной стала проводимая, прежде всего в национальных республиках, языковая политика. Суть данной проблемы состоит в том, что, согласно Конституции РФ, каждый гражданин имеет право получить образование на родном языке, в другой статье Основного закона республикам предоставилось право самим устанавливать статус языков. Закрепленный

в Конституциях национальных республик государственным статусом язык титульного народа стал обязательным для изучения учащимися всех национальностей, проживающих на данной территории.

Языковая ситуация в национальных республиках к концу 1980 – началу 1990-х гг. представляла собой давно сложившуюся веками на данной территории конфигурацию.

Напомним, что одним из требований в период подъема национальных движений было возрождение национальных языков.

Если провести анализ языковой ситуации в республиках Урало-Поволжья с начала 1990-х годов, то складывается такая картина, что за эти годы, несмотря на принятые меры по возрождению национальных языков, доля этнических групп, независимо от этнической принадлежности, признавших родным язык своей национальности имела тенденцию сокращения, за исключением башкир в Башкортостане. И то здесь необходимо учитывать фактор смены татаро-башкирской идентичности и схожесть языка.

С 1989 по 2010 г. в Башкортостане, например, доля татар, признавших родным язык своей национальности с 92,9% упала на 7,7%, чувашей с 82,7 до 76,5% (на 6,2%), марийцев с 91,2 до 88,3% (на 2,9%) и т.д. (см. табл.1)

В Республике Татарстан у татар с 1989 по 2010 г. также сокращалась доля с родным татарским языком с 96,6 % до 94,2 %, у чувашей с 87,9% до 86,5 %, у мордвы 75,1 % до 69,4 % (см. табл.1).

В Удмуртии доля удмуртов с родным удмуртским языком с 1989 по 2010 г. сократилась с 75,7% до 65,0%, т.е. на 10,5%. В Мордовии с 88,5% до 70,7% (на 17,8 %), в Чувашии с 85,0% до 77,3% (на 7,7%). В городах показатели родного языка еще ниже.

Лучше всех родные языки сохранились у народов, проживающих в Татарстане и в Башкортостане. Как выяснилось в ходе исследования, все народы, у которых произошла утеря родного языка, в качестве родного отметили русский язык. Иными словами, несмотря на манифестирование возрождения родного языка и принятия мер по их изучению, обозначенные цели не удалось достичь. Даже титульные этнические группы в своих одноименных республиках теряют родной язык в пользу русского.

Таблица 1
Динамика признания родным язык своей национальности в республиках Урало-Поволжья

Республики	Национальности	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010	
		Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%	Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%	Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%	Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%
Республика Башкортостан	Башкиры	935 880 24,3	602 706 64,4	863 808 21,9	645 351 74,7	1 221 302 29,8	1 172 287 29,5	881 672 75,2	
	Татары	940 446 24,5	886 242 94,2	1 120 702 28,4	1 040 680 92,9	990 702 24,1	1 009 295 25,4	859 525 85,2	
	Чуваши	122 344 3,2	106 238 86,8	118 509 3,0	97 980 82,7	117 317 2,9	107 450 2,7	82 229 76,5	
	Марийцы	106 793 2,8	100 354 94,0	105 768 2,7	96 481 91,2	105 829 2,6	103 658 2,6	91 550 88,3	
	Удмурты	25 906 0,7	24 163 93,3	23 696 0,6	21 334 90,0	22 625 0,6	21 477 0,5	19 223 89,5	
Республика Марий Эл	Марийцы	306 627 43,5	287 381 93,7	324 349 43,3	286 787 88,4	312 178 42,9	290 863 41,8	209 437 72,0	
	Татары	40 917 5,5	38 060 93,0	43 850 5,9	38 802 89,5	43 377 5,9	38 357 5,8	29 727 77,5	
	Чуваши	8 087 1,2	5 913 73,1	8 993 1,2	5 993 66,7	7 418 1,0	6 025 0,9	3 022 50,1	
	Удмурты	2 455 0,4	2 140 87,2	2 457 0,3	2 021 82,3	2 166 0,3	1 932 0,3	нет сведений	
	Мордва	1 686 0,2	1 054 62,5	1 749 0,2	967 55,3	1 255 0,1	862 0,1	нет сведений	

Республика Мордовия	Мордва	338 898 34,3	319 533 94,3	313 420 32,5	277 372 88,5	283 861 31,9	333 112 40,0	235 681 70,7
	Татары	45 765 4,6	44 161 96,5	47 328 4,9	44 283 93,6	46 261 5,2	43 392 5,2	39 573 91,2
	Чуваши	1 064 0,1	835 78,5	1 278 0,1	861 67,4	1 097 0,1	нет сведений	нет сведений
Республика Татарстан	Татары	1 641 603 47,6	1 603 566 97,7	1 765 404 48,5	1 705 151 96,6	2 000 116 52,9	2 012 571 53,2	1 899 160 94,2
	Чуваши	147 088 4,3	136 244 92,6	134 221 3,7	117 942 87,9	126 532 3,3	116 252 3,1	100 584 86,5
	Мордва	29 905 0,9	24 537 82,0	28 859 0,8	21 673 75,1	23 702 0,6	19 156 0,5	13 298 69,4
	Марийцы	16 842 0,5	14 845 88,2	19 446 0,5	16 143 83,0	18 787 0,5	18 848 0,5	15 026 82,3
	Удмурты	25 330 0,7	23 209 91,6	24 796 0,7	21 532 86,8	24 207 0,6	23 454 0,6	20 113 85,7
	Башкиры	9 256 0,3	5 981 64,6	19 106 0,5	10 816 56,6	14 911 0,4	13 726	7 121 51,9
Республика Удмуртия	Удмурты	479 702 32,2	395 002 82,3	496 522 30,9	375 659 75,7	460 584 29,3	410 584 27,0	266 907 65,0
	Татары	99 139 6,7	86 204 87,0	110 490 6,9	90 019 81,5	109 218 6,9	98 831 6,7	67 631 68,4
	Башкиры	3 608 0,2	2 342 64,9	5 217 0,3	2 997 57,5	4 320 0,3	нет сведений	нет сведений

Республики	Национальности	1979 г.		1989 г.		2002 г.	2010	
		Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%	Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%		Число данной нац-ти, чел./%	Язык своей нац-ти, чел./%
Республика Удмуртия	Марийцы	8 752 0,6	7 554 86,3	9 543 0,6	7 496 78,6	8 985 0,6	8 067 0,5	5 853 72,5
	Чуваши	3 011 0,2	1 947 64,7	3 173 0,2	1 838 57,9	2 764 0,2	нет сведений	нет сведений
Республика Чувашия	Чуваши	887 738 68,4	797 478 89,8	906 922 67,8	770 825 85,0	889 268 67,7	814 750 67,7	629 551 77,3
	Татары	37 573 2,9	35 124 93,5	35 689 2,7	32 235 90,3	36 379 2,8	34 214 2,8	29 469 86,1
	Мордва	20 276 1,6	16 175 79,8	18 686 1,4	13 423 71,8	15 993 1,2	13 014 1,0	7 877 60,5
	Марийцы	3 034 0,2	2 021 66,6	3 799 0,3	2 441 64,2	3 542 0,3	3 648 0,3	1 959 53,7

Источники: Национальный состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1981; Национальный состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990; Росстат: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.info.gks.ru>.

Из всех республик Урало-Поволжья в качестве примера для анализа рассмотрим Республику Башкортостан, как самую сложную в этническом и языковом отношении регион. Это единственная в стране республика, в которой проживают три этнические группы с численностью более 1 млн человек.

Как показали результаты переписи 2010 г. 96,9% башкир владеет русским языком. В качестве родного языка своей национальности отметили 881 672 башкир (75,3%). Из всех башкир 197 119 чел. или 16,8% в качестве родного языка признали – татарский и 90 302 (7,7%) – русский языки [Национальный состав 2012, С. 60].

Среди русского населения республики, начиная с Всесоюзной переписи 1989 г. наблюдается тенденция некоторого снижения доли лиц с родным языком своей национальности. Иными словами, русские в качестве родного языка начинают выбирать другой национальный язык, а не язык материнского этноса. Часто этим родным языком выступают башкирский или же татарский языки, в зависимости от преобладания в данном населенном пункте представителей того или иного народа. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. из 1 432 906 чел. русского населения доля признания родным языка материнского этноса составила 99,8 %. Из всех русских 1 215 чел. или 0,1 % отметили в качестве родного татарский язык, 611 чел. – башкирский (0,004%), 174 чел. – украинский и 171 чел. – чувашский языки.

Помимо этого, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. 19 147 чел. (1,3%) русских отметили свое владение татарским, 14 640 (1,0%) башкирским, 3 541 (0,2 %) украинским, 2 010 чел. (0,1%) чувашским языками [Национальный состав 2012, С. 60].

Таким образом, в ряде районов, в которых преобладают носители башкирского или татарского языков, для русских также характерно русско-национальное двуязычие.

Рост урбанизации в республике способствовал не только к повышению доли, владеющих русским языком, но и привел к увеличению тех, кто в качестве родного признавал русский язык.

Таким образом, анализ владения языками показывает, что, несмотря на принятые меры по внедрению изучения родных языков, в республике наблюдается значительное расширение и распространение русского языка. Доля владеющих русским языком почти у всех нерусских народов больше, чем владение языком своей национальности, причем этот показатель из переписи в перепись, только увеличивается. По данным переписи населения 2010 г. 98,7% жителей республики отметили свободное владение русским языком.

Проведенное в ноябре 2018 г. этносоциологическое исследование по проекту «Проявление этничности и адаптация молодежи к новым социально-экономическим реалиям в полиэтничном регионе»¹ показало, что 98,5% русской, 42,9% иных национальностей, а также 21,2% татарской и 7,0% башкирской молодежи в качестве родного отметили русский язык (см. табл. 2).

Таблица 2

Выбор родного языка
у ряда этнических групп (%)

Язык	Русские	Татары	Башкиры	Другие
русский	98,5	21,2	7,0	42,9
башкирский	0,5	3,1	89,7	7,1
татарский	0,5	69,4	8,4	7,1
русско-башкирский	0	0,5	1,9	0
русско-татарский	0,5	3,6	0	0
другой	0	–	–	42,9

Этноязыковая ситуация, сложившаяся веками на данной территории, свидетельствует о том, что большинство населения в республике русскоязычное. Поэтому русскоязычному населению особо нет необходимости изучать язык титульного этноса, или же языка народа, носители которого занимают второе место в этноязыковой структуре республики (татар).

В ходе этносоциологического опроса молодежи выяснилось, что у немногим менее четверти башкирской (23,7%), половины татарской (50,5%) и молодежи других национальностей (53,7%), чья социализация проходила в условиях городской местности, и особенно в столице республики, первый язык, на котором они начали разговаривать, все же был русский язык (см. табл. 3).

¹ Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Проявление этничности и адаптация молодежи к новым социально-экономическим реалиям в полиэтничном регионе» проводился в ноябре 2018 г. Опрошено 585 респондентов, в том числе: русских – 195, башкир – 157, татар – 193, других национальностей – 40.

Таблица 3

Определение первого языка,
на котором начали разговаривать (%)

Язык	Русские	Татары	Башкиры	Другие
русский	97,9	50,5	23,7	53,7
башкирский	0,5	1,6	72,4	2,4
татарский	1,0	44,3	1,9	4,9
русско-башкирский	0	0	1,9	0
русско-татарский	0,5	3,1	0	0
другой	0,1	0,5	0	39,0

Результаты этносоциологических исследований показывают, что, несмотря на введение в школах республики в качестве обязательного предмета башкирского языка, роста доли владеющих башкирским языком у населения не наблюдается.

Сравнительный социологический анализ владения русским языком в диахронном аспекте показывает, что если в первой половине 1990-х гг. три четверти башкир (75,7%) и почти столько же татар (73,9%) отмечали, что они свободно владеют русским языком, то спустя через 20 лет доля таковых уже составляла соответственно 87,1% и 86,3%, увеличившись более чем на 10%. Сократилась доля разговаривающих на русском языке с некоторыми затруднениями.

Отход от этнических реалий и не соблюдение сложившейся языковой ситуации уже могут создать основу конфликтогенного потенциала проводимой языковой политики в республиках.

В сложившихся условиях встает вопрос об изучении родного языка и изучение языка титульной этнической группы, наделенного государственным статусом в общеобразовательных учреждениях, всеми учащимися, независимо от национальной принадлежности. Данная тенденция характерная практически для всех национальных республик Российской Федерации в той или иной степени затронула регионы с многонациональным составом Урало-Поволжья.

Напомним, например, в 1970/71 уч. г. в Башкортостане было с башкирским языком обучения – 759 школ (19,5%), с русским – 1 747 (44,8%), с татарским – 1 150 (29,5%), с марийским – 125 (3,2%), с чувашским – 84 (2,2 %), с удмуртским – 27 (0,7%) и мордовским – 4 (0,1%). В том же учебном году в школах

республики обучались на башкирском языке 101 256 (11,7%), на русском – 554 968 (63,9%), на татарском – 174 301 (20,1%), на марийском – 15 176 (1,4%), на чувашском – 17 849 (2,0%), на удмуртском – 4 126 (0,5%), и на мордовском – 614 (0,1%) учащихся [Сафин 2004, с. 354–355].

Все национальные школы были расположены в сельской местности и, практически все дети обучались на своих родных языках. В результате ряда постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленного на дальнейшее улучшение изучения русского языка в союзных и автономных республиках количество школ и численность в них учащихся, обучавшихся на своих родных языках существенно сократились. В результате такой политики численность детей, обучавшихся на башкирском языке к 1978/79 уч. г. сократилась в 2,3 раза, на марийском – в 2,8 раза, на удмуртском – в 6,7 раза, на чувашском – в 8,8 раза, на татарском – в 8,9 раза. Одновременно шел процесс введения башкирского языка в школах западных и северо-западных районов, в которых проживало татароязычное население. Если в Башкирии в 1978/78 уч. г. было 624 школы с башкирским языком обучения, то через 10 лет, т. е. в 1988/89 уч. г. их стало 1215 (36,4 %) школ, а татарские сократились до 457 (13,7%) [Сафин 2004, с. 355].

В годы перестройки, в период возрождения национальных языков и культур началась кампания по переводу школ на национальный язык обучения. Данное решение в некоторой степени базировалось на федеральном законе «Об образовании», принятом в 1992 г. В национальных республиках Российской Федерации в базисных учебных планах в качестве национально-регионального компонента в обязательном порядке были включены такие предметы, как родной язык, культура, география и история региона. Введенные для обязательного изучения четыре дополнительных предмета стали непосильной ношей для школьников национальных республик.

Проведенный в 2014 г. опрос населения [Этносоциологический опрос 2014] Башкортостана показал, что в целом население особо не воспринимает введение преподавания языка титульной этнической группы в качестве обязательного предмета.

Как выяснилось в ходе опроса абсолютное большинство башкир, более половины русских (56,9 %), две трети татар (62,2 %) и столько же респондентов других национальностей (61,9 %) высказалось за предпочтительность преподавания культуры и истории башкирского народа, нежели за изучение башкирского языка.

Таблица 4

Согласны ли Вы с тем, чтобы башкирский язык преподавался во всех школах Башкортостана, в том числе в русских, в качестве обязательного предмета? (%)

Варианты ответов	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Безусловно согласен	10,8	58,0	13,0	19,0
Скорее согласен	21,0	24,2	36,8	16,7
Скорее не согласен	27,2	9,6	22,3	16,7
Безусловно, не согласен	23,1	1,3	11,9	21,4
Затрудняюсь ответить	17,9	7,0	16,1	26,2

Таблица 5

Необходимо ли в школах Башкортостана преподавать язык, культуру и историю башкирского народа? (%)

Варианты ответов	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Нужно преподавать только башкирский язык	1,5	7,6	4,1	2,4
Нужно преподавать культуру и историю башкирского народа	56,9	84,7	62,2	61,9
Пожалуй, можно обойтись и без того. Дети и так слишком загружены	21,5	2,5	14,5	14,3
Затрудняюсь ответить	18,5	5,1	16,6	14,3
Другое	1,5	0	2,6	1,5

Если представители титульных этносов в этом нововведении видели возрождение национального языка, истории и культуры, то нетитульное население постепенно склонялось к тому, что нагрузка для учащихся, которая несет в себе национально-региональный компонент, представляет собой некую дискриминацию. Кроме того, указанные учебные дисциплины были введены в ущерб основным дисциплинам, главным образом за счет уменьшения сетки часов, отведенных русскому языку и литературе. Впоследствии было посчитано, что учащиеся в русскоязычных

школах национальных республик изучают русский язык почти в 1,7 раза меньше, чем в обычных субъектах Российской Федерации. Учитывая недовольство со стороны нетитульного населения национальных республик и необходимость упорядочения федеральных образовательных стандартов, в декабре 2007 г. был принят Федеральный закон № 309, согласно которому вместо действующего комплекса государственных образовательных стандартов вводился единый федеральный государственный образовательный стандарт.

Данный документ вызвал критику со стороны не только национальных республик, но и общественных организаций, в том числе и Русской православной церкви. В некоторых национальных республиках прошли митинги с осуждением 309-го закона, который якобы подрывал основы национального образования в республиках. По мнению представителей национальных республик, отмена национально-регионального компонента создает препятствия для изучения национальных языков в школах и в перспективе приведет к сужению употребления национальных языков. В ряде республик национально-ориентированные организации добивались отмены данного закона и в своем Обращении к Президенту страны отстаивали региональный компонент.

Недовольные такой политикой министерства образования родители начали создавать общества, выступающие в защиту русского языка и против принудительного изучения башкирского языка в школах Башкортостана. По рекомендации членов инициативной группы было создано Интернет-сообщество под названием «Образование и русский язык в школах Башкирии». Участники интернет-сообщества 1 апреля 2011 г. направили Обращение к Госсобранию и к правительству Башкирии о необходимости законодательно закрепить добровольное изучение башкирского языка в школах республики.

Члены инициативной группы отмечали, что большинство русскоязычных школьников Башкирии, с родным русским языком вынуждены изучать «русский язык и литературу на 30–40 % меньше по сравнению со своими сверстниками из других регионов России, так как они вынуждены изучать в неделю два часа урок башкирского языка» [REGNUM 2013].

Сторонники интернет-сообщества 16 апреля 2011 г. в г. Уфе провели митинг в поддержку русского языка. Участники митинга отметили, что данный митинг не направлен против башкирского языка, а организован в защиту русского языка. На митинге было принято Обращение Президенту Республики Башкортостан, Председателю Государственного собрания и министру образования РБ, в котором отмечалось, что национальная политика

в республике направлена на приоритетное развитие языка только одной нации – башкир – и игнорирование запросов жителей других национальностей, в частности, русских и русскоязычных жителей региона. Участники митинга потребовали от руководства республики пересмотреть такую политику и создать условия для повышения уровня преподавания русского языка и общего уровня образования в республике.

По мнению митингующих, поправки к Закону об образовании Республики Башкортостан от 28 сентября 2005 г. об обязательном изучении башкирского языка во всех образовательных учреждениях РБ противоречат Конституции РФ.

Участники митинга высказались за то, чтобы президент, председатель Государственного собрания, министр образования Республики Башкортостан выступили с законодательной инициативой о пересмотре Закона о языках РБ с формулировкой изучения башкирского языка на добровольной основе. Одним из основных требований участников митинга заключалось в предоставлении русскому и русскоязычному населению республики права обучаться по программам, предусматривающим обучение на русском родном языке².

Участники интернет-сообщества создали аналогичные организации и в других регионах для совместных действий против принудительного изучения языка титульного этноса в республиках. Например, подобный митинг родителей в защиту русского языка состоялся 16 апреля 2011 г. в г. Казани.

Почти двадцатилетняя борьба родителей против навязывания школьникам изучения башкирского языка и отстаивание прав своих детей изучать родной русский язык не прошла бесследно.

В ряде общеобразовательных русскоязычных школ с 1 сентября 2011 г., в основном, в первых классах, начали учить детей по новому федеральному стандарту, согласно которому изучение языка титульного этноса в начальных классах не предусмотрено.

Изучение родного языка в школах с многонациональным составом учащихся, в свою очередь, вызвало определенные трудности и противоречия. В таких школах для изучения родных языков стали создавать подгруппы с разделением детей по национальному признаку, и дети расходились по разным аудиториям изучать свой родной язык. Такое деление по национальному при-

² Вести с митинга в защиту русского языка в Башкирии // Уфимский журнал. 18.04.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://journalufa.com/2011/04/18/> (дата обращения: 07.06. 2019).

знаку внутри школы также было негативно воспринято родительской общественностью республики³.

Все народы республики понимают роль и значимость языка межнационального общения, имеющего государственный статус в Российской Федерации, без знания которого просто немислимо удовлетворение своих социально-культурных запросов в обществе. Тем более что этноязыковая ситуация в республике позволяет представителям всех национальностей ориентироваться на изучение русского языка.

Результаты этносоциологических опросов, проведенных в республике, показали, что абсолютное количество опрошенных респондентов всех национальностей выразило свою безусловную поддержку обязательного изучения русского языка в школах Башкортостана.

Таблица 6

Отношение ряда этнических групп
к обязательному изучению русского языка (%)

Варианты ответов	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Безусловно согласен	83,7	80,6	75,8	79,4
Скорее согласен	8,5	14,2	15,9	11,1
Скорее не согласен	1,2	1,3	0,9	0
Безусловно не согласен	1,2	0,7	0,4	0
Затрудняюсь ответить	5,4	3,2	7,0	9,5

Несмотря на реальную языковую ситуацию, сложившуюся в республике, в начале 2000-х гг. со стороны руководства были попытки принять ряд законодательных актов, предусматривающих для государственных служащих знание языка титульного этноса. Однако обострившаяся этнополитическая ситуация и жесткие заявления общественного объединения «Русь» совместно с татарскими национальными организациями остановили данный недемократический шаг руководства республики.

³ Языковые вопросы // Общественная электронная газета. 16.02.2012. [Электронный ресурс]. URL: https://i-gazeta.com/news/region102/20146.html?SECTION_CODE=region102&ELEMENT_ID=20146 (дата обращения 13.02.2013).

Этносоциологический опрос 2014 г. показал, что в своем большинстве русские (71,3 %) и представители других национальностей (57,1 %) высказались за то, чтобы их детей обучали только на русском языке. Это мнение разделили 37,4 % опрошенных татар и 23,2 % респондентов башкир. Половина башкир и две пятых татар все же отдали предпочтение за обучение на русском и на языке своей национальности.

Таблица 7

Предпочтительность языка обучения детей
в школе (сейчас или в будущем) (%)

Варианты ответов	Русские	Башкиры	Татары	Другие
только на русском	71,3	23,2	37,4	57,1
на башкирском и русском	11,6	51,6	4,0	7,9
на трех (баш., тат., рус.)	5,8	7,1	10,6	4,8
на татарском и русском	3,1	7,7	40,5	–
только на башкирском	0,4	5,2	1,3	–
только на татарском	–	0,6	1,3	1,6
на башкирском и татарском	0,4	–	–	1,6
затрудняется ответить	7,4	4,5	4,8	27,0

Опыт реализации языковой политики во вновь образованных государствах показал, что с приобретением государственности следующим шагом на пути утверждения государственных институтов становилось огосударствление языка. Обладающий государственным статусом национальный язык становился инструментом в осуществлении кадровой политики. Государственные должности могли занимать только те, кто владел государственным языком. Не избежала этой участи и Республика Башкортостан. Лидеры и активисты национального движения титульного этноса в начале борьбы за суверенитет говорили о том, что башкирский язык нужен для того, чтобы башкиры сами учили родной язык, а не для того, чтобы дети других национальностей принудительно изучали башкирский язык [Карамышева 1990; Валеев 1992; Ураксин 1990]. Через некоторое время эти же лидеры уже выступали за то, чтобы проживающие в республике народы изучали и знали язык республикообразующего этноса [См.: Сафин 1998, с. 192–195].

Вот пишет один из родителей: «Никто из нас не против изучения культуры башкир или, тем более, географии Башкирии. Вопрос в разумности пределов. Изучать 11 лет культуру одного народа, живущего в многонациональном крае – перебор. Ведь “Московведение”, или “Краеведение”, или “Культуру-географию Московии” московские школьники 11 лет не изучают»⁴.

В ряде общеобразовательных русскоязычных школ с 1 сентября 2011 г., в основном в первых классах, начали учить детей по новому федеральному стандарту, в котором изучение языков титульного этноса не предусмотрено.

После выступления В.В. Путина на Президиуме Госсовета 20 июля 2017 г. в Йошкар-Оле по вопросу преподавания родных языков в школах страны начинается новый этап в языковой политике.

В 2018/19 уч. г. в РБ изучаются 11 родных языков. Это башкирский, белорусский, латышский, марийский, мордовский, немецкий, русский, татарский, удмуртский, украинский и чувашский языки.

Русский язык в качестве родного выбрало 63,05% учащихся, башкирский – 15,6%, татарский – 9,45%, марийский – 1,11%, чувашский – 0,74 %. При этом башкирский и русский (в качестве родного) языки будут изучаться во всех общеобразовательных учреждениях РБ. Татарский язык как родной будет преподаваться в 12 муниципальных районах и 3-х городских округах. Уроки чувашского запланированы в 5 муниципальных районах, а уроки марийского – в одном районе⁵ [Родной язык 2018].

Однако проблема изучения языка титульной этнической группы всеми учащимися в республике пока остается открытой, что позволяет утверждать, что при проведении языковой политики в регионе следует учитывать сложившуюся этноязыковую ситуацию.

⁴ Мы за русский язык! // Уфимский журнал. 08.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://journalufa.com/2330-soobschestvu-obrazovanie-i-russkiy-yazyk-v-shkolah-bashkirii-dva-goda.html> (дата обращения: 23.10.2013).

⁵ Родной язык в Башкирии: Большинство выбрали русский // Уфимский журнал. 20.08.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://journalufa.com/24393-rodnoy-yazyk-v-bashkirii-bolshinstvo-vybrali-russkiy.html> (дата обращения: 20.08.2018).

Литература

- Валеев 1992 – *Валеев Д.Ж.* Имеется политико-правовая основа: О статусе языков в Башкирской ССР// Башкортостан. 1992. 6 февраля [На башк. яз.].
- Карамышева 1990 – *Карамышева Т.* Необходимо право государственного языка // Йашлек.1990. 25 января [На башк. яз.].
- Национальный состав 1979 – Национальный состав населения РСФСР, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1981.
- Национальный состав 2012 – Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник: В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2012.
- Сафин 1998 – *Сафин Ф.Г.* Принципы этнополитического развития Башкортостана (1989–1994 гг.). М.: ЦИМО, 1998. 376 с.
- Сафин 2004 – *Сафин Ф.Г.* Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань: Магариф, 2004. 543 с.
- Ураксин 1990 – *Ураксин З.Г.* Зачем нужен «государственный язык? // Советская Башкирия. 1990. 29 июня.

Лингвокультура как фактор формирования языковой личности педагога

Ф.Г. Фаткуллина

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской
и сопоставительной филологии Башкирского государственного
университета, Уфа, Россия, fluzarus@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена особенностям современной русской лингвокультуры, которая, в силу включенности в процесс европеизации и глобализации, находится в переходном периоде от коллективистской к индивидуалистской, в связи с чем происходит смена доминантных ценностей и изменение стиля коммуникации, в том числе, и в образовательной среде. Автор приходит к мнению о том, что изменения последних десяти лет привели к несоответствию современным условиям прежней системы образования и попыткам построить новую, по аналогии с европейской.

Ключевые слова: лингвокультура, глобализация, коммуникация, образовательный процесс; ценности индивидуалистской культуры.

Lingoculture as a factor in the formation of the teacher's linguistic personality

F.G. Fatkullina

*Dr of Sci. (Philology), Head of the Department
of Russian and Comparative Philology, Bashkir State University,
Ufa, Russia, fluzarus@rambler.ru*

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of modern Russian linguistic culture, which, due to its involvement in the process of Europeanization and globalization, is in the transition period from collectivist to individualistic, in connection with which there is a change in dominant values and a change in communication style, including in the educational environment. The author comes to the conclusion that changes in the last ten years have led to inconsistencies with the current conditions of the previous education system and attempts to build a new one, by analogy with the European one.

Keywords: lingoculture, globalization, communication, educational process; values of individualistic culture

На протяжении XX века русская лингвокультура, изначально культура коллективистская, исконно базирующаяся на чувстве локтя, на предпочтении духовных ценностей материальным, пережила несколько разрушительных периодов. В начале века принцип «Весь мир насилья мы разрушим» распространившийся и на лингвокультуру, выразился в отказе от всего, что было в прошлом, вплоть до А.С. Пушкина. Язык был насильственно упрощен, естественные речевые формулы вежливости были провозглашены антикоммунистическими, интеллигентность стала ассоциироваться с барством (ср. *Ишь ты, культурный какой – барина из себя строит!*) и слабостью (ср. *вишвая интеллигенция, интеллигент в маминой кофте* и т. п.) [Казанцева 2017, с. 26].

К середине века ситуация изменилась в связи с упрочением основ советской культуры и культом образования и науки. Советская лингвокультура во многом оставалась продолжением исконно русской и опиралась на присущие русским коллективистские лингвокультурные ценности: общее важнее личного, будущее важнее настоящего; родина – это святое; деньги – зло и др. В советский период коллективистские ценности еще продолжали преобладать в языковом сознании русских, хотя их удельный вес уже тогда начал постепенно снижаться. Окончательный перелом произошел вскоре после распада Советского Союза. Так, исследование Н.И. Лапина, предпринятое в 1990-х гг., выявило, что суждения с ключевыми словами «комфорт для себя, своей семьи» и «быть яркой индивидуальностью» перешли из категории отрицаемых в категорию одобряемых, тогда как суждение с ключевыми словами «жить как все», напротив, из одобряемых стало отрицаемым [Лапин 1996, с. 10], соответственно, уже в середине 1990-х гг. россияне стали отдавать предпочтение личностным (индивидуалистским) ценностям в ущерб общественным (коллективистским).

Затем свою лепту в изменение лингвокультурного облика нации внесли «лихие девяностые». Основной причиной этих изменений был слом экономической системы и падение железного занавеса. Западный капитализм, придя на неподготовленную российскую почву, деформировал систему ценностей и духовную сферу россиян. Ценности западной индивидуалистской культуры стали быстро усваиваться россиянами. Однако, подобные процессы никогда не проходят планомерно и равномерно. И в первую очередь усваивается то, что усвоить легко, на что не нужно тратить душевных и физических сил, не требуется переосмысливать и перекраивать собственное внутреннее Я. Поэтому на первый план выходит универсалия *деньги* [Слышкин 2004] как одна из основных (но не главная) ценностей индивидуалистского типа

культуры. Буквально за два последних десятилетия тема денег из категории низменных и недостойных общественного внимания, превратилась в главную тему обсуждений во всех областях жизни и деятельности.

Слом произошел не только в экономической сфере, но и в культурном пространстве. Западная массовая культура, подвергавшаяся столь жесткой критике в советский период, пришла в Россию и стала ее новой культурной парадигмой [Тарасов 2000]. Прimitивные сериалы, деградационные реалити-шоу, ток-шоу и тому подобные передачи стали вытеснять духовную и академическую культуру, заслоняя ее своей массовостью. Утрачивает свое былое значение категория морали, увлекая за собой дилемму *мораль-деньги*.

Следующим этапом стало перенятие принципа индивидуализма и независимости, выразившееся в стремлении принять себя таким, какой я есть (вместе с рекомендацией принять меня со всеми моими недостатками Другому и неспособностью самому принять Другого со всеми его недостатками), в нежелании прислушиваться к чужому мнению, в отказе от совместной, коллективной деятельности и ответственности, в концентрации своих мыслей и действий на собственных интересах. Эта разновидность индивидуализма, понимаемая как потребительское отношение к свободе в форме свободы от обязательств, навязываемых социумом, приводит к интолерантности и консьюмеризму [Войтенко 2014].

В связи с этим многие веками формировавшиеся принципы коллективистской культуры стали разрушаться и заменяться новыми. Такие принципы, как честность, добродушие, отзывчивость, милосердие, внимание к людям и доверчивость стали проявлять явные признаки деформации. Вместо доброты все чаще встречается агрессия, вместо честности – фальшь и ложь с целью заставить что-то купить, вместо милосердия и отзывчивости – равнодушие.

Словарный состав русского языка пополнился такими лексемами, как *игнор, селфи, фейк, троллинг, хейтер, мутный* (не вызывающий доверия, скрытный), *лохотрон, соптимизировать, офисный планктон, засветиться* (например, на Ю-тюбе), *впаривать* (товар, кредит), *кинуть, развести на деньги, понты* и многими подобными словами и выражениями, свидетельствующими о культурных изменениях в России.

В литературе последнего десятилетия свидетельства о стремительно происходящих изменениях, происходящих в российской лингвокультуре, неоднократны и речь, прежде всего, идет о нарастании в ней признаков индивидуализма, хотя сложившаяся

ситуация именно для русской лингвокультуры сравнительно нова [Батыршин, Фаткуллина, с. 3].

В современном глобализирующемся мире культура, находящаяся в переходной стадии от коллективизма к индивидуализму, находится в заведомо сложном положении, так как ее представители уже потеряли традицию совместного достижения целей, но еще не приобрели в полной мере ценностей индивидуалистской культуры: эгалитаризм, тщательность планирования будущего, уверенность в завтрашнем дне, здоровая конкуренция, уважение к Другому, невмешательство в личную сферу Другого, толерантность, контроль за эмоциями. Это во многом объясняет те негативные тенденции, которые наметились в современном российском обществе в целом, и в сфере образования, в частности.

Прежде всего, психологическое состояние российских педагогов находится под влиянием сложного исторического момента, связанного с масштабными изменениями в системе российского образования. В эпоху сталинизма престиж знаний, престиж учительства получал всемерную идеологическую поддержку, что сказалось на становлении и бурном развитии советской системы образования, которая, необходимо отметить, была признана одной из лучших в мире. Хотя доминирующим типом педагогического взаимодействия в советской школе был контролирующий, его успешно уравновешивала семейность школы (т. е. роль третьего родителя, передовая на тот момент, была реализована именно в школе советского периода). Авторитет учителя/профессора был в те годы непререкаем. Педагог пользовался безграничным доверием всех категорий обучающихся – все, что он делает, он делает правильно и для их блага. Он мог диктовать любые условия, которые выполнялись беспрекословно. Он был фактически богом. Вполне вероятно, что предположение о том, что высокая результативность советского образования была прежде всего обязана идеологическому образу «педагог-бог», является совершенно уместным. Этой профессией гордились, в педагогических вузах был высокий конкурс, педагоги пользовались уважением окружающих.

Изменения последних десяти лет привели к несоответствию современным условиям прежней системы образования и попыткам построить новую, по аналогии с европейской. Однако, модернизация проходит очень тяжело, со многими негативными последствиями. На первом этапе, в 1990-е гг., нанесенный удар по морально-нравственным основам российского общества подорвал уважение к учительскому и преподавательскому труду, чему способствовало хроническое недофинансирование образовательной системы. Результатом этого стал уход из средней и высшей

школы большого числа высококвалифицированных специалистов. В течение второго этапа (2000-е гг.) ломке стала подвергаться собственно матрица отечественного образовательного процесса: прежде всего введение ЕГЭ, двухступенчатой системы высшего образования и введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний в вузах [Сергеев 2017]. О том же пишет в своей статье на сайте Открытого университета член-корреспондент РАО Александр Абрамов: введение ЕГЭ ощущается педагогическими коллективами как лишение их кредита доверия [Абрамов 2012]. Необходимо также отметить, что существенный ущерб педагогическому авторитету нанесла коммерциализация образования, обозначив статус преподавателя как поставщика образовательных услуг. В психологическом портрете российского педагога появились такие изменения, как снижение самооценки, стремления к идеалу, потеря себя как творца, переживание потери Россией статуса самой образованной страны в мире.

Резкие изменения лингвокультурных характеристик России, таким образом, являются очевидными и неоспоримыми. Однако, как известно, перемены являются законом жизни, и любые попытки сохранить статус-кво могут обернуться лишь аггравацией складывающихся моделей отношений в любом институциональном типе дискурса, в том числе и в академическом. Из вышесказанного можно сформулировать два тезиса:

Первый. Черты новой для России индивидуалистской культуры, которые легче всего усваиваются в юном возрасте, встречают гораздо более активное сопротивление у людей, чья юность и формирование личности происходило в годы советской власти. И здесь необходимо отметить, что по данным исследования TALIS за 2018 г., средний возраст российского учителя составляет 52 года, при этом отмечается тенденция к снижению числа молодых учителей и, соответственно, увеличению доли педагогов старшей возрастной категории [TALIS-18].

Второй. Коммуникативные интенции, лежащие в основе стратегий академического дискурса, имеют свои лингвокультурные различия. (Например, в коллективистских культурах педагоги чаще используют объясняющую и организующую стратегии, а в индивидуалистских – поддерживающую и контролирующую).

Исходя из этого можно сделать важное, на наш взгляд, предположение, что использование педагогами стратегий, характерных для коллективистского типа культуры, в определенных случаях может препятствовать достижению педагогических целей, производя отрицательный эмоциогенный эффект на аудиторию, если ее основу составляют представители нарождающейся инди-

видуалистской культуры. В этом случае необходимо рассматривать академическое общение как процесс, близкий по своим характеристикам к межкультурному общению, которое без учета культурных различий приводит к когнитивному диссонансу и коммуникативным неудачам. Еще один фактор успешности межкультурной коммуникации, который следует учесть, это отсутствие элемента превосходства одной культуры над другой в процессе общения [Хайруллина 2005], т. е. взаимное уважение коммуникантов.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 20-012-00136.

Литература

- Абрамов 2012 – *Абрамов А.* Требуем продолжения дискуссии / А. Абрамов. Открытый университет. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/forum/expert-articles/23404/>. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.09.2019).
- Батыршин, Фаткуллина, 2016 – *Батыршин Ш.Ф., Фаткуллина Ф.Г.* Психолого-педагогическая компетентность преподавателя вуза // Международный студенческий вестник. 2016. № 5. Ч. 3. С. 451–454.
- Войтенко 2014 – *Войтенко В.П.* Сущность, типы и виды индивидуализма в России и на западе // Гуманитарные, социально-политические и общественные науки. 2014. № 6. С. 11–14.
- Казанцева 2017 – *Казанцева Е.А.* Особенности современного педагогического дискурса // Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 1. С. 22–24.
- Лашин 1996 – *Лашин Н.И.* Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
- Сергеев 2017 – *Сергеев А.Л.* Конституционно-правовое регулирование реформы образования в России: проблемы и перспективы // Lex Russica. 2017. № 2 (123). С. 223–228.
- Слышкин 2004 – *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- Тарасов Е.Ф. – *Тарасов Е.Ф.* Язык как средство трансляции культуры // Вестник культурологии. 2000. № 2. С. 108–110.
- TALIS-18: Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-18. Электронные текстовые данные. URL: <https://foco.ru/Talis-18-results>. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.09.2019).
- Хайруллина 2005 – *Хайруллина Р.Х.* Лингвистика межкультурных коммуникаций: курс лекций. Уфа: Изд. БГПУ, 2005. 204 с.

Я41 **Языковая** политика в России и мире: материалы Международной научно-практической конференции (6 декабря 2019) / Отв. ред. М.А. Омаров. М.: РГГУ, 2020. 197 с.
ISBN 978-5-7281-2585-3

Сборник содержит материалы Международной научно-практической конференции «Языковая политика в России и мире», состоявшейся 6 ноября 2019 г. в Российском государственном гуманитарном университете.

В ходе проведения конференции обсуждался широкий круг вопросов: языковая политика в различных странах мира; правовое регулирование языковых отношений; управление в сфере языковой политики и языковые права граждан; правовые статусы языков; языковая политика по сохранению языков малочисленных народов; Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г. и принципы языковой политики; государственный язык РФ и языки народов России; языковые ситуации в регионах РФ; язык и общество; языковая политика и идентичность; языки обучения и подходы к изучению языков; язык и СМИ; языковые конфликты, их предупреждение и разрешение.

УДК 342.725 (042.3)
ББК 81.2

Научное издание

Языковая политика в России и мире

*Материалы
Международной научно-практической
конференции*

6 декабря 2019 г.

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Н.К. Егорова

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 22.12.2019.
Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Уч.-изд. л. 13,1. Усл. печ. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 709

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06